Вестник

Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко

Научно-практический журнал

Выпуск № 1 (4)

Луганск
2018

Вестник

Луганской академии внутренних дел имени Э.А.Дидоренко

Научно-практический журнал* Выходит два раза в год* Основан в 2016 году* Основатель и издатель: Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко* Свидетельство о государственной регистрации МИ-СГР ПИ000066, выданное Министерством информации, печати и массовых коммуникаций Луганской Народной Республики 28 марта 2016 года

1

2018

Редакционная коллегия:

Глазков В.А.	-	канд. юрид. наук, доц. (председатель)
Коваленко Т.С.	-	канд. юрид. наук, доц. (главный редактор)
Бабичев Д.А.	-	канд. юрид. наук, доц.
Овчинников В.Н.	-	д-р эконом. наук, проф., акад. МАН ВШ
Любашиц В.Я.	-	д-р юрид. наук, проф.
Гребеньков Г.В.	-	д-р юрид. наук, проф.
Винниченко О.Ю.	-	д-р юрид. наук, проф.
Шабуров А.С.	-	д-р юрид. наук, проф.
Мордовцев А.Ю.	-	д-р юрид. наук, проф.
Винокуров А.Ю.	-	д-р юрид. наук, проф.
Груздев В.В.	-	д-р юрид. наук, проф.
Малько А.В.	-	д-р юрид. наук, проф.
Суханцева В.К.	-	д-р философ. наук, проф.
Атоян А.И.	-	д-р философ. наук, проф.
Тисунова В.Н.	-	д-р эконом. наук, проф.
Черкасов К.В.	-	д-р юрид. наук, доц.
Мамитова Н.В.	-	д-р юрид. наук
Цыганов В.И.	-	канд. юрид. наук, доц.
Введенская В.В.	-	канд. юрид. наук, с.н.с., доц.
Васильева О.В.	-	ответственный секретарь

Рекомендовано в печать ученым советом ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко» (протокол № 8 от 17 апреля 2018 года)

Для научных работников и юристов-практиков

Статьи публикуются в авторской редакции

✉ Луганская Народная Республика. Луганск, пгт Юбилейный, ул. Генерала Дидоренко, 4. Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко.

© Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, 2018

Раздел I

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.12

А.И. Левченков
Е.В. Ковалева

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА В НЕСТАБИЛЬНЫХ СОЦИУМАХ

Статья посвящена исследованию принципов справедливости и ответственности как философско-юридической категории, возможности их использования в государственно-правовом строительстве ЛНР. В частности, в деятельности правоохранительных органов республики.

Авторы статьи предлагают представителям силовых структур не только в своей деятельности руководствоваться этими сакральными принципами, но и предать им особую координирующую роль в системе общих принципов права и в правоприменительной сфере.

Справедливость и ответственность должны стать базовыми принципами правоохранительной деятельности МВД, мерилом оценки (социальным рейтингом) эффективности их работы. Именно социальный эффект деятельности правоохранительных органов республики является объективным критерием их востребованности и полезности для общества. В то же время реализация принципов справедливости и ответственности в праве является весомым средством достижения социального компромисса между властью и гражданами, что в свою очередь является залогом жизнеспособности и перспективности всей государственно-правовой конструкции ЛНР.

Ключевые слова: *принцип ответственности, принцип справедливости, гуманное общество, демократия, законность.*

The article is devoted to the study of the principles of justice and responsibility as a philosophical and legal category, the possibility of their use

in the state and legal construction of the LPR. In particular, in the activities of law enforcement agencies of the Republic.

The authors suggest that the representatives of law enforcement agencies not only to be guided in their activities by these sacred principles, but also to give them a special coordinating role in the system of General principles of law and in law enforcement.

Justice and responsibility should become the basic principles of law enforcement activity of the Ministry of internal Affairs, a measure of evaluation (social rating) of the effectiveness of their work. It is the social effect of the law enforcement agencies of the Republic is an objective criterion of their relevance and usefulness to society. At the same time, the implementation of the principles of justice and responsibility in law is a significant means of achieving a social compromise between the authorities and citizens, which in turn is the key to the viability and prospects of the entire state and legal structure of the LPR.

Key words: *principle of responsibility, principle of justice, humane society, democracy, legality*.

Современные попытки ориентировать политическую элиту на философско-правовые ценности западноевропейской демократии актуализируют проблему социальной справедливости, путь к чему указывает опыт европейских государств.

Изменения, произошедшие в государственно-правовой системе Луганской Народной Республики, ставят на повестку дня вопрос об укреплении демократии с позиции идей справедливости и ответственности. В современном государственном строительстве процесс институализации справедливости, свободы выбора и ответственности находится в стадии становления. Часто он сдерживается в связи с экономическими условиями (мировой финансовый кризис), политическими играми соседних стран. Этому в определенной степени способствуют и нечеткая политическая структурированность общества, и неразвитость частных интересов (как на общественном уровне, так и на уровне индивидуального предпринимательства), и несовершенная и часто изменяемая отечественная правовая база. Однако следует отметить: этот процесс не прекращается, а воплощается в правовых и культурных ценностях.

Справедливость в философско-правовом измерении предполагает беспристрастность, истинность, объективность, правильность, обоснованность правового реагирования на ту или иную деятельность, решения споров относительно права и конфликтов, которые при этом возникают, равенство перед законом и судом, равноправие, соответствие между преступлением и наказанием, целями законодателя и избранными средствами их достижения [4, с. 8]. Здесь речь идет о сфере правовой действительности как таковой.

Учитывая общественную справедливость или несправедливость субъекты общественных и правовых отношений могут оценивать соответствие между объективным правом и приобретенными на этой основе практическими правами, закрепленными в действующем национальном законодательстве определенной страны. С одной (идеальной) стороны, оценивается то, что провозглашено как право; с другой (реальной) – то, что проявляется в общественно-правовой действительности определенным результатом его действия, то есть объективация в реальной общественной жизни для конкретного человека, социальной группы или государства в целом.

В философии права часто высказывают мнение, что справедливость является мерой демократии, ведь европейская форма демократии – это продукт целенаправленной деятельности, что базируется на философско-правовом принципе справедливости и общественной ответственности. В этой плоскости право и демократия могут проявляться как современные формы реализации философии общественной и индивидуальной справедливости и общественной и индивидуальной ответственности. Поэтому справедливость и ответственность имеют собственную логическую структуру, которая проникает в каждое национальное право независимо от его приближенности к идее абсолютной справедливости в обществе.

Н.И. Гринчишин, исследуя проблему ответственности, отмечает: «...чтобы создать гуманное общество, в котором люди должным образом вели бы себя друг с другом, нужно, чтобы

каждый человек чувствовал личную ответственность за окружающий мир» [3, с. 55].

В современной западной антропологической философии актуализируется также контекстуальное определение и уточнение содержания категории «моральная ответственность», которая была провозглашена основой любой сферы человеческой жизни.

Так, французский философ Е. Левинас, не отрицая традиционного содержания, выделяет три основных измерения ответственности: перед собой, перед Другим и перед Богом, а категория «ответственность» в обществе доведена им до «крайнего» определение: «Я» является ответственным за «Другого» даже тогда, когда он совершает преступление [4]. Учитывая это общественная ответственность человека перед внутренним «Я» связывается со свободой и справедливостью, которые, хотя и принадлежат к объективному миру, порождаются внутренним, собственным, то есть личностным чувством ответственности. Соблюдение справедливости предполагает взаимность и способствует утверждению равенства в обществе в отношении всех его индивидуумов в частности и всего общества в целом.

Необходимость такого обоснования философско-правовых категорий в законодательстве обусловлена и тем, что природа конституционно-правовой ответственности определена по-разному, причем допускают смешивания юридической, политической и моральной ответственности.

Кроме того, конституционно-правовая ответственность может основываться также на правовых критериях, которые определены в национальном законодательстве, так сказать, «в чистом виде». В таком случае нормы о конституционно-правовой ответственности, их правовое закрепление в национальном законодательстве почти не отличаются от дефиниций других видов юридической ответственности.

По нашим наблюдениям над международной практикой, а точнее опытом западноевропейских стран, США, соблюдение философско-правовых положений о справедливости и ответственности в праве – важнейшее условие осуществления правосудия во всех сферах, особенно в уголовном, ведь именно здесь

распространенным остается факт применения строгих мер государственного принуждения вплоть до ареста, заключения и тому подобное. Это в определенной степени провоцирует опасные ошибки и злоупотребления чиновников разных уровней.

Как правовые категории справедливость и ответственность воплощены в действующем законодательстве республики. Это соответствует новой парадигме понимания правового и демократического государства.

Принцип справедливости положен в основу всех кодексов государств и закреплен в конституциях, что требует не только теоретического расширения правового пространства, но и разработку практических и эффективных организационно-правовых механизмов их реализации. Это обусловливает необходимость создания качественно нового законодательства, которое отвечало бы современным потребностям нашего народа и основывалось на началах справедливого и ответственного права.

Правовая категория справедливости наряду с такими правовыми категориями, как «добросовестность», «разумность», а также «недопустимость своевольного вмешательства в сферу личной жизни человека», является, как правило, главной основой соответствующих положений гражданского кодекса.

В этой связи, принцип справедливости целесообразно определить как общетеоретический принцип права, предусматривающий законодательную необходимость установления объемов, способов, пределов осуществления и защиты гражданских прав и интересов личности в соответствии с действующими требованиями правовых норм.

Спецификой применения принципа справедливости в обязательственном праве является его сочетание с принципами надлежащего и реального исполнения.

Как свидетельствуют исторические источники, принцип справедливости нашел отражение еще в римском частном праве, при котором приобрел универсальности в регулировании гражданских отношений древнего общества. Так, в римском частном праве толкования договоров осуществлялось на

основе принципа естественного права, что позволяло выявить волю сторон правоотношений.

Гуманистическое переосмысление принципов справедливости и ответственности в эпоху Возрождения и Реформации обусловило создание первых либеральных европейских конституций (XVIII–XIX вв.), в которых принцип справедливости как принцип законодательства, утверждает законность в понимании верховенства закона и всеобщности права, а, следовательно, равенства всех субъектов правоотношений и иных общественных отношений перед законом. Таким образом, справедливость гарантирует стабильность правопорядка в обществе.

Постепенное распространение и признание плюралистических идей справедливости в обществе и личной и коллективной ответственности людей способствовало тому, что в конституциях европейских государств четко было зафиксировано правовое равенство объединений, созданных по мировоззренческим принципам, граждан независимо от их взглядов и тому подобное. Наблюдалась также тенденция к унификации норм, в частности в обязательственных отношениях.

В законодательствах практически всех развитых стран отмечено: правосудие может осуществляться исключительно судом. Это положение часто конкретизируется не только в конституциях страны, но и в уголовно-процессуальном кодексе и других законодательных актах. Другими словами, законодательством закрепляют тот юридический факт, что только компетентный суд, который действует на основании предписаний закона, может признать человека виновным и назначить ему уголовное или административное наказание. Что касается правосудия по гражданским делам, которое осуществляют суды общей юрисдикции и арбитражные суды, то положения, содержащиеся в основном в Конституции страны и конкретизируются в соответствующем законе о судоустройстве, конкретизируют также в ряде других законов, прежде всего в гражданских-процессуальных и административных-процессуальных кодексах.

При этом круг органов, уполномоченных осуществлять правосудие в соответствии с принципами справедливости и ответственности, четко ограничивают названными выше законами. Никакие государственные или иные органы не имеют права осуществлять такой вид деятельности, поскольку у них нет соответствующих властных полномочий, предоставленных государством.

Правовое требование выполнения этого вида государственной правоохранительной деятельности только судами, имеет в виду также то, что акты правосудия (приговоры или иные судебные решения), которые после вступления в законную силу приобретают общеобязательное значение, подлежат неуклонному исполнению. Отменять или изменять их вправе лишь вышестоящие судебные органы и только с соблюдением строгих процессуальных правил и гарантий, защищающих права и законные интересы граждан, а следовательно, правомерные интересы общества и государства.

Четкая обусловленность правосудия принципами справедливости и ответственности способствует формированию у граждан правосознания, ведь именно справедливость и ответственность считаются мерой социальной оценки в сознании действий, поведения людей и деятельности институтов.

Закрепленные в праве требования справедливости имеют силу закона и обеспечиваются поддержкой государства. Они являются одновременно и моральными, и правовыми. Поэтому справедливость является этико-юридическим феноменом.

Особенно это касается категории «справедливость» как универсальной мировоззренческой категории, которая является катализатором созидания позитивного правосознания. Правовая справедливость становится реальной и должной мере в сфере действия многих общественных отношений, реализуемых в юридической процессуальной форме. Справедливость является проявлением разумности оценки правового общественной жизни, а наряду с такой категорией, как «ответственность», – сквозной социальной добродетелью, важным критерием оценки личности, общества, государства и его институтов.

Новейшая трактовка справедливости и ответственности в правовом поле сочетает концепцию справедливости с получением вознаграждения за определенные заслуги, ответственностью, в соответствии с поставленными требованиями, предоставленными полномочиями и тому подобное, то есть становится насущной социальной потребностью равенства в обществе. Такой подход к справедливости и ответственности делает указанные философско-правовые категории неотъемлемой составляющей верховенства права, а также позволяет воспринимать их только как моральное или правовое явления.

Следовательно, становления современного независимого государства, развитие ее правовых институтов, создания демократического права неразрывно связаны с воплощением принципов и применением категорий справедливости и ответственности. Общепринятые международно-правовые акты обусловливают необходимость включения категорий «справедливость» и «ответственность» в правовое поле всех государств, а значит и внести необходимые изменения в законы и подзаконные нормативно-правовые акты.

Имплементация указанных положений позволит усилить правовые гарантии свободы и личной неприкосновенности граждан, особенно в процессе задержания, ареста и содержания под стражей, проведения досудебного следствия и защиты в суде.

Практика реформирования законодательства с целью повышения его эффективности указывает на то, что необходимо согласовать внутригосударственное право с международным с целью соблюдения требований европейских демократических стран.

Приведение национального законодательства, в том числе ведомственных нормативных актов МВД, в соответствии с требованиями международно-правовых документов способствует налаживанию, развития и углублению международного полицейского сотрудничества [1, с. 12-13].

Во внутренней деятельности и международному сотрудничеству органы внутренних дел должны соблюдать требования

положений международных документов, определяющих общепринятые подходы в борьбе с преступностью и устанавливающие правила поведения должностных лиц. К таким документам относятся: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция против пыток и других жестоких, нечеловеческих или таких, которые унижают достоинство человека, видов поведения и наказания, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка [2], и др.

Рассматривая правовые нормы международного права и их влияние на национальное законодательство, следует обратить внимание и на различие между императивными и диспозитивными нормами международного права, отличие между которыми заключается не только в том, что одни являются обязательными, а другие – необязательными для государства. Все международно-правовые нормы, ратифицированные национальным законодательством, являются обязательными для исполнения.

Однако, если речь идет о диспозитивных нормах, то заинтересованные государства могут заключать договоры, устанавливающие иные правовые нормы, и действовать согласно с ними. Это не будет нарушением правовых отношений и норм международного права при условии, что не наносит ущерб законным интересам других государств. Когда же речь идет об императивной норме в международном праве, тогда такой договор считается недействительным в международном правовом поле. Этот тезис впервые был зафиксирован в договорном порядке ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Проще говоря, несмотря на очевидную сложность и новизну, проблема справедливости и ответственности органов и должностных лиц органов внутренних дел заинтересовывала ученых-юристов недостаточно. Внимание уделено вопросу юридической ответственности в сфере профессиональ-

ной деятельности этих органов как подсистемы правоохранительных органов в целом. Вместе с тем анализ возможности использования принципов справедливости и ответственности в сфере профессиональной деятельности органов внутренних дел, в широком правовом понимании, а также выработки, а, следовательно, постоянном совершенствовании единой системы правовых норм, обеспечивающих применение справедливости и различных видов ответственности (юридической, этической, моральной и т. п) до органов и должностных лиц органов внутренних дел, законность ее наступления, является одной из актуальных задач правовой науки.

Обобщая передовые достижения современной правовой науки и практику построения правового государства, объективно оценивая деятельность зарубежных правоохранительных органов, анализируя теоретически-концептуальные и методологические основы современных правовых систем мира, можно утверждать: активное применение принципов справедливости и ответственности в современном праве предполагает их особую координационную роль в системе общих принципов права.

В определенной степени философско-правовые категории «справедливость» и «ответственность», воплощаясь в практике современных правовых систем правоприменения и охраны права как принципы правоохранительной деятельности, становятся базисом для других принципов права, определяя их соотношение и пределы правового действия в конкретных общественных условиях.

С позиции оценки самим обществом меры внедрения этих принципов в деятельность правоохранительных органов являются не столько показателями раскрытия преступлений и борьбы с преступностью, сколько высоким социальным рейтингом правоохранительных органов. Скажем, в странах Западной Европы и в США общественная поддержка населением этих органов чрезвычайно сильная, что становится почвой для роста позитивного правосознания граждан, закрепление в общественном сознании демократических и правовых ценностей,

содействия стабильности в обществе, рост доверия к государству и его институтам. Таким образом, именно социальный эффект деятельности правоохранительных органов становится наиболее объективным критерием эффективности их деятельности и деятельности системы права в целом.

В то же время справедливость и ответственность становятся наиболее важным результатом такой общественной координации.

Связь философско-правовых категорий справедливости и ответственности с их практическим воплощением в правовой сфере означает соответствие общественного устройства государства и его правовой системы идеального норматива правового государства, поскольку, с одной стороны, государство гарантирует справедливость в осуществлении прав и свобод субъектам общественных и правовых отношений, а с другой – требует от них ответственности, то есть исполнение законов с позиции принципа справедливости.

При этом главным условием остается выполнение сторонами правоотношений юридических обязанностей как непременного требования строгого подчинения и обеспечение стандартов прав и свобод человека и гражданина в качестве основных цивилизационных ценностей. Именно поэтому справедливость и ответственность можно определить как наиболее важные качества современного демократического права, а также говорить о них как о системообразующих принципах права, которые согласовывают все другие его принципы, обосновывая правовые решения и правоприменения.

Литература:

1. Білозьоров Є.В. Правові гарантії прав і свобод людини та громадянина у сфері діяльності міліції : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Є.В. Білозьоров; Київський національний ун-т внутрішніх справ. – К., 2008. – 16 с.

2. Венская конвенция о праве международных договоров, 1969 р.: [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

3. Гринчишин Н.І. Етичний вимір буття у філософській спадщині Е.Левінаса / Н.І. Гринчишин // Гуманітарний часопис : зб. наук. праць. – Харків : ХАІ, 2007. – № 4. – С. 53–59.

4. Тарасишина О.М. Справедливість і толерантність у сучасному праві України : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01: / О.М. Тарасишина ; Одеса. нац. юрид. акад. – Одеса, 2008. – 182 с.

УДК 37.014

Л.А. Терских

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ «ВЫЖИВАЕМОСТИ» НОВОРОССИИ КАК ЧАСТИ РУССКОГО МИРА

В статье рассматривается историко-педагогическая парадигма формирования гражданина Российского государства в течение трех веков методами образовательного процесса (на примере Донбасса), вошедшего в его состав в к. XVIII в., под названием Новороссия. Главная ценность актуализации «новороссийской» идентичности на уровне массового сознания, состоит не только в восстановлении подлинной исторической памяти живущего здесь народа и исторической справедливости, но и в возможности формирования новой, точнее – возрождения исконной культурно-исторической идентичности населения этих территорий. Основой национально-культурной идентификации Российского государства в конце XVIII в. становится принцип служения Отечеству. Русский мир Донбасса конца XIX века представлен истинными патриотами своего Отечества, ратовавшими за развитие России, и внесшими огромный вклад в образовательное, экономическое, культурное и социальное преобразование нашего края. Известный государственный деятель начала XX века П.А. Столыпин, обращаясь к большевикам, говорил: «Вам, господа, нужны большие потрясения, а нам нужна великая Россия!». И эти пророческие слова, спустя сто лет, как никогда, очень актуальны сегодня, в сложившейся ситуации на Донбассе, как следствие морально-этического терроризма нынешних украинских властей, не желающих понимать и признавать систему ценностей, принимаемых народностью русского Донбасса.

Ключевые слова: *исторические условия, Донбасс, Новороссия, образование, христианские идеалы, морально-этический терроризм, национально-культурная индентификация, историко-педагогическая парадигма, принцип служения Отечеству, русский мир Донбасса, система ценностей.*

The article deals with the historical and pedagogical paradigm of the formation of a citizen of the Russian state for three centuries by the methods of the educational process (on the example of the Donbass), which was included in it in the 13th century under the name of «Novorossia». The main value of the actualization of the «Novorossiysk» identity at the level of mass consciousness is not only the restoration of the historical memory of the people living here and historical justice, but also the possibility of forming a new, more precisely, revival of the original cultural and historical identity of the population of these territories. The basis of the national and cultural identification of the Russian state at the end of the XVIII century. becomes the principle of serving the Fatherland. The Russian world of the Donbass at the end of the nineteenth century is represented by the true patriots of their Fatherland, who fought for the development of Russia and who made a great contribution to the educational, economic, cultural and social transformation of our region. A well-known statesman of the early XX century P.A. Stolypin, addressing the Bolsheviks, said: «You, gentlemen, need great shocks, and we need a great Russia!». And these prophetic words, more than 100 years later, are very relevant today, in the current situation in the Donbass, as a consequence of the moral and ethical terrorism of the current Ukrainian authorities who do not want to understand and recognize the system of values adopted by the Russian Donbas.

Key words: *historical conditions, Donbass, Novorossia, education, Christian ideals, moral and ethical terrorism, national and cultural identity, historical and pedagogical paradigm, the principle of serving the Fatherland, the Russian world of Donbass, the system of values.*

Главным и универсальным каналом исторической трансляции культурных ценностей является образование. Следовательно, процесс развития образования коренится в системе ценностей, принимаемых обществом.

Развитие системы образования исторически обусловлено социокультурными и экономическими факторами, оно осуществляется на основе философии образования, сложившейся «картины» образования в определенных исторических условиях, на основе разрабатываемых доктрин.

Понятие «Донбасс» существует с начала XIX века, когда впервые русский инженер Э.П. Ковалевский начертил геологическую карту Донбасса – земель, прилегавших к бассейну реки Донец.

На Донбассе исторически сложился довольно пестрый этнический состав населения с компактным местожительством. В соответствие с переписью населения (1897 г.) в Донбассе было

зарегистрировано 45 разных говоров [2], которые имели свои традиции и культовые сооружения, создавая неповторимый архитектурный образ этого края Российской империи.

Некогда «Дикое поле» в конце XVIII в., после подписания Кючук-Кайнаджирского мира России с Турцией в Яссах в 1791 году, вошло в состав Российской империи, получив название «Новороссия». Вскоре Новороссия становится одним из богатейших регионов страны, хлебной житницей и крупнейшей мастерской государства. Именно здесь добывался каменный уголь, плавилась руда, ковалось оружие. Ясский мир превратил «Дикое поле» в цветущий край. Строились и развивались крупнейшие центры России – Екатеринослав (Днепропетровск), Луганск, Херсон, Николаев, Одесса, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Севастополь и другие.

Нынешние геополитические процессы, происходящие на территории Донбасса, – следствие морально-этического терроризма нынешних украинских властей, не желающих понимать и признавать систему ценностей, принимаемых народностью русского Донбасса [1, с. 15-17].

В последние годы уже почти забытое славное историческое имя Новороссия, обозначающее земли юга и востока Украины, становится все более известным и популярным. Главная ценность актуализации «новороссийской» идентичности на уровне массового сознания, состоит не только в восстановлении подлинной исторической памяти живущего здесь народа и исторической справедливости, но и в возможности формирования новой, точнее – возрождения исконной культурно-исторической идентичности населения этих территорий. Эта идентичность может быть названа «новой» очень условно, лишь в контексте современной государственной политики «украинизации» этих земель, но с точки зрения «большой Истории» – эта идентичность, как раз наоборот, укоренена в многовековую историческую традицию, стихийно сохраняющуюся в народном самоощущении [3].

Население Новороссии, сформированное в эпоху самого интенсивного общеевропейского Модерна, отличается самым высоким среди населения Украины развитием структур модерного,

т.е. рационально-критического мышления именно на уровне массового сознания. Благодаря этому, оно остается и наиболее устойчивым перед попытками любых идеологических манипуляций. Этим, в частности, объясняется тот факт, что именно Новороссия, частью которой является Донбасс, оказала столь упорное, и, в конечном итоге, успешное сопротивление самозванцам из Киева, провозглашающих мифологию, рассчитанную на эксплуатацию атавизмов до модерного мышления (утопизм, образ врага, культ личности, эмоции толпы и т.п.), именно здесь они натолкнулись на массовый «иммунитет» манипулятивным технологиям [3].

Донбасс как часть Новороссии, входившая в состав Украины, является самым большим в мире конгломератом русскоязычного населения за пределами Российской Федерации – около 20 миллионов человек. Вместе с почти полностью русскоязычным Киевом она составляет то «русское сообщество Украины», которое фактически является опорой и украинской экономики, и основных сфер культуры. Стоит привести весьма точное суждение известного киевского философа С.Б. Крымского, который отнюдь не отличался особой «руссофилией». Согласно его формулировке, «русское сообщество Украины» ныне «представляет собой примерно половину граждан Украины и демонстрирует при этом не вынужденное русскоязычие, а культурную потребность, выработанную историей, духовно-культурной традицией, работать, общаться на русском языке, жить в соответствии с ценностными установками русской культуры».

В настоящее время среди теорий прошлого века одной из наиболее востребованных является теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, к которой позитивно относился и В.И. Даль. Концептуальной основой этой теории, как известно, является анализ «выживаемости» тех или иных цивилизаций на основе всей истории человечества. Данилевский считал, что в будущем славянский тип культуры будет относиться к наиболее перспективным, так как в основе многих цивилизаций преобладала либо экономика, либо религия, либо

узконациональный тип культуры, а славянский тип, по его мнению, является многоосновным, вмещающим в себя и православие, и труд, основанный на коллективных началах, и культуру, которая вобрала в себя лучшие достояния многих народов, и особый тип государственного устройства [4].

Следствием сложных историко-социальных процессов на Донбассе явилось многообразие местных локальных вариантов бытовой культуры, формировавшейся в разное время под влиянием комплекса факторов.

Одним из таких факторов являются христианские идеалы, которые сменяются государственными.

Православные идеалы конца XVIII в. в России становятся составной частью идеалов формирования добродетельного гражданина, которые, как известно, формирует образование.

Задача системы образования в России в конце ХУШ в. – не «приготовлять Богу благочестивых служителей», а воспитывать человека-патриота, важнейшие черты которого составляют высокая нравственность, трудолюбие, бескорыстное служение Отечеству. Логика развития образования определялась не столько потребностями и запросами личности, сколько государственной необходимостью. Основная черта новой культуры заключалась в особой ценности имперского сознания, «державной» мотивации личностных позиций.

Государство превратилось в высший национальный символ, наполненный сакральным смыслом. «Быть русским» в этот период означало уже не столько «быть православным», сколько проявить себя «слугой Отечества».

Таким слугой Отечества был граф Г.А. Потемкин-Таврический. Человек, безусловно, талантливый, умный, смелый, решительный, безмерно честолюбивый, он был одним из столпов государственного преобразования России. Глобальные дипломатические, политические и экономические проблемы государства Российского были во многом решены или поставлены в конце XVIII в. Г.А. Потемкиным.

Выдающийся русский педагог, врач Н. И. Пирогов писал, что «все, готовящиеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми». Таким был граф Г.А. Потемкин. Доказательством любви и преданности ему простого народа является беспрекословное охранение места его смерти в Новороссии, которое тридцать восемь лет одиноко охранял русский солдат, в надежде возведения там памятника светлейшему князю за его заслуги перед Отечеством.

Таким образом, основой национально-культурной идентификации Российского государства в конце XVIII в. становится принцип служения Отечеству.

П.Ф. Каптерев считал, что язык, религия, быт являются доминантами национальных ценностей. Через родной язык идет процесс приобщения к национальным духовным и общечеловеческим ценностям. В воспитании, подчеркивал он, необходимо обратиться не к одному народу, а ко многим, рассмотреть их идеалы и ценности, чужими свойствами пополнить недостатки своего национального идеала [6, с. 56-57].

В этом и состоит уникальность новороссийского края, где недостатки национального идеала пополнялись поликультурными.

Вряд ли еще можно на земле найти такой уголок, чтобы на столь незначительной территории одновременно можно было бы соприкоснуться к греческой и татарской культурами, побывать поочередно в еврейском местечке, немецкой колонии, русском селе, казачьей станице, оказаться среди цыган или в украинской хате. И только образование, будучи фактором развития духовной сферы жизни всякого общества, становилось, и сейчас должно стать, действенным механизмом борьбы с терроризмом в становлении морально- этических норм и укреплении нравственности как в национальном, так и в глобальном масштабе.

Современная цивилизация порождает кризисные явления в обществе, которые преодолеваются в основном с помощью образовательной среды. Одна из них – терроризм в самых различ-

ных формах и проявлениях. Сегодня он стал опаснейшим глобальным вызовом обществу. Для того чтобы вести эффективную борьбу с терроризмом, педагогу необходимо быть готовым к интеллектуальному противостоянию, изучая среду, его питающую.

По этому поводу выдающийся русский философ и литературовед А. Лосев в XX веке писал, что наиболее общечеловеческое есть наиболее национальное.

Проведя аналогию из века минувшего в век нынешний, становится понятным, что в образовании и воспитании процесс формирования общечеловеческого неразрывно связан не только во времени, но и в национальном достоянии, и примером этому служит Новороссия, находясь в историко-национальной связи с российской парадигмой национального образовательного процесса, вопреки современной исторической несправедливости.

Вместе с тем, в течение XX века под воздействием исторических сдвигов, мировых войн и революций, на планете сложился Русский мир – сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке. Не секрет, что на территории, очерченной административными границами Российской Федерации, проживает едва ли половина населения Русского Мира.

Признание существования русского мира позволяет нам говорить о русском капитале, совокупности культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, выразимых в языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах русского языка.

В рамках поиска моделей развития формируется новое, предельно широкое, современное понимание капитала как единства культурного, политического, организационного, человеческого, финансового, промышленного, технологического, инфраструктурного и ресурсного потенциала. Для производственной идеологии было очевидно, что без капитала нет богатства. Для воспроизводственной модели было важно, что без сбережений нет капитала. Для любых моделей развития, очевидно, что без наличия образа будущего и доверия к будущему,

нет накоплений и сбережений. Таким образом, в понятие капитала входит способ, каким человеческие сообщество производит будущее (в том числе и, прежде всего, – образы будущего).

Парадокс сегодняшней ситуации состоит в том, что любая страна, претендующая на статус державы Мира – или мировой державы – стремится не только к удовлетворению интересов своих граждан, но и к работе в интересах граждан иных государств и стран. Чем большему числу отдельных граждан других государств нужна Россия, тем устойчивее позиции России в мире. Основы своей устойчивости и нужности формирующаяся русская государственность может и должна искать в пределах Русского Мира, в политике конструктивного развития его мировых сетей.

Проходивший 5-6 ноября 2015 года в Москве Конгресс соотечественников показал небывалую сплоченность русского мира.

Президент Российской Федерации В.В. Путин принял участие в Конгрессе соотечественников. Выступая на форуме, он сказал: «Россия всегда будет поддерживать своих соотечественников за рубежом!».

Возвращаясь к русскому миру Донбасса (к. Х1Х – н. ХХ вв.), мы связываем его со спецификой края, который представлен просветительской работой деятелей науки и культуры указанного периода.

Специфика края сводилась к открытию горных училищ в крае. Ими являлись Горловское горное училище, основанное в 1878 г., и Лисичанская штейгерская школа (1872 г.), которые готовили штейгеров для каменноугольной промышленности Донбасса. Но настоящим научно-техническим центром Юга России стало Екатеринославское Высшее Горное училище, основанное в 1899 г. Профессорско-преподавательский состав училища проводил здесь большую научно-исследовательскую работу. Ярким примером деятельности училища, его своеобразным творческим отчетом, стало участие в Южно-Русской областной сельскохозяйственной, промышленной и кустарной выставке в Екатеринославе, в 1910 году.

Развитие науки в Донбассе с 1888 г. связано с именем Д.И. Менделеева. Он приехал в Донбасс с целью изучения состояния русской каменноугольной промышленности, вопросов ее экономики. Результатом его работы стал труд «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца». В этой публицистической статье он исследует возможности комплексного экономического развития Юга России. Д.И. Менделеев предлагал ряд нововведений с целью оздоровления промышленности Донбасса. В этой же работа он выдвинул теорию подземной газификации угля.

Вопросы состояния образования всегда были в центре внимания великого ученого. Находясь в Донбассе, Дмитрий Иванович посетил расположенную в Лисичанске штейгерскую школу, которая выпускала горных техников. Анализируя деятельность этой школы, Д.И. Менделеев пришел к глубоким теоретическим выводам о необходимости расширения сети подобных учебных заведений, выпускающих практических специалистов; расширении сети школ; изменении программ этих школ в сторону усиления общеобразовательной подготовки; на основе принципа всеобщности, привлечь в эти школы учащихся из малоимущих сословий, обеспечив их соответствующими материальными поощрениями в виде стипендии.

Будучи носителем величайших гуманистических идей развития современного ему общества, крупнейшим ученым, высококультурной личностью, Д.И. Менделеев оказал значительное влияние как на развитие педагогической мысли в России, так и на регионы, которые он посещал. Вышеизложенные педагогические идеи Д.И. Менделеева нашли свое воплощение в практике образования Донбасса.

XIX век богат многими открытиями в Донбассе и выдающимися личностями Российского государства, которые оставили неоценимый след в его развитии. В 1892 г. в районе села Новодеркул начала свою работу экспедиция под руководством великого русского географа и почвоведа Василия Васильевича Докучаева. Профессора В.В. Докучаева в беловодские степи привело неуемное желание найти выход из экологической катастрофы, первые признаки которой дали о себе знать на Юге

России уже во второй половине XIX в. Массовая распашка земель, уничтожение лесов, осушение водоемов, разрушили естественную способность степей противостоять периодически возникающим тут засухам, сильным иссушающим ветрам и эрозии почвы. Нарушение природного баланса грозило навсегда уничтожить одну из основных житниц России.

Правительство России, напуганное страшными неурожаями 1890 – 1893 гг., вынуждено было выделить деньги для проведения неотложных научных исследований. Старобельская опытная станция, расположившаяся возле села Новодеркул, была одной из трех, где Докучаев и его ученики искали способы оздоровления природы, а, следовательно, и сохранения условий для жизни человека. Работа велась с утра до ночи. С 1892 по 1899 годы здесь было посажено 90 га лесных насаждений ясеня, береста, клена, дуба, различных кустарников, которые в народе называют «докучаевскими бастионами». В.В. Докучаев, а также его ученик и последователь К.И. Юницкий на деле доказали эффективность метода лесоразведения для борьбы с эрозией почв, ветрами, суховеями, засухой и неурожаями. По сей день сохранилось урочище Юницкого в Беловодском районе, где некогда студенты Луганского педагогического вуза во время производственных практик имели возможность познакомиться с редкими растениями, сохранившимися до наших дней, высаженными К.И. Юницким и его учениками.

Благодаря Виктору Егоровичу фон Граффу, который был основоположником всего степного образцового лесоразведения Донбасса, основавшим здесь школу сельских лесников, нынешнее поколение сегодня пользуется результатами его труда – буйными лесными массивами в Кременском районе Луганской области.

Имя еще одного русского исследователя навсегда вписано золотыми буквами в историю освоения Донбасса – это Леонид Иванович Лутугин, – основоположник угольной геологии России. В 1892 г. он приезжает в Лисичанск для геологической съемки северного участка Донбасса с экспедицией Геологического Комитета и с тех пор целых 22 года своей жизни он посвя-

тил изучению Донбасса. Л. И. Лутугину, вооруженному геологическим молотком, компасом и топографической картой, предстояло изучить многочисленные разрезы геологических отложений в балках, оврагах и шахтах, чтобы подготовить уменьшенную в 24 тыс. раз модель Донбасса, выполненную в виде геологической карты.

Итогом этой многолетней трудоемкой и кропотливой работы стал триумф ученого на Международной геологической выставке, проходившей в 1911 г. в Турине, где его огромная рукописная карта с детальным геологическим рельефом Донецкого бассейна была удостоена награды – Большой золотой медали. Свои полевые геологические изыскания Л.И. Лутугин сочетал с преподавательской работой в столичном Горном институте. Он также принимал участие в земском движении, в работе вольного экономического и Русского технического обществ, дважды избирался в Государственную думу.

Русский мир Донбасса конца XIX века представлен истинными патриотами своего Отечества, ратовавшими за развитие России, и внесшими огромный вклад в образовательное, экономическое, культурное и социальное преобразование нашего края.

Представителем управленческой среды, государственным мужем, был председатель Славяносербкой земской управы с 1897 г. дворянин, помещик Виктор Николаевич Радаков. Богатый, независимый, хорошо образованный, он большую часть своей молодости провел за границей, лишь изредка приезжая в Россию. В середине 90-х годов Х1Х в. В.Н. Радаков поселился у себя в имении, около станции Юрьевка, Екатерининской железной дороги, занялся хозяйством, и принял участие в земской деятельности в качестве гласного.

Из доклада В.Н. Радакова экстренному земскому собранию Славяносербского уезда 1895 г. видно, что существенной потребностью для народа в указанный период, по мнению В.Н. Радакова, являлась необходимость в широком развитии образования. В этом направлении

В.Н. Радаков и его соратники по земству сделали очень многое. Число школ в уезде из 22 было доведено до 46. Им была усовершенствована программа обучения в школах, которая основывалась на использовании педагогических идей графа Льва Толстого о развитии критического ума и свободы совести. Уделяя огромное внимание проблемам обучения, В.Н. Радаков значительно поднял уровень образования в Славяносербском уезде, деятельность которого была хорошо известна в России. За достигнутые успехи в области народного образования, Славяносербское земство было представлено к Большой золотой медали на Южно-Русской выставке в 1910 г.

В.Н. Радаков предложил систему эффективных мер общественного характера, которая оказала существенное влияние на повышение качества и уровня образования в крестьянской среде:

- повсеместное открытие низшей народной школы (общей и профессиональной) и передача дела народного образования в руки земств;

- открытие правительством нескольких высших сельскохозяйственных учебных заведений;

- пересмотр земского положения о реформе народного образования в духе большей самостоятельности земского самоуправления и ослабления опеки над ним со стороны органов центральной власти.

Большую роль в культурно-социальном и экономическом развитии Донбасса в (к. XIX – н. XX вв.) сыграл известный русский банкир и железнодорожный деятель Самуил Соломонович Поляков. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона говорится о его вкладе в развитие Российской империи (к. XIX – н. XX вв.).

Получив в 1868 г. от царского правительства концессию на строительство железной дороги от Курска до Харькова и от Харькова до Таганрога, он основал товарищество Курско-Харьково-Азовской железной дороги. И уже 23 декабря 1869 г. было открыто движение поездов от Харькова через Славянск до Таганрога. Когда железная дорога связала основные губернские города Юга

России, С.С. Поляков начал заниматься разработкой каменного угля в Донбассе, создав при этом «Товарищество Южно-Русской каменноугольной промышленности», которое и субсидировало открытие горного училища при Корсунских копях с целью подготовки в Южной России способных техников для горного дела.

Имя Сергея Сергеевича Прокофьева навсегда связано с историей Донбасса. Он родился в селе Сонцовка, Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии. Он обогатил мировое музыкальное искусство выдающимися произведениями, проникнутыми глубокой человечностью, остротой образных характеристик, свежестью и оригинальностью средств музыкального выражения. Среди них – кантата «Александр Невский», балет «Ромео и Джульетта», оперы «Семен Котко» и «Война и мир», 5-я и 7-я симфонии и др. С.С. Прокофьев был членом Академии Санта-Чечилия в Риме(1934г.), Шведской королевской музыкальной академии (1947 г.), почетным членом «Умелецкой беседы» в Праге (1946 г.). 1991 г. Юнеско был объявлен годом С.С. Прокофьева.

С именем В.И. Немировича – Данченко связан довольно длительный период его пребывания на Донбассе. Он был женат на дочери Н.А. Корфа – Екатерине Николаевне. С 1887 по 1916 гг. Владимир Иванович ежегодно в летнее время приезжал из Москвы в село Нескучное, некогда дом Н.А. Корфа. Здесь он отдыхал и в то же время напряженно работал. Им были написаны повести и рассказы «Губернаторская ревизия», «В степи», «Пекло», пьесы «Соколы и вороны», «Новое дело», «Цена жизни». Здесь он готовился к постановкам спектаклей; принимал гостей – писателей, актеров, художников, помогал крестьянам села, занимался делами народного образования, устраивал спектакли и концерты. В 1895 г. он вместе с женой открыл школу для детей в с. Нескучное, в память о Н.А. Корфе.

Из всего вышесказанного нужно сделать вывод, что это только малая часть славной истории Новороссии – части России, которая в своем величии и неповторимости и по сегодняшнее время не имеет себе равных в историческом процессе созидания российской государственности.

Закончить свою мысль о Донбассе, как части Новороссии Русского государства, хочется словами известного государственного деятеля начала XX века П.А. Столыпина, которые спустя сто лет, как никогда, очень актуальны: «Вам, господа, нужны большие потрясения, а нам нужна великая Россия!».

УДК: 340.13

С.И. Саенко

НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМ В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье отмечается, что низкий уровень профессионализма обладателей нормотворческих полномочий негативным образом сказывается на укреплении правовых, моральных и духовных основ развития современного общества. Также указывается, что непрофессионала в нормотворческом процессе можно выявить по определенным маркерам, в числе которых: принятие низкого качества нормативных актов; отсутствие у большинства обладателей нормотворческих полномочий высшего юридического образования; минимальная или даже «нулевая» нормотворческая активность таких лиц.

Приводятся аргументы в пользу того, что правовая подготовленность субъектов нормотворчества должна иметь определяющее значение для их профессиональной деятельности. Необходимо добиваться, чтобы такая подготовленность отвечала всем требованиям современной юридической науки и правотворческой практики. У потенциальных и действующих субъектов нормотворчества должна сформироваться установка постоянно стремиться повышать свой уровень нормотворческого мастерства, обогащать себя новыми правовыми знаниями и навыками, а также изучать позитивный зарубежный опыт нормотворческого процесса.

Ключевые слова: *нормотворческий процесс, субъект нормотворчества, профессионализм нормотворчества, подготовка профессионала нормотворческого процесса.*

The article notes that the low level of professionalism of the holders of normative powers adversely affects the strengthening of the legal, moral and spiritual foundations of the development of modern society. It is also pointed out that a layperson can be identified in a rule-making process for

certain markers, among them: acceptance of poor quality of normative acts; lack of standard-setting powers of the majority of holders of higher legal education; minimum or even «zero» norm-setting activity of such persons.

Arguments in favor of the fact that the legal preparedness of subjects of rule-making should be of decisive importance for their professional activity are presented. It is necessary to ensure that such preparedness meets all the requirements of modern legal science and lawmaking practice. Potential and effective subjects of rulemaking should form an institution that constantly strives to improve its level of standard-setting skills, enrich itself with new legal knowledge and skills, and also to learn the positive foreign experience of the norm-setting process.

Key words: *rule-making process, subject of rule-making, professionalism of rule-making, training of the professional of rule-making process.*

Субъект, наделенный государственными или муниципальными нормотворческими полномочиями, по определению должен быть профессионалом в сфере нормотворческой деятельности. Но сегодня почему-то замалчивается тот факт, что не все законодатели и работники правовых отделов органов государственной власти и местного самоуправления, в обязанности которых вменена разработка нормативно-правовых актов, обладают достаточными знаниями, умениями и навыкам в сфере нормотворческой деятельности. Низкий уровень профессионализма таких нормотворцев негативным образом сказывается на укреплении правовых, моральных и духовных основ развития современного общества. Более того, непрофессионализм обладателя нормотворческих полномочий – это один из социально-деструктивных факторов, из-за которого может:

- повышаться социальная напряженность в обществе. Поскольку социально-востребованные нормативные акты не появляются, у простых обывателей складывается впечатление, что власть имущие пытаются нормативно гарантировать обеспечение только своих интересов;

- формироваться в общественном сознании установка на одобрение совершения противоправных поступков в определенных жизненных ситуациях. Принятие некачественных по содержанию (наличие пробелов, несогласованностей между

нормативными предписаниями, абстрактно сформулированных или отсылочных положений), а также долговременное отсутствие необходимых для регулирования определенных общественных отношений нормативных актов – это живительная среда для формирования подобного рода социально-деструктивных установок. Когда длительное время не разрабатываются качественные и эффективные механизмы правового регулирования социальных связей, то субъекты общественных отношений начинают искать другие каналы социального взаимодействия. В таких условиях «моральные предохранители» перестают срабатывать и маргиналы признают приемлемым свершение различных актов противоправного поведения - коррупции, употребления одурманивающих веществ, насилия, и т.п.;

- парализовываться или становиться жестко забюрократизированной работа органов государственной власти и местного самоуправления в силу: 1) нормативного закрепления дублированных функций и полномочий для разных властных субъектов; 2) абстрактного нормативного описания полномочий органов власти, которые не понимают, как поступать в той или иной ситуации, поэтому предпочитают бездействовать.

Как выявить, что тот или иной субъект, наделенный нормотворческими полномочиями, обладает низким уровнем профессионализма в сфере нормотворческого процесса? На наш взгляд, существуют определенные маркеры, по которым можно распознать таких горе-нормотворцев. В их числе следующие указатели:

1) принимаемые некачественные по содержанию, а иногда даже по структуре и форме нормативные акты;

2) разросшийся аппарат (в основном у законодателей) разного рода помощников, которые зачастую и готовят проекты нормативных актов, выдаваемые в последствии субъектами нормотворческих полномочий за свои разработки;

3) отсутствие у большинства обладателей нормотворческих полномочий высшего юридического образования. Наблюдается также и другая картина – такие нормодатели не стремятся

в своих государствах освоить даже базовые программы по направлению «Нормотворческий процесс» (в каждом конкретном государстве данное направление может иметь и другие названия) на специальных семинарах, курсах повышения квалификации или переподготовки. Если посмотреть на субъектный состав только законодательных органов той или иной страны, то можно заметить, что в каждом созыве депутатов лишь незначительный процент от их количества имел (имеет) юридическое образование. В этой связи возникает закономерный вопрос – как такие народные избранники могут качественно подготовить определенный законопроект, если их собственное профессиональное правосознание находится на весьма низком уровне. Не лучшим образом ситуация развивается и в других органах государственной власти и местного самоуправления, в обязанности должностных лиц которых вменено разрабатывать подзаконные нормативные акты;

4) наблюдаемый низкий уровень юридических знаний у отдельных нормотворцев, когда данные субъекты выступают в СМИ, на различного рода конференциях и круглых столах, в органах государственной власти и местного самоуправления, на встречах с гражданами;

5) отсутствие у лиц, наделенных нормотворческими полномочиями, навыков и умений применения современных нормотворческих технологий;

6) минимальная или даже «нулевая» нормотворческая активность таких лиц – то есть отсутствие нормотворческих инициатив с их стороны и др.

То государство, которое в своем Основном Законе (Конституции) задекларировало, что оно является социальным, демократическим и правовым, для своего поступательного развития не может признавать приемлемой вышеуказанную ситуацию. Убеждены, что у каждой социально ориентированной демократической страны приоритетной задачей государственного строительства должно стать формирование профессионального кадрового потенциала нормотворчества. Необходимо, чтобы правовым регулированием общественных отношений

занимались только патриотически настроенные, нацеленные на обеспечение общественных и государственных интересов (обязателен только такой тандем), профессионалы-нормотворцы. За социально-деструктивный лоббизм в нормотворческом процессе, а также за принятие социально-вредных нормативных актов, необходимо предусмотреть меры юридической ответственности, вплоть до уголовно-правового характера.

Можно ли добиться повышения уровня профессионализма субъектов, которые будут наделяться или уже наделены нормотворческими полномочиями? Полагаем, что это возможно, но только при условии, что сами государства проявят в этом заинтересованность. И если такая заинтересованность возникнет, то на начальном этапе ее претворения в жизнь нужно будет разработать соответствующие государственные образовательные программы, а также определить организации или учреждения, которые по государственным заказам станут заниматься правовым обучением нормотворцев.

Правовая подготовленность будущих и нынешних субъектов нормотворчества должна иметь определяющее значение для их профессиональной деятельности на должностях, предусматривающих реализацию нормотворческих полномочий в органах государственной власти или местного самоуправления. Необходимо добиваться того, чтобы такая подготовленность отвечала всем требованиям современной юридической науки и правотворческой практики. Важно, чтобы у потенциальных и действующих субъектов нормотворчества сформировалась установка постоянно стремиться повышать свой уровень нормотворческого мастерства, обогащать себя новыми правовыми (и не только) знаниями и навыками, а также изучать позитивный зарубежный опыт нормотворческого процесса.

Для того, чтобы нормотворческий процесс стал наполняться профессионалами-нормотворцами, необходимо на государственном уровне начать планомерно реализовывать потенциал многоступенчатой системы обучения нормотворческим азам. Многоступенчатость данной системы заключается в следующем.

На первой ступени подготовки профессионала-нормотворца соответствующие государственные (органами государственной власти могут быть определены и других форм собственности) образовательные учреждения должны заниматься *подготовкой будущих нормотворцев*. Для таких целей может быть создана специальная образовательная организация – например, Академия нормотворчества. Приемлемым для повышения профессионализма нормотворчества является и другой путь – путь открытия в существующих образовательных учреждениях, предоставляющих образовательные услуги юридического профиля, отдельного факультета «Нормотворчества» с дневной и заочной формой обучения. Ну и самый упрощенный вариант разрешения указанной проблемы – это расширение в юридических ВУЗах перечня учебных дисциплин нормотворческой ориентации, которые могли бы преподаваться студентам и слушателям на всех курсах их обучения.

Описанные варианты организационного обеспечения подготовки будущих профессионалов нормотворческого процесса не являются исчерпывающими. Представители научного сообщества высказывают и другие конструктивные идеи по вопросу повышения уровня профессионализма нормотворческой деятельности. Власть имущим уже стоило бы обратить внимание на соответствующие научные рекомендации и принять все возможные меры к претворению их в жизнь.

Вторая ступень подготовки профессионала нормотворческого процесса предполагает, что в любом правовом государстве должны эффективно функционировать *механизмы повышения квалификации и переподготовки действующих нормотворцев*. Курсы повышения квалификации и переподготовки нормодателей могли бы организовываться в учреждениях образования юридического профиля или же можно было бы для этих целей создать Специальный центр повышения профессионализма нормотворцев. Если бы и такой вариант не подошел для реализации в том или ином государстве, то можно было бы признать пригодным организацию таких курсов на базе действующих Центров

повышения квалификации государственных служащих, как это было сделано (хотя и **разово**) в Луганской Народной Республики на базе Луганского республиканского центра повышения квалификации.

Нужно понимать, что существенно повысить уровень профессиональных знаний субъектов нормотворчества (особенно депутатов) способна лишь организация целостной системы их обучения. Эта система должна предполагать несколько этапов повышения уровня профессионализма обладателей нормотворческих полномочий. Что касается определения минимального количества таких этапов, то, как нам кажется, в любом из социально ориентированных, правовых и демократических государств уровень профессиональной подготовки нормодателей удастся повысить только лишь в том случае, если соответствующая подготовка будет осуществляться как минимум в два этапа.

На первом этапе повышения профессионализма действующих нормотворцев следует ориентировать на освоение программ общетеоретических учебных курсов: конституционного права, теории государства и права, основ государственного строительства и государственного управления, юридической (нормотворческой) техники и т.п. Второй этап профессиональной подготовки обладателей нормотворческих полномочий должен охватить уже освоение программ специализированных курсов: уголовно-правового нормотворчества, гражданско-правового нормотворчества, административно-правового нормотворчества, нормотворческой компаративистики, экономики нормотворчества и прочих учебных предметов. Важно также, чтобы при освоении программ учебных дисциплин нормотворческой ориентации, нормодатели параллельно: постигали основы социологии, психологии, этики и культуры нормотворческой деятельности; приобретали навыки ораторского искусства; развивали нормоинтерпретационные умения; совершенствовали навыки разработки проектов нормативных актов.

В целях надлежащего методического обеспечения процесса повышения уровня профессионализма обладателей нормотворческих полномочий, необходимо разработать специальные методические указания, учебно-практические пособия и обучающие компьютерные программы. Свою лепту в повышение уровня профессионализма нормотворцев обязательно должны внести также и ученые-правоведы. Их задача – снабдить указанный учебный процесс научными комментариями действующего законодательства и соответствующими рекомендациями по вопросам технологии подготовки проектов нормативно-правовых актов, планирования и прогнозирования результатов нормопроектной работы.

Резюмируя изложенное, еще раз дополнительно подчеркнем, что подготовка высококвалифицированного профессионала нормотворческого процесса должна стать одной из приоритетных государственных задач, решением которой придется заниматься основательно и ежедневно. Без обращения к специалистам от научного сообщества, практических органов и общественных организаций, лишь высококвалифицированные субъекты нормотворчества (профессионалы) могут изложить правовой материал особым юридическим языком, ориентированным на передачу правовой информации, удобным для нормореализации, не нуждающимся в дополнительном толковании и разъяснении. Некомпетентным (непрофессиональным по своим нормотворческим способностям) субъектам, наделенным нормотворческими полномочиями, должен оставаться только один путь – поступать по совести и при разработке нормативных актов всегда прибегать к помощи высококвалифицированных ученых, специалистов из практических органов и представителей от общественности, обладающих знаниями и опытом практической работы в требующей нормативного регулирования сфере общественных отношений.

Раздел II

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ, АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА, АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

УДК 347.97/.99

Л.В. Черечукина

ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ СУДЕЙ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ НУЖДАЕТСЯ В ОПТИМИЗАЦИИ

Судебная власть является основой государственности. Этот незыблемый постулат должен стать ядром ее построения в Луганской Народной Республике, положившей начало своего существования 12 мая 2014 г. Сложные условия военного времени выдвигают на передний план не только необходимость обеспечения демократического порядка формирования судебных органов в республике, но и реального, а не декларативного соблюдения конституционных принципов правосудия, центральное место в системе которых занимает самостоятельность судов и независимость судей. Достижение полноценной реализации этого принципа в нынешних условиях является весьма проблематичным из-за разбалансированности системы сдержек и противовесов. В статье автор акцентирует внимание на том, что судьи ЛНР не защищены от вмешательства в их деятельность коррумпированных представителей других ветвей власти, заинтересованных лиц и граждан, подвергает критике несовершенный порядок формирования Квалификационной коллегии судей ЛНР, который ставит судебную власть в зависимость от государственной власти. В результате чего девальвируется основополагающий конституционный принцип разделения властей. В статье подчеркивается необходимость устранения сложившегося диссонанса. Наряду с этим автор комментирует полно-

мочия квалификационной коллегии судей в части рассмотрения жалоб, обращая внимание на то, что к ее компетенции относится рассмотрение вопросов привлечения судей к дисциплинарной ответственности в случае совершения дисциплинарного проступка, а не в связи с несогласием с судебными актами.

Ключевые слова: *судебная власть, квалификационная коллегия судей, органы судейского сообщества*.

Judical power is the basis of the state system. This imutable postulate should become a core if its construction in the Lugansk People's Republic, which laid the foundation of its existence on 12th of May, 2014. Difficult realities of wartime bring to the fore not only the need to ensure the democratic order of formation of judicial bodies it the republic, but also a real, not declarative compliance with the constitutional principles of justice, whose central place in the system is the autonomy of the courts and independence of judges. Achieving the full implementation of this principle under current conditions is very problematic due to the imbalance of the system of checks and balances. In the article the author focuses on the fact that the LPR judgies are not protected from interference in their activities by corrupt representatives of other branches of government, stakeholders and citizens, criticizes the imperfect procedure for the formation of the Qualification Collegium of Judges, which places judicial system in the dependence of the state power. The article emphasizes the need to eliminate the existing dissonance. In addition, the author comments on the powers of the qualification board of judges concidering in terms of complaints, drawing attention to the fact that its competence to consider the issues of bringing judges to disciplinary responsibility in the case of a disciplinary offense, but not for disagreeing with the judicial acts.

Key words: *judicial authority, qualification board of judges, bodies of judicial community*.

Судебная власть в правовом государстве выступает в качестве института, обеспечивающего правопорядок и стабильность в обществе. Ни что иное как судебная власть является основой государственности. Этот незыблемый постулат, несомненно, должен стать ядром ее построения в Луганской Народной Республике, положившей начало своего существования 12 мая 2014 г.

Судебная власть в ЛНР принадлежит только судам, ее носителями в соответствии со ст. 1 Закона ЛНР «О статусе судей» являются судьи и привлекаемые в установленных законом случаях к осуществлению правосудия представители народа.

Построение государственности, как и полноценное формирование независимой судебной власти в ЛНР, воплощается в жизнь не так быстро, как хотелось бы. К сожалению, свои коррективы вносит затянувшаяся гражданская война, препятствующая мирному развитию республики. Поэтому в сложных условиях военного времени на передний план выступает не только необходимость обеспечения демократического порядка формирования судебных органов, но и реального, а не декларативного соблюдения конституционных принципов правосудия, центральное место в системе которых занимает самостоятельность судов и независимость судей. Суть данного принципа заключается в том, что суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Временному Основному Закону (Конституции) Луганской Народной Республики и закону.

Однако достижение полноценного соблюдения этого принципа в нынешних условиях весьма проблематично из-за разбалансированности системы сдержек и противовесов.

С одной стороны Закон ЛНР «О судебной системе» содержит нормы, согласно которым для выражения интересов судей как носителей судебной власти формируются в установленном законом порядке органы судейского сообщества, компетенция и порядок образования которых устанавливаются законом Луганской Народной Республики. С другой – п. 7 ст. 28 «Заключительные положения» Закона ЛНР «О статусе судей» устанавливает, что до принятия соответствующего закона и формирования органов судейского сообщества Луганской Народной Республики экзаменационная комиссия и квалификационная коллегия судей (далее ККС) создаются Указом Главы Луганской Народной Республики.

И хотя состав Квалификационной коллегии судей ЛНР (7 членов) формируется путем назначения (избрания) по определенным нормам представительства от Народного совета ЛНР (1 член), Министерства Юстиции ЛНР (1 член), от Главы ЛНР (2 члена), Министерства государственной безопасности ЛНР (1 член), Генеральной прокуратуры ЛНР (1 член), адвокатского сообщества ЛНР (1 член), создается она, как уже отмечалось, Указом Главы ЛНР, что свидетельствует о подконтрольности ККС лицу ее сформировавшему.

В этом контексте нелишне вспомнить содержание статьи 6 Временного Основного Закона (Конституции) Луганской Народной Республики, согласно которой государственная власть в Луганской Народной Республике осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Государственную власть в Луганской Народной Республике осуществляют Глава ЛНР, Народный Совет ЛНР – парламент ЛНР, Совет министров ЛНР – Правительство ЛНР, образуемые в соответствии с настоящей Конституцией.

В упомянутом законе «О статусе судей», в статье 13 «Гарантии независимости судьи», подчеркивается, что независимость судьи обеспечивается его неприкосновенностью и системой органов судейского сообщества, к которым, несомненно, относится квалификационная коллегия судей. Однако в Луганской Народной Республике принадлежность ККС к органам судейского сообщества в настоящее время просматривается только теоретически, если не сказать, – отсутствует вообще, поскольку фактически ее состав и порядок формирования отнюдь не вписывается в этот постулат. В результате девальвируется основополагающий конституционный принцип разделения властей, поскольку существующий порядок формирования квалификационной коллегии судей, с учетом ее полномочий, ставит судебную власть в полную зависимость от государственной власти.

В связи с этим напрашивается справедливый вопрос, с какой целью сформирована Квалификационная коллегия судей

ЛНР, в состав которой вошли только представители государственной власти: Народного Совета, Министерства Юстиции, Главы ЛНР, Министерства государственной безопасности, Генеральной прокуратуры, а также адвокатского сообщества, если сами судьи, олицетворяющие в республике судебную власть, как и представители общественности, остались за бортом?

Не менее остро стоит вопрос о том, способен ли данный так называемый орган судейского сообщества, функционирующий в таком составе, выражать интересы судей как носителей судебной власти? Ведь именно в этом состоит его предназначение в соответствии с Законом ЛНР «О судебной системе». Способен ли он (орган судейского сообщества) осуществлять качественный подбор кандидатов для формирования поистине самостоятельного, независимого суда? Или судьи Луганской Народной Республики, поставленные в такие условия, вынужденно должны вершить правосудие с оглядкой на квалификационную коллегию судей, которая наделена широкими правами по привлечению их к дисциплинарной ответственности, вплоть до досрочного прекращения полномочий?

Сложившееся положение вещей, по меньшей мере, вызывает недоумение! Такой подход к созданию ККС был вполне объясним и оправдан в августе 2015 года, когда только встал вопрос о формировании судов. Но без малого трехлетнее функционирование судебной системы в ЛНР, пусть даже в усеченном виде, обязывает законодательную власть нивелировать сложившийся диссонанс, оптимизировав порядок формирования Квалификационной коллегии судей ЛНР. В нынешних условиях это возможно путем внесения соответствующих дополнений в «Заключительные положения» Закона ЛНР «О статусе судей». На наш взгляд, количественный состав Квалификационной коллегии судей ЛНР целесообразно увеличить до 12 членов, дополнив ее судьями (4 члена) и представителем Федерации профсоюзов (1 член).

При этом представители судей должны избираться на общем собрании действующих судей ЛНР. Кандидаты на включение в состав ККС должны обладать высокими профессиональными и морально-этическими качествами, соответствовать высокому званию судьи.

Включение в состав ККС представителя профсоюза обеспечит осуществление общественного контроля над соблюдением законодательства о труде в целом и при решении вопросов о привлечении судей к дисциплинарной ответственности и досрочном прекращении их полномочий, в частности.

В настоящее время в Луганской Народной Республике функционируют районные (горрайонные) суды, Военный суд, осуществляющие правосудие в сфере уголовного и административного судопроизводства. Отсутствие в республике Верховного Суда, Административного Суда, подлинных органов судейского сообщества ставит органы судебной власти в лице судей в чрезвычайно уязвимое положение. Фактически судьи ЛНР не защищены от вмешательства в их деятельность коррумпированных представителей других ветвей власти, заинтересованных лиц и граждан, лишенных возможности полноценного рассмотрения судом вышестоящей инстанции жалоб на решения судов, не вступивших в законную силу.

В местных средствах массовой информации появилось сообщение (https://glava-lnr.info/content/zasedanie-kvalifikacionnoy-kollegii-sudey-sostoyalos-v-luganske) о состоявшемся 16.02.2018 г. заседании квалификационной коллегии судей. Председатель коллегии акцентировала внимание на том, что в соответствии с действующим законодательством Луганской Народной Республики неправомерные, по мнению заявителя, действия судьи могут быть обжалованы, жители ЛНР могут обжаловать неправомерные действия судей в квалификационную коллегию судей и ни одно заявление не останется без внимания (http://lug-info.com/news/one/zhiteli-lnr-mogut-obzhalovat-nepravomernye-deistviya-sudei-v-kks-predsedatel-kollegii-32581).

По сути заявления, сделанного председателем ККС, граждане могут подавать в квалификационную коллегию жалобы на любые действия и решения судьи, и для этого достаточно усмотрения их неправомерности со стороны самого жалобщика.

Такая постановка вопроса вряд ли может быть признана однозначно бесспорной.

Признавая законодательно урегулированное право граждан на обжалование решений судьи, целесообразно проанализировать и прокомментировать полномочия ККС в части, касающейся рассмотрения жалоб граждан. Данные полномочия предусмотрены Регламентом Квалификационной коллегии судей ЛНР, который утвержден Указом Главы ЛНР 14 августа 2015 г.

В Регламенте внятно прописано, что к компетенции ККС относится рассмотрение вопросов привлечения судей к дисциплинарной ответственности (раздел 5). Жалоба подлежит возвращению заявителю без рассмотрения с указанием оснований возвращения в случаях: отсутствия в них сведений о совершении судьей дисциплинарного проступка; если она подана в связи с несогласием с судебными актами и т.д.

Эти положения свидетельствуют о том, что члены квалификационной коллегии судей должны четко уяснить понятие и сущность дисциплинарного проступка судьи, адекватно оценивать содержание жалоб граждан и не выходить за рамки своих полномочий, установленных регламентом.

Судьи Луганской Народной Республики, как уже отмечалось, в нынешних условиях не меньше простых граждан нуждаются в действенной защите своих профессиональных прав и законных интересов. Квалификационная коллегия судей, не укомплектованная представителями судейского корпуса и общественности, как уже подчеркивалось, наделена правом наложения на судей дисциплинарного взыскания, в том числе в виде досрочного прекращения полномочий. Судьи ЛНР в настоящее время лишены возможности реализовать свое право на обжалование решений ККС, которые, по их мнению, приняты с нарушением норм действующего законодательства. В

настоящее время в республике созданы тепличные условия для расправы над неугодными судьями, что недопустимо.

В соответствии с Регламентом Квалификационной коллегии судей ЛНР поступившие жалобы должны изучаться на предмет наличия в них сведений о совершении судьей дисциплинарного проступка, который, в частности, может выражаться в грубом либо систематическом нарушении процессуальных и иных правовых норм; в нарушении процессуальных сроков (волоките); в неэтичном поведении в отношении участников процесса, иных граждан; а также в недостойном поведении в быту, порочащим высокое звание судьи. Судья не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за выраженное им при отправлении правосудия мнение или принятое судом решение, если виновность судьи в преступном злоупотреблении, либо вынесении заведомо неправосудного судебного акта не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда.

В случаях несогласия с судебным актом, обжалования определений, решений суда, квалификационная коллегия судей не только не вправе принимать жалобу к рассмотрению, но обязана вернуть ее заявителю, разъяснив, что по этим вопросам следует обращаться в суд вышестоящей инстанции. К сожалению, такая инстанция в ЛНР на сегодняшний день не создана, и апелляционные жалобы находятся в судах первой инстанции без движения. Эта проблема также подлежит разрешению в ближайшей перспективе.

В контексте анализа полномочий ККС по рассмотрению жалоб целесообразно акцентировать внимание на том, что основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности является совершение им дисциплинарного проступка, который может проявляться в совершении следующий действий.

Прежде всего, это существенные нарушения норм процессуального права, допускаемые судьей при осуществлении правосудия. Данные нарушения могут быть связаны с нарушением

правил подсудности или подведомственности, требований по регистрации и распределению дел, отказом в доступе лица к правосудию по основаниям, не предусмотренным законом, необоснованное принятие мер обеспечения гражданского иска.

К числу процессуальных нарушений относится непринятие судьей мер по рассмотрению дела, жалобы, заявления в сроки, установленные законом; нарушение правил отвода или самоотвода, т.е. требований непредвзятого рассмотрения дела.

Дисциплинарным проступком, наряду с этим, является систематическое или грубое однократное нарушение правил судейской этики, подрывающее авторитет правосудия.

Дисциплинарную ответственность влечет также разглашение тайны, охраняемой законом. В частности, тайны совещательной комнаты; тайны, ставшей известной судье при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании.

Оптимизация механизма формирования Квалификационной коллегии судей ЛНР и организации ее деятельности в части рассмотрения жалоб станет действенной гарантией обеспечения самостоятельности судов и независимости судей.

УДК 342.9

А.С. Кравцов

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

В статье рассматриваются международные основы регулирования публично-правовых отношений в информационной сфере. Акцентируется внимание на том, что информационная сфера, представляя собой сложную структурированную систему, формируется и развивается по соответствующим международным принципам и стандартам. Поэтому исследование международно-правового регулирования информационной сферы объективно способствует ее развитию и формированию отечественного информационного законодательства, которое призвано упорядочить информационные отношения. Кроме

того, при исследовании проблем, носящих комплексный характер, авторы больше внимания уделяют частно-правовым аспектам, не всегда принимая во внимание международно-правовое регулирование информационных отношений публичного характера.

Анализируются основные международно-правовые акты, которые регулируют отношения в информационной сфере. Особое внимание уделяется ключевым положениям Хартии глобального информационного общества и Декларации принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии».

В статье делается вывод о том, что анализ общих принципов развития информационного общества, определенных и закрепленных в международных актах свидетельствует о формировании системы международных стандартов в информационной сфере. Однако на сегодняшний день становится очевидным, что последствия развития информационного общества, изменения в системе международных отношений настолько радикальны, что перед правом ставится задача выработки новых предписаний, соответствующих уровню развития информационного общества.

Ключевые слова: *правовое регулирование, международно-правовые акты, информация, информационно-коммуникационные технологии, средства массовой информации, информационная сфера, информационное общество, информационные права человека, международное сотрудничество*

The article examines international principles of regulation of public relations in the information sphere. The attention is paid to the fact that the information sphere, being a complex structured system, is formed and developed according to the relevant international principles and standards. Therefore, the study of international legal regulation of the information sphere objectively contributes to its development and the formation of domestic information legislation, which is designed to streamline information relations. In addition, when investigating problems that are complex, authors pay more attention to private legal aspects, not always taking into account the international legal regulation of information relations of a public nature.

The main international legal acts that regulate relations in the information sphere are analyzed. Particular attention is paid to the key provisions of the Charter of the Global Information Society and the Declaration of Principles «Building the Information Society – a global task in the new millennium».

The article concludes that an analysis of the general principles of the development of the information society, defined and enshrined in international instruments, indicates the formation of a system of international standards in the information field. However, today it becomes obvious that the consequences of the development of the information society, changes in the system of international relations are so radical that the task before the law is to develop new regulations corresponding to the level of development of the information society.

Key words: *legal regulation, international legal acts, information, information and communication technologies, mass media, information sphere, information society, information human rights, international cooperation.*

В современном постиндустриальном обществе информационная сфера является важнейшей составляющей его прогрессивного развития. Эволюционное значение информационной составляющей заключается в том, что сегодня человечество активно формирует информационное общество, прилагает все усилия для развития информационных технологий и создания высокоэффективного информационной среды в глобальном измерении.

В свою очередь, информационная сфера, представляя собой сложную структурированную, образованную совокупностью различных элементов систему, формируется и развивается по соответствующим международным принципам и стандартам, что делает возможным характеризовать ее как самостоятельный объект правового регулирования. Поэтому исследование международно-правового регулирования информационной сферы объективно способствует ее развитию и формированию отечественного информационного законодательства, которое призвано упорядочить общественные информационные отношения.

Научно-теоретической основой исследования международно-правового регулирования информационной сферы стали работы П.Д. Барановского, А.М. Барнашова, Г.Н. Вачнадзе, А.Г. Волеводза, Л.В. Горшковой, К.В. Григорьевой, А.Г. Днепровского, Е.В. Ерми-

чевой, Е.В. Ермишиной, А.В. Зажигалкина, Т.В. Закупень, Ю.М. Колосова, А.В. Крутских, А.В. Кубышкина, С.М. Кудряшова, Т.М. Лопатиной, Н.В. Миненковой, О.В. Мозолиной, А.Л. Осипенко, К.В. Прокофьева, А.А. Робинова, Д.А. Савельева, А.Г. Серго, А.И. Смирнова, В.С. Солодченко, В.П. Талимончик, В.И. Федулова и др. Однако, разработки большинства ученых касались отдельных аспектов международно-правового регулирования информационной сферы современного общества. Кроме того, при исследовании проблем, носящих комплексный характер, авторы больше внимания уделяют частно-правовым аспектам, не всегда принимая во внимание международно-правовое регулирование информационных отношений публичного характера. Таких комплексных исследований в настоящее время в республике не существует, что обуславливает их актуальность.

Целью научной статьи является обозначение основ международно-правового регулирования публичных отношений в информационной сфере, складывающихся в условиях формирования информационного общества.

Осознавая растущую роль и значение информации в жизни и деятельности индивида, общества и государства, мировое сообщество начиная с середины XX ст. правовыми методами попыталось обеспечить гарантии основных информационных прав и свобод человека в виде международных стандартов. В частности, только Советом Европы, принято более ста нормативно-правовых, рекомендательных и других документов, направленных на урегулирование информационных отношений, прав и свобод человека в этой сфере. Принятые документы свидетельствуют об углублении информационной составляющей для современного общества и государства.

Следует обратить внимание, что на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1946 г. была принята Резолюция 59 (I) «Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации» [1]. В этой резолюции свобода информации рассматривалась как фундаментальное право человека, которое заключается в возможности беспрепятственно собирать,

распространять и публиковать сведения. Поэтому, фактически уже в первых документах ООН было заявлено, что свобода информации – это одно из основных прав человека. Важным стало, признание концепции свободы информации, как права на информацию, которое, прежде всего, предусматривает доступ к ее источникам. Впервые акцентировалось внимание на роли государственных органов в обеспечении права на информацию, что непосредственно отражает признание данного права в механизме государственного управления.

Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. [2], в ст. 19 установила, что каждый человек имеет право на свободу убеждений и свободное их выражение. Указанное право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ. Именно эта норма декларации стала называться правом на свободу информации.

Следующим важным шагом стало принятие Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [3], которая в ст. 10 устанавливает, что каждый имеет право на свободу выражения убеждений. Это право включает свободу придерживаться своих взглядов, получать и передавать информацию и идеи без вмешательства органов государственной власти и независимо от границ.

Осуществление этих свобод, поскольку оно связано с обязанностями и ответственностью, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, для защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения конфиденциальной информации или для поддержания авторитета и беспристрастности суда.

Особенностью этой Конвенции является установление механизма международного контроля, важнейшим элементом которого является деятельность Европейского суда по правам человека, который рассматривает заявления любых лиц, неправительственных организаций или групп лиц о нарушении положений Конвенции или Протоколов к ней.

В то же время Европейским судом по правам человека установлены требования по ограничениям, которые могут устанавливаться государством:

- ограничения должны быть установлены только законом;
- ограничения должны быть направлены на достижение следующих целей: учитывать интересы национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, предотвращать правонарушения или преступления, способствовать защите здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращать утечки конфиденциальной информации или для поддержания авторитета и беспристрастности суда;
- применение данных ограничений должно осуществляться только в случае острой необходимости.

Как показывает практика Европейского суда, вопросы свободы получения информации рассматривались им, прежде всего, применительно к деятельности средств массовой информации (далее – СМИ). Суд провел грань между доступом к информации общественности и СМИ, с одной стороны, и частных лиц и партий – с другой. При этом была провозглашена важность доступа общественности к официальной информации.

Также в решениях Европейского суда неоднократно указывалось, что государство не должно вмешиваться в обмен информацией между частными лицами и ограничивать возможности получения информации. В решениях Европейского суда также отмечается, что одним из аспектов свободы получать информацию является обязанность правительств государств не препятствовать какому-либо лицу в получении информации, которую другие хотят передать ему [4, с. 41-42].

Значение Всеобщей декларации прав человека и Конвенции о защите прав человека и основных свобод заключается, прежде всего в том, что в них появился термин «информация», тогда как в законодательных актах большинства стран в основном использовался термин «мнение, взгляды». Кроме того, этими документами был очерчен круг действий, которые человек вправе совершать в отношении информации (искать, получать, распространять ее любыми средствами, независимо от государственных границ).

Историческим продолжением указанных актов стали положения ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. [5], согласно которым каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своего мнения. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения, включающего свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати, или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору. Оно может быть, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми для: а) уважения прав и репутации других лиц; б) охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Следует упомянуть и Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (г. Страсбург, 28 января 1981 г.) [6], в которой указывается, что государства подтверждая приверженность свободе информации невзирая на границы, признавая необходимость согласования таких основных ценностей, как уважение частной жизни и свободное распространение информации между народами, договорились о желании расширения гарантий прав и основных свобод для всех, и, в частности, права на уважение частной жизни, с учетом увеличения трансграничного потока персональных данных, подвергающихся автоматизированной обработке.

Декларация Комитета министров Совета Европы «О свободе выражения мнения и информации» от 29 апреля 1982 г. [7] провозглашает, что свобода выражения мнения и информации необходима для общественного, экономического, культурного и политического развития каждого человеческого существа и представляет собой условие для гармоничного развития социальных и культурных групп, наций и международного сообщества; продолжающееся развитие информационных технологий должно служить защите прав, независимо от границ, выражать, искать, получать и распространять информацию и идеи, каким бы ни был их источник; государства обязаны охранять свободу выражения мнения и информации от нарушений и должны осуществлять политику, направленную на поддержку как можно большего разнообразия средств информации и множественности источников информации, допуская, таким образом, плюрализм идей и мнений. Кроме этого, вновь подтверждается твердая привязанность государств к принципам свободы выражения мнения и информации как основному элементу демократического и плюралистического общества.

Важным для административного права и государственного управления является положение Декларации о следовании открытой информационной политике в публичном секторе, включая доступ к информации, с тем, чтобы обогатить индивидуальное понимание и способность свободного обсуждения политических, социальных, экономических и культурных вопросов и т.д.

В то же время в Рекомендациях 1037 (1986) Совета Европы «О защите данных и свободе информации» от 3 июля 1986 г. [8] подчеркивается, что демократические режимы характеризуются обращением в обществе максимального объема информации и что информационные права, закрепленные в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, должны трактоваться предельно широко, подразумевая свободу поиска информации и, как следствие, обязанность вла-

стей обеспечивать доступность информации по вопросам, имеющим общественное значение (с учетом соответствующих ограничений).

В Рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 25 января 2001 г. № 1506 (2001) «О свободе выражения мнений и информации в европейских СМИ» [9] отмечается, что право на свободу выражения мнений и информации неразрывно связано с правом граждан знать о происходящем, которое лежит в основе принятия ими осмысленных решений. Возможность свободного выражения идей и мнений служит углублению общественного диалога и, таким образом, развитию демократического процесса в обществе.

В этом документе также отмечается, что свобода выражения мнений и информации оказывается перед лицом новых вызовов, которые являются порождением продолжающегося процесса глобализации СМИ, а также революционных перемен, вызванных интеграцией систем теле- и радиовещания, компьютерных сетей и телекоммуникационных технологий. Происходящая в настоящее время трансформация структуры рынка, сопровождающаяся возникновением новых конгломератов и слиянием традиционных СМИ с компаниями, строящими свой бизнес на новых формах распространения информации, вероятно, приведет к дальнейшей концентрации и формированию вертикально интегрированных медиа-структур широкого профиля, а значит – к ослаблению плюрализма в СМИ.

Исходя из этого, необходимо активизировать работу по проблемам свободы выражения мнений и информации, плюрализма и многообразия мнений в СМИ, возникающих как следствие глобализации и дальнейшего развития информационного общества.

Создание системы международной взаимной помощи с целью содействия судам в получении информации провозглашает Европейская конвенция об информации относительно иностранного законодательства от 7 июня 1968 г. [10]. Так, в

Конвенции указывается, что договаривающиеся стороны обязуются предоставлять друг другу информацию относительно своего законодательства и процедур в гражданской и коммерческой сферах, а также относительно их судебной системы. Также, в документе обозначаются: органы, имеющие право подавать запрос об информации (ст. 3); содержание запроса об информации (ст. 4); органы, уполномоченные на ответ (ст. 6); содержание (ст. 7), юридические последствия (ст. 8) и сроки (ст. 12) ответа на запрос об информации.

Ключевым событием для развития информационной сферы общества стало принятие 22 июля 2000 г. Окинавской Хартии глобального информационного общества [11], в которой сформулированы основные положения, которые страны-участницы обязуются применять при осуществлении политики по формированию и развитию информационного общества. Хартия является, прежде всего, призывом ко всем, как в государственном, так и в частном секторах ликвидировать международный разрыв в области информации и знаний.

В Хартии подробно разработаны основные направления и мероприятия, способствующие развитию информационного общества. Так, в соответствии с положениями Хартии информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века. Констатируется, что экономическое и социальное преобразование, которое стимулируется информационными технологиями, способствует созданию информационного общества, которое даст возможность людям полноценно использовать свои знания и реализовывать свой потенциал.

Практическое осуществление этих положений требует принятия мер, направленных на внедрение информационных технологий, что является объективной предпосылкой обеспечения экономического роста, улучшения общественного благосостояния, укрепления демократии и международной стабильности.

Для достижения этих целей выделяются следующие ключевые направления:

- проведение экономических и структурных реформ в целях создания обстановки открытости, эффективности, конкуренции и использования нововведений, которые дополнялись бы мерами по адаптации на рынках труда, развитию людских ресурсов и обеспечению социального согласия;

- рациональное управление макроэкономикой, способствующее более точному планированию со стороны деловых кругов и потребителей, и использование преимуществ новых информационных технологий;

- разработка информационных сетей, обеспечивающих быстрый, надежный, безопасный и экономичный доступ с помощью конкурентных рыночных условий и соответствующих нововведений к сетевым технологиям, их обслуживанию и применению;

- развитие людских ресурсов, способных отвечать требованиям века информации, посредством образования и пожизненного обучения и удовлетворение растущего спроса на специалистов ИКТ;

- активное использование ИКТ в государственном секторе и содействие предоставлению в режиме реального времени услуг, необходимых для повышения уровня доступности власти для всех граждан.

Кроме этого, важное место в Хартии занял вопрос о преодолении электронно-цифрового разрыва внутри государств и между ними. Так, усилия по преодолению международной разобщенности в решающей степени зависят от эффективного сотрудничества между всеми участниками. Для создания рамочных условий развития ИКТ важную роль в дальнейшем будет играть двустороннее и многостороннее сотрудничество; поддержка политического консультирования и укрепление местного потенциала, с тем чтобы способствовать проведению направленной на создание конкуренции гибкой и учитывающей социальные аспекты политики; содействие обмену опытом

между развивающимися странами и другими партнерами; содействие более эффективному и широкому использованию информационных технологий в области развития, включая такие широкие направления как образование, здравоохранение и культура; совершенствование системы управления, включая изучение новых методов комплексной разработки политики и т.д.

Особенно необходимо отметить Декларацию принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» [12], принятую ООН на всемирной встрече по вопросам информационного общества в г. Женеве 12 декабря 2003 г. Так, в указанной Декларации, заявлено об общем стремлении и решимости построить ориентированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие информационное общество, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, с тем чтобы дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал, содействуя своему устойчивому развитию и повышая качество своей жизни на основе целей и принципов Устава ООН и соблюдая в полном объеме и поддерживая Всеобщую декларацию прав человека.

Также, в Декларации сформулированы основные принципы развития информационного общества для всех:

1. Определение роли органов государственного управления и всех заинтересованных сторон в содействии применению ИКТ в целях развития. Так, органам государственного управления, а также частному сектору, гражданскому обществу, ООН и другим международным организациям отводится важная роль в развитии информационного общества, ориентированного на интересы людей, являющегося общим делом, требующим сотрудничества и партнерских отношений между всеми заинтересованными сторонами.

2. Признание информационной и коммуникационной инфраструктуры фундаментом открытого для всех информаци-

онного общества. В частности, хорошо развитая инфраструктура информационных и коммуникационных сетей и приложения, отвечающие региональным, национальным и местным условиям, легкодоступные и приемлемые в ценовом отношении, позволяющие в большей степени использовать широкополосную связь и другие инновационные технологии там, где это возможно, способны ускорить социально-экономический прогресс стран и повысить благосостояние всех людей, общин и народов.

3. Доступ к информации и знаниям. Обеспечение каждому возможности иметь доступ к информации, идеям, знаниям, а также вносить в эти области свой вклад является необходимым элементом открытого для всех информационного общества. Доступу к информации и знаниям можно способствовать путем повышения осведомленности всех заинтересованных сторон о возможностях, предоставляемых различными моделями программного обеспечения, в том числе разрабатываемого отдельными компаниями, программного обеспечения с открытыми кодами и свободно распространяемого программного обеспечения, с тем чтобы усиливать конкуренцию, расширять доступ пользователей и диапазон их выбора, а также дать всем пользователям возможность решать, какой вариант наилучшим образом удовлетворяет их потребностям.

4. Наращивание потенциала. Так, каждый человек должен иметь возможность овладевать навыками и знаниями, необходимыми для понимания сути информационного общества и базирующейся на знаниях экономики, активного участия в них и полномасштабного использования их преимуществ. Кроме этого, для обеспечения устойчивого развития информационного общества следует наращивать национальный потенциал в области научно-технических и опытно-конструкторских работ в сфере ИКТ. Наряду с этим партнерские отношения, в первую очередь между развитыми и развивающимися странами, в области научно-технических и опытно-конструкторских работ,

передачи технологий, производства и использования продуктов и услуг на базе ИКТ, являются важнейшим условием содействия наращиванию потенциала и всеобщему участию в информационном обществе.

5. Укрепление доверия и безопасности при использовании ИКТ. В частности, акцентируется на том, что упрочение основы для доверия, включая информационную безопасность и безопасность сетей, защиту неприкосновенности частной жизни и прав потребителей, является предпосылкой становления информационного общества и роста доверия со стороны пользователей ИКТ. Необходимо формировать, развивать и внедрять глобальную культуру кибербезопасности в сотрудничестве со всеми заинтересованными странами и компетентными международными организациями.

6. Благоприятная среда – необходимое условие существования информационного общества. Так, ИКТ следует применять как важный инструмент надлежащего государственного управления. Органы государственного управления должны принимать в надлежащих случаях меры для компенсации неэффективности рыночных механизмов, поддержания добросовестной конкуренции, привлечения инвестиций, содействия развитию инфраструктуры ИКТ и приложений на базе ИКТ, использования в максимальной степени экономических и социальных выгод и учета национальных приоритетов.

В свою очередь, интернет превратился в публичный ресурс глобального масштаба, и управление его использованием должно стать одним из основных вопросов повестки дня информационного общества. Управление использованием интернета на международном уровне необходимо осуществлять на многосторонней, прозрачной и демократической основе при полномасштабном участии органов государственного управления, частного сектора, гражданского общества и международных организаций.

7. Приложения на базе ИКТ: преимущества во всех аспектах жизни. Приложения на базе ИКТ потенциально важны для

деятельности органов государственного управления и предоставляемых ими услуг здравоохранения и информации об охране здоровья, образования и профессиональной подготовки, занятости, создания рабочих мест, предпринимательства, транспорта, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, для развития культуры, а также для достижения иных согласованных целей в области развития. Кроме того, ИКТ должны способствовать устойчивости структур производства и потребления и преодолению традиционных барьеров, давая тем самым возможность всем получить доступ на местные и глобальные рынки на более равноправной основе. Приложения ИКТ должны быть удобными для пользователей, доступными для всех, приемлемыми в ценовом отношении, соответствовать местным потребностям благодаря адаптации к местным языкам и культуре и поддерживать устойчивое развитие.

8. Культурное разнообразие и культурная самобытность, языковое разнообразие и местный контент. В частности, информационное общество должно основываться на уважении культурной самобытности, разнообразия культур и языков, традиций и религий, стимулировать это уважение и содействовать диалогу между культурами и цивилизациями. Информационное общество должно всеми соответствующими методами, включая перевод в цифровую форму, собирать и сохранять культурное наследие для будущих поколений.

9. Приверженность принципам свободы печати и свободы информации, а также независимости, плюрализма и разнообразия средств массовой информации, которые являются основной составляющей информационного общества. Свобода искать, получать, передавать и использовать информацию для создания, накопления и распространения знаний имеет существенное значение для информационного общества. Традиционные средства массовой информации во всех их видах играют важную роль в информационном обществе, и ИКТ должны способствовать этому. Следует поощрять развитие разнообразных

форм собственности на средства массовой информации в соответствии с национальным законодательством, учитывая при этом соответствующие международные конвенции.

10. Этические основы информационного общества. В информационном обществе необходимо уважать мир и отстаивать основные ценности, такие как свобода, равенство, солидарность, терпимость, коллективная ответственность и бережное отношение к природе. Так, признается важность для информационного общества этических норм, которые должны способствовать справедливости, а также поддерживать достоинство и ценность человеческой личности. При использовании ИКТ и при создании контента следует уважать права человека и основные свободы других людей, включая неприкосновенность частной жизни и право на свободу мысли, совести и религии, согласно положениям соответствующих международных документов.

11. Международное и региональное сотрудничество. Информационное общество глобально по своей сути, и предпринимаемые на национальном уровне усилия необходимо поддерживать посредством эффективного международного и регионального сотрудничества между органами государственного управления, частным сектором, гражданским обществом и другими заинтересованными сторонами.

Вопросы развития информационной сферы и реализации права на информацию получили свое отражение и на уровне межгосударственных соглашений. Так, например, в соответствии с Соглашением о сотрудничестве в области информации от 9 октября 1992 г. [13], заключенным на основе Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, стороны берут на себя ряд важных обязательств в информационной сфере. В частности, они обязуются содействовать всем формам сотрудничества между различными СМИ своих стран для обеспечения широкого и свободного распространения и обмена информацией, включая создание общих информационных структур; содействовать созданию необходимых условий для

профессиональной деятельности представителей СМИ; не препятствовать доступу к официальным, общественным и другим источникам информации; обеспечивать представителям национальных, этнических, религиозных и языковых меньшинств возможность распространять информацию на родном языке, иметь к ней доступ и обмениваться ею.

Также, благодаря Соглашению об обмене правовой информацией от 21 октября 1994 г. [14], возможен регулярный обмен правовой информацией между государствами-участниками Содружества Независимых Государств.

Итак, на основании анализа общих принципов развития информационного общества, определенных и закрепленных в международных актах мы пришли к выводу о постепенном формировании системы международных стандартов в информационной сфере. В международно-правовых актах преимущественно содержатся положения, которые гарантируют право на свободу мысли и слова, включая свободу СМИ, право на доступ к официальной информации, в то же время предусматривается ответственность и определенные ограничения права на информацию.

Однако следует признать, что международные договоры в информационной сфере регулируют ограниченный круг вопросов и не соответствуют растущим потребностям современного информационного общества. Поэтому актуальным направлением является разработка новой концепции международно-правового регулирования информационных отношений, соответствующей уровню развития информационного общества.

Литература:

1. Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации: Резолюция 59 (I) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1946 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/59(I).

2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org /ru/documents/ods.asp?m=A/RES/217%20(III).

3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160.

4. Афанасьева О.В. Наш доступ к информации, которой владеет государство / О.В. Афанасьева, М.Н Афанасьев; [общ. ред. М.Н. Афанасьева]. – М., 2010. – 192 с.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах: Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.

6. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: заключена в г. Страсбурге 28 января 1981 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499.

7. О свободе выражения мнения и информации: Декларация Комитета Министров Совета Европы, принятая на 70-й сессии Комитетом Министров 29 апреля 1982 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/90199608.

8. О защите данных и свободе информации: Рекомендации 1037 (1986) Совета Европы от 3 июля 1986 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rm.coe.int/16806461f9.

9. О свободе выражения мнений и информации в европейских СМИ: Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 25 января 2001 г. № 1506 (2001) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.int/T/r/parliamentary_assembly/russian_documents/2001/Avril2001/Rek1506.asp.

10. Европейская Конвенция об информации относительно иностранного законодательства: заключена в г. Лондоне 7 июля 1968 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/1900541.

11. Окинавская Хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901770887.

12. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии»: всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества в г. Женева 12 декабря 2003 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf.

13. Соглашение о сотрудничестве в области информации от 9 октября 1992 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901737874.

14. Соглашение об обмене правовой информацией от 21 октября 1994 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/1900515.

УДК 342.7:342.92

Б.Ю. Бурбело

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ПОДХОДА

В статье рассмотрены актуальные проблемы повышения эффективности административно-правового инструментария, создаваемого и используемого государством для обеспечения прав человека. С этой целью уточнены содержание и структура административно-правового механизма реализации прав человека. В качестве структурных элементов такого механизма выделены правовые средства, закрепляющие общий и специальный статус физического лица, конфликтные и неконфликтные административные производства, а также административное судопроизводство. Проанализирован негативный опыт Украины в ограничении действия административно-правового механизма реализации прав человека. Отмечена недопустимость разделения гражданских прав по категориям граждан, а также издания специальных подзаконных нормативно-правовых актов, устанавливающих особые, в том числе временные порядки реализации отдельных прав человека. Акцентировано внимание на институте административных услуг как важной составляющей административно-правового механизма реализации прав человека. Сформулированы основные требования к административно-правовому механизму реализации прав человека. Предложены рекомендации по формированию и совершенствованию административно-правового механизма реализации прав человека в Луганской Народной Республике.

Ключевые слова: *права человека, реализация прав человека административное право, административно-правовой механизм, административная услуга.*

The article considers topical problems of increasing the efficiency of administrative-law instruments created and used by the state to ensure human rights. For this purpose, the content and structure of the administrative and legal mechanism for the realization of human rights have been clarified. Legal means that fix the general and special status of an individual, conflict and non-conflicting administrative proceedings, administrative proceedings are defined as the structural elements of such a mechanism. The negative experience of Ukraine in limiting the operation of the administrative-law mechanism for the realization of human rights has been analyzed. It was noted the inadmissibility of the division of civil rights by categories of citizens, as well as the publication of special by-laws that establish special, including temporary procedures for the realization of individual human rights. Attention is focused on the institution of administrative services as an important component of the administrative-law mechanism for the realization of human rights. The basic requirements to the administrative and legal mechanism for the realization of human rights are formulated. Recommendations of the formation and improvement of the administrative-law mechanism for the realization of human rights in the Luhansk People's Republic are offered.

Key words: *human rights, realization of human rights, administrative law, administrative-law mechanism, administrative service.*

Признание человека, его прав и свобод высшей ценностью является одной из основ конституционного строя современных демократических правовых государств, определяющей содержание и направленность их деятельности. Приняв 18 мая 2014 года Временный Основной Закон (Конституцию) Луганской Народной Республики [1] (далее – ЛНР) и установив курс на строительство демократического, правового, социального государства, законодательный орган республики тем самым закрепил обеспечение и защиту прав человека в качестве приоритетного направления деятельности молодого государства.

Положениями ст. 2 Конституции Российской Федерации закреплена юридическая обязанность государства по соблюдению и защите прав человека. В ст. 3 Конституции Украины подчеркивается, что государство отвечает перед человеком за свою

деятельность, а утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью государства.

Показателен тот факт, что понятие прав человека, возникнув в рамках естественно-правовой теории, активно используется в терминологии позитивного, писаного права. Определяя содержание прав человека на уровне закона, государство тем самым устанавливает правовую связь с человеком и создает фундамент для формирования собственного политического курса.

С одной стороны, закрепление прав человека в виде нормценностей подчеркивает их общепризнанность, приоритет и нерушимость. С другой стороны – сами по себе данные правовые нормы декларативны, и предполагают создание правовых средств их реализации. Второе обстоятельство оправдывает применение государством инструментального подхода к вопросу выполнения конституционной обязанности обеспечивать права человека. Поскольку права человека касаются практически всех основных сфер общественной жизни, юридические средства их реализации приобретают значение одного из основных инструментов государственной политики.

Ученые-правоведы для обозначения системы указанных юридических средств чаще всего используют понятие механизма обеспечения прав человека [3, с. 207]. Реже в юридической литературе встречаются близкие по содержанию понятия механизма реализации прав, механизма обеспечения реализации прав, механизма осуществления прав [2, с. 88].

Для исследования данного правового явления в контексте средств государственной политики, наиболее удачным видится использование понятия механизма реализации прав человека. На наш взгляд, обеспечение прав человека как создание условий для их осуществления должно проявляться не в сооружении абстрактного механизма обеспечения, а в создании доступного и действенного механизма реализации прав человека.

Одним из наиболее подвижных звеньев механизма реализации прав человека считается его административно-правовая

составляющая, что обусловлено спецификой форм и методов государственного управления. Так, подзаконный характер нормативно-правовых актов, издаваемых административными органами, упрощенность большинства управленческих процедур по сравнению с формами законодательной деятельности и судопроизводства, – позволяют государству гибко подстраивать свои административно-правовые средства под динамично изменяющиеся условия и цели публичного управления. Следует согласиться с исследователями, обращающими внимание на определяющее значение именно административно-правового механизма в общем механизме реализации прав человека [4].

Действительно, инструментальное значение данного правового механизма сложно переоценить. Его универсальность и адаптивность, обеспечиваемая широким спектром доступных правовых и организационных средств, не вызывает сомнений. Однако обратной стороной указанных свойств, и это необходимо учитывать ЛНР при формировании собственного административного законодательства, является повышенный риск злоупотреблений со стороны государства, при которых обеспечение прав человека может использоваться отдельными должностными лицами либо органами власти как прикрытие для достижения иных политических целей. В результате определенное субъективное право человека может оказаться либо необоснованно ограниченным, либо вообще нереализуемым.

Так, известным для жителей ЛНР примером ограничения одного из естественных прав человека – права на перемещение и выбор места жительства – может служить введение Украиной в 2015 году разрешительных административных процедур для перемещения лиц через линию соприкосновения в пределах донбасского региона [5]. Данные процедуры предусматривают обязательность получения физическими лицами, в том числе гражданами Украины, специального пропуска для пересечения линии соприкосновения, определенный срок действия этого документа и ограниченный перечень оснований его предостав-

ления. Интересно, что даже порядок пересечения государственной границы Украины не предполагает использования государством таких разрешительных форм.

Изложенное указывает на необходимость переосмысления сущности и структуры административно-правового механизма реализации прав человека. На наш взгляд, в составе административно-правового механизма реализации прав человека следует различать следующие группы правовых средств:

1) устанавливающие общий административно-правовой статус физического лица;

2) закрепляющие специальные административно-правовые статусы, связанные с реализацией физическим лицом специальных прав;

3) неконфликтные (позитивные) административные производства как процессуальные средства реализации субъективных прав (регистрационные, разрешительные и иные производства);

4) конфликтные административные производства как средства защиты прав человека и отдельные процессуальные гарантии соблюдения прав их участников – физических лиц (производство по рассмотрению жалоб физических лиц, производство по делам об административных правонарушениях, дисциплинарное производство);

5) административное судопроизводство.

Основным юридическим инструментом закрепления общего административно-правового статуса человека в государстве является институт гражданства. Очевидно, что права гражданина как позитивно-правовое выражение прав человека должны быть урегулированы в едином комплексе на уровне закона – нормативно-правового акта высшей силы. Разделение гражданских прав по категориям граждан, издание специальных подзаконных нормативно-правовых актов, устанавливающих особые, в том числе временные порядки реализации отдельных прав человека, будет неизбежно приводить к внутренним противоречиям, снижению эффективности и надежности

административно-правового механизма реализации прав человека в целом.

Примером подобного разделения может служить создание в Украине института внутренне перемещенных лиц [6]. Такими лицами, в частности, могут быть признаны граждане Украины, иностранцы и лица без гражданства, проживавшие в зоне вооруженного конфликта на Донбассе и вынужденно выехавшие на территорию, подконтрольную Украине. Статус внутренне перемещенного лица подтверждается справкой установленного образца, выдаваемой органами социальной защиты населения при условии фактического проживания на подконтрольной Украине территории [7].

Для граждан, проживающих на неподконтрольной Украине территории, получение такого статуса является единственным способом реализовать свои конституционные права на образование, занятость, получение пенсий и иных социальных выплат [8]. Как результат, право человека на выбор места жительства вступает в конфликт с другими гражданскими правами, гарантированными Конституцией Украины. Человек оказывается вынужденным сменить место жительства, – но не из-за угрозы безопасности, а из-за отсутствия законных средств реализации своих прав.

Приведенный пример свидетельствует о необходимости четко разграничивать общий административно-правовой статус физического лица и его специальные статусы, не допуская их использования для разделения граждан по политическим убеждениям и иным признакам.

Что касается позитивных административных производств как средств реализации прав человека, то основной потенциал повышения их эффективности видится в развитии системы административных услуг. Именно сервисная концепция управленческой деятельности государства считается наиболее продуктивной с точки зрения реализации прав человека. Действительно, при обращении за административной услугой человек

выступает не в унизительном качестве просящего, а как полноценный правообладатель.

В ЛНР законодательство об административных услугах в настоящее время не развито, специального закона о таких услугах нет, приняты и действуют лишь подзаконные акты временного характера, регулирующие работу центров предоставления административных услуг при администрациях городов и районов республики [9, 10].

В Украине законодательство об административных услугах существует с 2012 года. За этот период были созданы специальные центры предоставления административных услуг при исполнительных органах местного самоуправления городов областного значения, а также при районных государственных администрациях, запущена пилотная версия Единого государственного портала административных услуг.

К сожалению, указанные меры, призванные повысить качество, удобство и оперативность предоставления административных услуг, не всегда могут обеспечить выполнение таких задач. Причинами этого опять-таки выступают недостатки существующего административно-правового механизма реализации прав человека.

Например, такая управленческая услуга, как вклеивание фотокарточки в паспорт гражданина Украины при достижении 25-летнего и 45-летнего возраста, осуществляется Государственной миграционной службой Украины в порядке, утвержденном ведомственным приказом Министерства внутренних дел Украины [11]. Данным приказом установлен максимальный срок выполнения данной процедуры – 5 дней. В то же время, Закон Украины «Об административных услугах» [12] предусматривает, что предельный срок оказания любой административной услуги должен устанавливаться законом, а при его отсутствии применяется общая норма в 30 календарных дней.

В итоге возникает парадоксальная ситуация, при которой получение простейшей по сути административной услуги че-

рез специально созданный центр, на вполне законных основаниях, может занять время, в шесть раз превышающее срок оказания этой же услуги при обращении гражданина непосредственно в предоставляющий ее орган.

В рамках конфликтных административных производств также существуют некоторые неразрешенные противоречия, препятствующие эффективной реализации прав человека. Например, и для России, и для Украины актуальной остается проблема правового обеспечения упрощенного производства по делам об административных правонарушениях в сфере дорожного движения, зафиксированных в автоматическом режиме. Поскольку идентификация правонарушителя в таких случаях происходит по номерному знаку транспортного средства, по умолчанию правонарушителем признается его владелец, на которого возлагается обязанность доказывания своей невиновности. Данное положение вступает в противоречие с принципом презумпции невиновности лица, привлекаемого к юридической ответственности.

Очевидно, что государство напрямую заинтересовано в удешевлении процедур привлечения к ответственности за самые массовые административные правонарушения при повышении количества фиксируемых фактов таких нарушений. Однако создание соответствующего правового механизма связано с необходимостью выработки новых правовых средств, которые бы не противоречили, или хотя бы составили равноценную альтернативу правовой презумпции невиновности.

С этой позиции интересны новации в административно-деликтном законодательстве Украины, реализованные летом 2015 года [13]. Данные изменения предусматривают новый вид основных административных взысканий – так называемые штрафные баллы, применяемые исключительно за совершение правонарушений рассматриваемой категории. По замыслу законодателя, ежегодно каждому лицу, имеющему допуск к управлению транспортным средством, начисляется 150 баллов.

В случае фиксации в автоматическом режиме правонарушения, совершенного таким водителем, из указанной суммы вычитается количество штрафных баллов, указанных в санкции соответствующей статьи особенной части Кодекса Украины об административных правонарушениях. Традиционный административный штраф может быть наложен на водителя только после использования предоставленных баллов.

Например, за нарушение установленных ограничений скорости движения предусмотрено наложение взыскания в виде 50 штрафных баллов. Таким образом, административный штраф за указанное нарушение может быть наложен на водителя только при условии совершения ранее в течение этого же года не менее трех аналогичных правонарушений.

Несмотря на некоторые неточности и противоречия, модель системы административных взысканий со штрафными баллами обладает неоспоримым преимуществом: даже если штрафные баллы ошибочно будут применены к владельцу, не управлявшему транспортным средством в момент фиксации правонарушения, это существенно не ограничит его субъективные права, в отличие от того же административного штрафа.

Важной составляющей административно-правового механизма реализации прав человека является административное судопроизводство как особый порядок осуществления правосудия по делам о нарушениях прав человека субъектами публично-властных полномочий. В Украине данный вид судопроизводства существует более 10 лет, в Российской Федерации появился относительно недавно – в 2015 году.

Одной из проблем административного судопроизводства является вопрос о возможности объективного рассмотрения споров с государством самим государством в лице своих судебных органов. В Украине для рассмотрения административных споров физических лиц с органами государственной власти созданы специальные судебные органы – административные суды. Однако это не решило проблему независимости admini-

стративного арбитра. Так, несправедливые, а иногда даже открыто незаконные и необоснованные решения принимались административными судами Украины по делам о спорах жителей зоны вооруженного конфликта на Донбассе в вопросах назначения и выплаты пенсий, иных социальных выплат, прохождения и увольнения с публичной службы.

Например, в своих решениях административные суды Украины, игнорируя положения Конституции и иных законов Украины, нередко ссылались на скандально известный подзаконный нормативно-правовой акт, нарушающий права человека на социальное обеспечение и своевременное получение заработной платы, – Постановление Кабинета Министров Украины от 07.11.2014 №595 «Некоторые вопросы финансирования бюджетных учреждений, осуществления социальных выплат населению и предоставления финансовой поддержки отдельным предприятиям и организациям Донецкой и Луганской областей» [8].

Таким образом, как показывает судебная практика Украины, создание отдельной системы административных судов, если они остаются чисто государственными органами, не может считаться достаточным условием эффективной административной защиты прав человека. Это обуславливает необходимость дальнейшего поиска модели административного судопроизводства, которая бы предусматривала более надежные гарантии соблюдения прав человека.

Проведенный структурный анализ административно-правового механизма реализации прав человека позволяет сформулировать основные требования, которые должны предъявляться к такому механизму:

1) системность;
2) доступность и удобство для человека;
3) надежность;
4) прозрачность;
5) эффективность.

Выполнение данных требований предполагает максимально возможную систематизацию, унификацию и упрощение административных процедур реализации прав человека, в том числе путем использования средств так называемого «электронного правительства», предусматривающих не только разрешительные, но и уведомительные порядки такой реализации. Кроме того, необходимо полноценное развитие всех форм защиты прав человека, увеличение доли участия общественности в осуществлении публичных функций контроля и разрешения конфликтных ситуаций.

Указанные меры позволят усовершенствовать существующий административно-правовой инструментарий, используемый государством для обеспечения прав человека, создадут условия для проведения эффективной социальной политики без ущерба для национальной безопасности и будут способствовать укреплению статуса правового государства.

Литература:

1. Временный основной закон (Конституция) Луганской Народной Республики от 18.05.2014 № 1-I// Сайт Народного Совета Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Луганск, 2018. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/

2. Скакун О. Ф. Теория государства и права: учебник/ О. Ф. Скакун. – Харьков: Консум, 2000. – 704 с.

3. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав: монография / Е. В. Вавилин. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 360 с.

4. Яскевич В. В. Административно-правовой механизм реализации прав граждан в сфере исполнительной власти: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.14/ В. В. Яскевич. – Москва, 2005. – 192 с.

5. Про затвердження Тимчасового порядку контролю за переміщенням осіб, транспортних засобів та вантажів (товарів) через лінію зіткнення у межах Донецької та Луганської областей: Наказ Першого заступника керівника Антитерористичного центру при Службі безпеки України (керівника Антитерористичної операції на території Донецької та Луганської областей) від 12.06.2015 № 415 ог // Сайт

Службы безопасности Украины [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article;jsessionid=2B9895697D882493630CA498BBA7052B.app1?art_id=136472&cat_id=136462

6. Про забезпечення прав і свобод внутрішньо переміщених осіб: Закон України від 20.10.2014 № 1706-VII// Відомості Верховної Ради України. – 2015. – № 1. – Ст. 1.

7. Про облік внутрішньо переміщених осіб: Постанова Кабінету Міністрів України від 01.10.2014 № 509// Офіційний вісник України. – 2014. – № 81. – Ст. 2296.

8. Деякі питання фінансування бюджетних установ, здійснення соціальних виплат населенню та надання фінансової підтримки окремим підприємствам і організаціям Донецької та Луганської областей: Постанова Кабінету Міністрів України від 07.11.2014 № 595// Офіційний вісник України. – 2014. – № 91. – Ст. 2608.

9. Об утверждении Временных правил регулирования работы центров предоставления административных услуг: Постановление Совета Министров Луганской Народной Республики от 06.06.2017 № 315/17// Сайт Совета Министров Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Луганск, 2018. – Режим доступа: https://sovminlnr.ru/akt/08.06.2017/315_17.pdf

10. Об утверждении Типового положения о центре предоставления административных услуг: Постановление Совета Министров Луганской Народной Республики от 20.02.20187 № 94/18// Сайт Совета Министров Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Луганск, 2018. – Режим доступа: https://sovminlnr.ru/docs/2018/02/22/94_18.pdf

11. Про затвердження Порядку оформлення та видачі паспорта громадянина України: Наказ Міністерства внутрішніх справ України від 13.04.2012 № 320// Офіційний вісник України. – 2012. – № 54. – Ст. 2178.

12. Про адміністративні послуги: Закон України від 06.09.2012 № 5203-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2013. – № 32. – Ст. 409.

13. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо вдосконалення регулювання відносин у сфері забезпечення безпеки дорожнього руху: Закон України від 14.07.2015 № 596-VII// Відомості Верховної Ради України. – 2013. – № 39. – Ст. 372.

Раздел III

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ТРУДОВОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРАВА

УДК 347.440.62.64

Е.С. Жидкова
Г.И. Волкова

НЕПОИМЕНОВАННЫЕ И СМЕШАННЫЕ ДОГОВОРЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ И УКРАИНЫ

Данная статья посвящена вопросам анализа понятия договоров, не урегулированных ГК РФ и ГК Украины и иными нормативными правовыми актами (непоименованные), а также смешанным договорам. Такие контракты были сформулированы в ответ на новые потребности времени, поэтому их количество и разнообразие невозможно подсчитать наверняка. Их достаточно много, и новые возникают из-за меняющихся потребностей людей и общества с течением времени и между странами. Сам процесс становления и развития непоименованных договоров начался еще в Древнем Риме и, как показывает практика, продолжается в наши дни. Регулирование отношений носящих гражданско-правовой характер осуществляется не только в нормативном порядке, но и индивидуальным способом – соглашениями их участников - стороны имеют право заключить договор, который не предусмотрен актами гражданского законодательства, но соответствует его общим принципам. Этот принцип дает широкий круг возможностей для заключения непоименованных договоров.

Ключевые слова: непоименованный договор, смешанный договор, соотношение договоров, применение норм права, свобода договора.

This article is devoted to the analysis of the concept of contracts that are not regulated by the Civil Code of the Russian Federation and the Civil Code of Ukraine and other normative legal acts (unnamed), as well as mixed contracts. Such contracts were formulated in response to new time requirements, so the number of such contracts and their diversity can not

be counted for sure, there are many of them, and new ones arise because of the changing needs of people and society over time and between countries. The very process of formation and development of unnamed treaties began in ancient Rome, and as practice shows, it continues in our days. Regulation of relations of civil law is carried out not only in the normative order, but also in an individual way – agreements of their participants - the parties have the right to conclude a contract that is not stipulated by the acts of civil legislation, but conforms to its general principles. This principle gives a wide range of opportunities for the conclusion of unnamed contracts.

Key words: an unnamed contract, a mixed contract, the ratio of contracts, the application of legal norms, legal regulation

В связи с развитием производства, торговли, экономической деятельности и других сфер жизнедеятельности общества происходит преобразование правового регулирования гражданско-правовых отношений. К настоящему времени уже сложилась определенная система поименованных договоров, однако в силу вышеобозначенных причин перечень законодательно закрепленных договоров отстает от потребностей гражданского оборота. Поэтому появляется множество новых гражданско-правовых договоров, расширяется свобода субъектов экономических отношений. Например, одним из нововведений на российском рынке услуг стал договор аутсорсинга, который предусматривает временную передачу ресурсов в виде квалифицированных специалистов в определенной сфере другой организации на возмездной основе. Широкое применение в предпринимательской практике получил, еще не получивший законодательного закрепления, дистрибьютерный договор, направленный на длительные коммерческие связи между дистрибьютерной фирмой – посредником и производителем товара.

Основные законы Российской Федерации и Украины гарантируют свободу экономической деятельности в качестве одной из основ конституционного строя. Конкретизируя это положение в статьях ст. 34, 35 Конституции РФ и статьях 41, 42 Конституция Украины, устанавливают, что каждый имеет право

владеть, пользоваться и распоряжаться своей собственностью, каждый имеет право на предпринимательскую деятельность, не запрещенную законом.

В литературе высказывалось мнение рассматривать право на предпринимательство как одно из равноценных правомочий конституционного статуса личности, как предметную форму конкретизации понятия экономической свободы. Особенность данного права – по отношению к другим статусным элементам – является его органическая связь с правом частной собственности, в значительной мере определяющим специфику предпринимательских правомочий. При этом в юридической литературе обращается внимание на двойственную природу конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Отдельными учеными высказывалось мнение о том, что двойственность означает наличие у него двух сторон – публично-правовой и частно-правовой. Демонстрируя свое публично-правовое содержание, отображается в сфере отношений между государством и индивидом, определяя объем гарантируемой экономической свободы. Частно-правовое содержание, проявляется в нормах гражданского законодательства и в силу этого может действовать и в сфере частных отношений [1].

Из содержания этих норм следует конституционное признание свободы договора как одной из гарантированных государством свобод человека и гражданина, которая закреплена законодателем в ст. 1 ГК РФ и ст. 3 ГК Украины, в числе основных начал.

Принцип свободы договора позволяет сторонам строить свои отношения как по модели, предусмотренной гражданским законодательством, так и создать договорную конструкцию прямо непоименованную в действующем законодательстве или смешанную (содержащий элементы различных видов сделок). Поэтому не случайно, сегодня гражданско-правовой

договор является основным и главным элементом рыночных отношений, однако, как показывает практика неграмотно составленный договор – это мина замедленного действия.

Следует отметить, что в последние годы цивилисты стали больше уделять внимания исследованию таких вопросов, как понятие, признаки и правовое регулирование непоименованных и смешанных договоров. Существует ряд российских и украинских юристов, возродивших учение о выше обозначенных договорах. К таким относятся Н.А. Антонова, Ф.Я. Ахмедов, В. Бородкин, Д.В. Огородов, Р.А. Лидовець, В.А. Писчиков, Ю.В. Романец, Е.В. Татарская, М.Ю. Челышев, Н.О. Шемшур. Так же проблему смешанного договора затрагивали авторитетные цивилисты, как А.С. Иоффе, И.Б. Новицкий, А.И. Покровский, Г.Ф. Шершеневич и, конечно же, М.И. Брагинский и В.В. Витрянський.

Как показывает практика, смешанный договор является менее рискованным и гибким по сравнению с непоименованным. В.Э. Самосейко отмечает, смешанный договор – это удобная конструкция, позволяющая одним документом оформить хозяйственную операцию, для которой необходимо заключить несколько разнородных сделок. Далее он уточняет, что главный риск в данном случае заключается в том, что неизвестная правовая судьба договора – будет ли он признан действительным [2].

Отдельные цивилисты полагают, что смешанный договор играет существенную роль не только для непосредственных участников имущественного оборота, но и для гражданского законодательства в целом. Конструкция смешанного договора освобождает законодателя от регламентирования огромной номенклатуры сходных или дублирующих друг друга договоров, сохраняя тот же уровень и качество регулирования договорных отношений. Другая сторона такой законодательной экономии состоит в минимизации известной пробельности частноправового регулирования: стороны договора синтезируют договор,

адекватный их экономическим потребностям, из элементов договоров, уже урегулированных гражданским правом [3].

Как справедливо отмечается российскими учеными, важным требованием к договору является совмещение гибкости и стабильности, которые в полном объеме проявляются в смешанных договорах. По их мнению, основной проблемой, которая возникает при разрешении споров, является невозможность применения к неравнозначным элементам смешанного договора норм, предусмотренных ГК РФ для определенных видов договоров. В таком случае важно определить волю лиц, заключивших договор, и найти компромиссное решение вопроса, которое будет удовлетворять волю сторон и закона. Стороны не всегда могут учесть все формальности и продумать последствия, которые повлечет за собой заключение смешанного договора. Поэтому, важно заранее узнать, какие нормы права будут регулировать отношения по сделке. Сложность заключается и в том, что действующее законодательство позволяет включать в соглашение элементы, которые относятся к различным отраслям права. А разные отрасли имеют разные принципы, согласно которым регулируются правовые отношения [4]. Сегодня смешанный договор довольно широко представлен в судебно-арбитражной практике. Как показывает анализ конкретных судебных постановлений, встречаются смешанные договоры, сочетающие в себе элементы договоров энергоснабжения и возмездного оказания услуг [5], договоров поставки и подряда [6], договоров подряда и возмездного оказания услуг [7], договоров хранения и купли-продажи [8], договоров комиссии и займа [9] и т.д.

Смешанным будет и такой договор, который сочетает самостоятельные обязательства. Например, договор о поставке товара включает условия о его страховании, хранении, перевозке и т.д., не требует оформления различных договоров, но и не приводит к появлению единого договорного обязательства, такие договоры в судебной практике иногда называют комплексными [10].

Например, договор соинвестирования отличается от договора долевого участия в строительстве и является смешанным договором на выполнение работ и договором простого товарищества с обязанностью финансирования работ и правом получения их результата в объеме, пропорциональном произведенному финансированию. Такой был вывод сделан Девятым арбитражным апелляционным судом в Постановлении от 07.06.2013 № 09АП-12775/2013, 09АП-12776/2013 [11].

Гражданский кодекс РФ в ст. 421 прямо закрепил, что стороны могут заключить договор, в котором находятся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон смешанного договора применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из сделки сторон или существа смешанного договора.

В комментариях к этой статье указывается, что смешанные договоры условно можно разделить на два типа. Первый характеризуется равнозначность элементов объединенных в нем. Примером может быть договор, предусматривающий обмен товаров на эквивалентные по стоимости услуги. В п. 1 Письма ВАС № 69 [12] отмечается, что такой договор не относится к договору мены, а является смешанным, содержащим элементы договоров купли-продажи и возмездного оказания услуг. Второй тип, напротив, предполагает подчиненность объединенных в нем элементов. Один из них признается главным, другие – дополнительными (акцессорных). Правила о договорах, элементы которых носят дополнительный (акцессорных) характер, должны применяться субсидиарно. Примером может быть договор хранения, в котором хранителю предоставляется право пользования имуществом, если это требуется для обеспечения его сохранности (ст. 892 ГК РФ). К отношениям сторон по такому договору в первую очередь должны применяться правила о договоре хранения. Правила об аренде играют здесь вспомогательную роль и уступают в случае их коллизии с правилами

о хранении. Например, хранитель по данному договору не обладает правом на заключение договора аренды на новый срок, предусмотренным п. 1 ст. 621 ГК РФ. Статья 904 ГК РФ о прекращении хранения по первому требованию поклажедателя имеет приоритет [13].

В.А. Писчиковым несколько иначе проводится распределение смешанных договоров. Он предлагает такие договоры подразделить на две группы: смешанные договоры, специально сконструированные законодателем со смешанной правовой природой, и смешанные договоры, которые включают в себя простой набор признаков типовых договоров. Первые, он предлагает называть смешанные договоры типа ipso jure (в силу закона), вторые – смешанные договоры типа ad hoc (по случаю) [14, с. 175].

Гражданский кодекс Украины признал важную роль договора. Это нашло свое формальное отражение в том, что только в Книге пятой из общего количества 710 статей, регулирующих отдельные виды обязательств, 508 посвящено отдельным видам договоров. Кроме того, в Гражданском кодексе Украины расширен и перечень уже известных договоров. Одним из главных нововведений стало прямое закрепление возможности заключать смешанные договоры. Согласно ст. 6 ГК Украины стороны имеют право заключить договор, который не предусмотрен актами гражданского законодательства, но отвечает общим принципам гражданского законодательства, урегулировать в договоре свои отношения, не урегулированные актами гражданского законодательства, а также отступить от положений закона и урегулировать свои отношения по собственному усмотрению. Согласно ст. 627 ГК Украины устанавливает, что стороны свободны в заключение договора, выборе контрагента и определении условий договора, а ст. 628 ГК Украины предусматривает возможность заключения смешанных договоров, состоящих из элементов различных договоров. По мнению цивилиста Р.А. Лидовця смешанным является договор, в котором сочетаются элементы договоров различных типов, предусмотренных

законодательством, и, вместе с тем, нельзя считать смешанным договор, объединяющий различные виды одного типа договора. В результате заключения смешанного договора образуется единое обязательства (в широком смысле), которое направлено на достижение единой цели, поскольку стороны, сочетая условия различных гражданско-правовых договоров, связывают осуществление своих прав и обязанностей, предусмотренных одним из этих договоров, с осуществлением прав и обязанностей, предусмотренных другим договором. Особенностью смешанных договоров является то, что в них все условия являются существенные и такими, относительно которых по заявлению сторон должно быть достигнуто соглашение, поскольку объединение в договоре этих условий происходит исключительно по желанию сторон, то есть они являются только инициативными, хотя основой их являются условия, предусмотренные законом. Этот автор уточняет, что, учитывая вопросы смешанных договоров, наибольшее значение имеет классификация договоров по типам и видам, которую целесообразно проводить на основе комбинированного критерия [15, с. 16].

Термин «непоименованный договор» законодательно не предусмотрен ни в Российской Федерации, ни в Украине и встречается только в юридической литературе. Гражданские кодексы данных государств говорят лишь о договоре, который не предусмотрен законом или иными правовыми актами. Для признания договора, непоименованным или, как в законодательной формулировке – не предусмотренного законом и иными правовыми актами – необходимо наличие нового признака, приобретающего правовое значение и требующего законодательного закрепления [16, с. 71], отличного от квалифицирующих признаков всех поименованных договоров [17, с. 20]. Несоответствие заключенного договора направленности, предмету и (или) объекту поименованных договоров означает непоименованность договора. А.И. Савельев полагает, что непоименованный договор – это соглашение, в отношении которого законом или иными правовыми актами не определены предмет и

иные условия договора, содержащие не отраженный в иных договорных конструкциях признак направленности, предмета и объекта договора, в силу чего совокупность квалифицирующих признаков соглашения отличается от предусмотренных договорными типами. Непоименованный договор, может помимо нового элемента, включать элементы поименованных договоров, но при наличии всех квалифицирующих признаков обязательства, являющегося видообразующим для поименованного договора, договор будет смешанным [18].

К примеру, А.В. Мыскин определяет непоименованный договор как «всего лишь потенциальную юридическую возможность создать самостоятельно нестандартную договорную модель» и «договорно-правовое явление, которого не существует в объективном мире гражданского законодательства, но которое, однако, может появиться по воле участников гражданского оборота и при наличии определенных условий получить соответствующее юридическое признание и правовую защиту» [19, с. 50].

Е.В. Татарская характеризует непоименованный договор как договор типа, не определенного законодательством, выделяемого по признакам направленности (цели) и / или объекта [20, с. 10]. По мнению А.Я. Ахмедова указанная дефиниция не отражает всех признаков «непоименованности» и ограничивает нормативные правовые акты, в которых может быть предусмотрен договор, лишь законами. Далее данный автор замечает, что между тем, основания непоименованности являются одним из важнейших факторов, влияющих на уяснение содержания конструкции непоименованного договора [21, с. 55]. По его мнению, непоименованный договор – соглашение, в отношении которого нормативными правовыми актами не урегулирован хотя бы один из квалифицирующих признаков направленности, предмета или объекта договора, отличающий это соглашение от законодательно предусмотренных договорных типов [21, с. 66].

Таким образом, закрепленный в Гражданском кодексе Российской Федерации и Украины принцип свободы договора предоставил сторонам возможность на основе взаимно согласованного волеизъявления свободно заключать непоименованный или смешанный договор, выбирать его способ заключения, а также определять содержание такого договора, однако при этом следует учитывать все формальности и последствия, которые может повлечь заключение договора, поскольку различные отрасли права имеют разные принципы, в соответствие с которыми регулируются правоотношения.

Литература:

1. Конституция РФ. Последняя действующая редакция с Комментариями // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constrf.ru /razdel-1/glava-2/st-34-krf (30.03.2018)

2. Правовой форум: Смешанные, непоименованные и осложненные иностранным элементом договоры // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://union.by/info/other/d317233d38d97322.html (28.10.2011).

3. Огородов Д.В., Челышем М.Ю. Смешанные договоры в частном праве: отдельные вопросы теории и практики // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lawmix.ru/comm/213 (01.04.2018).

4. Особенности формирования смешанного договора // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://perlaw.ru/articles/ grazhdanskoe-pravo/osobennosti-formirovaniya-smeshannogo-dogovora (01.04.2018).

5. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 17 ноября 2003 г. № Ф03-А51/03-1/2867 // СПС «КонсультантАрбитраж».

6. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 09.10.2003 № А29-1248/2003А // СПС «КонсультантАрбитраж».

7. Постановление ФАС Центрального округа от 26.09.2003 № А09-11616/02-5 // СПС «КонсультантАрбитраж».

8. Постановление ФАС Московского округа от 13.04.1999 № КГ-А40/ 897-99 // СПС «КонсультантАрбитраж».

9. Постановление ФАС Московского округа от 14.04.1999 № КА-А40/ 1006-99 // СПС «КонсультантАрбитраж».

10. Постановление ВАС РФ от 06.10.2009 № 8244/09 (в договор включен комплекс предоставления услуг по перевозке) // СПС «КонсультантАрбитраж».

11. Полетаева А. Смешанный договор // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=5708 (30.03.2018).

12. Обзор практики разрешения сопоров, связанных с договором мены: Информационное письмо ВАС № 69 от 24.09.2002 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/2983.html (29.03.2018).

13. Гражданский кодекс Российской Федерации // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ville.ru/laws/gk/lawgk421.html (01.04.2018).

14. Писчиков В.А. Смешанные и нетипичные договоры в гражданском праве России: дис. … канд. юрид. наук: специальность 12.00.03. – М., 2004. – С. 175.

15. Лідовець Р.А. Змішані договори у цивільному праві України: автореф. … канд. юрид. наук. – Львів, 2005. – С. 16.

16. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. – М., 2004. – С. 71.

17. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2012. – № 4. – С. 20.

18. Савельев А.И. Отдельные вопросы правового регулирования смешанных договоров в российском и зарубежном гражданском праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2011. – № 8. – С. 38.

19. Мыскин А.В. Непоименованные договоры в системе договорно-правовых конструкций // Закон. – 2011. – № 6. – С. 50.

20. Татарская Е.В. Непоименованные и смешанные договоры // Российская юстиция. – 2007. – № 4. – С. 10.

21. Ахмедов А.Я. Непоименованные договоры в Гражданском праве России: дис. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. – Саратов. – 2014. – С. 55.

Раздел IV

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК: 343.35

В.А. Глазков
Л.С. Андрейченко

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ОСНОВНЫХ ВИДОВ КОРРУПЦИИ

В статье рассмотрены основные особенности феномена коррупции как социального явления и объекта правового воздействия, охарактеризованы классифицирующие признаки соответствующего понятия. Авторами установлено, что сегодня в юридической науке сложилось множество подходов к классификации коррупции, большинство из которых не отражают всего спектра ее форм и проявлений. Акцентируется внимание на многогранности феномена коррупции. Доказывается, что коррупцию следует классифицировать в зависимости от статуса субъектов, цели совершения коррупционных действий, степени общественной опасности, а также по территориальному принципу.

Авторами проанализированы статистические данные отдела противодействия коррупции МВД ЛНР, которые позволили выявить, что основными видами коррупционных проявлений в Луганской Народной Республике на сегодняшний день являются взяточничество и незаконное присвоение (хищение) государственного имущества.

Подводя итоги исследования, авторы приходят к выводу о том, что господствующие в современной юридической мысли подходы к изучению коррупции характеризуются в своем большинстве одномерностью классификационных схем, не содержат исчерпывающего отражения форм и видов исследуемого явления в государствах, которые

находятся в условиях становления или глубокого кризиса, и, по этой причине, нуждаются в основательной теоретической и прикладной доработке.

Ключевые слова: *государственные органы, правоохранительные органы, коррупция, классификация коррупции, верховая коррупция, низовая коррупция, политическая коррупция.*

The article considers the main features of the phenomenon of corruption as a social phenomenon and the object of legal influence, the classification signs of the corresponding concept are characterized. The authors found that today in the legal science there are many approaches to the classification of corruption, most of which do not reflect the entire spectrum of its forms and manifestations. Attention is focused on the multifaceted nature of the phenomenon of corruption. It is proved that corruption should be classified depending on the status of the subjects, the purpose of committing corrupt acts, the degree of public danger, and also on the territorial principle.

The authors analyzed the statistical data of the department for combating corruption of the ministry of internal affairs of the people's republic of finland, which revealed that the main types of corruption in the Lugansk People's Republic today are bribery and misappropriation (theft) of state property.

Summarizing the results of the research, the authors come to the conclusion that the approaches to the study of corruption prevalent in modern legal thought are characterized in their majority by the one-dimensionality of classification schemes, do not contain an exhaustive reflection of the forms and types of the phenomenon being investigated in states that are in the conditions of formation or deep crisis, and, for this reason, need a thorough theoretical and applied refinement.

Key words: *public authorities, law enforcement bodies, corruption, the classification of corruption, horse-corruption, petty corruption, political corruption.*

Устойчивое развитие общества и государства, эффективная реализация провозглашенных Временным Основным Законом (Конституцией) Луганской Народной Республики прав и свобод человека и гражданина возможны только при условии сбалансированной, прозрачной и эффективной работы всех государственных органов, которые в совокупности образуют систему власти любого государства. Достижение указанной

цели предполагает наличие четкой и действенной нормативно-правовой базы, которая регулировала бы правоотношения во всех сферах общественной жизни, а также единства политических подходов к решению общегосударственных задач.

Для любого государства, особенно находящегося в условиях становления новой экономики, политической системы и изменения социально-политического курса, коррупция представляет осязаемую опасность. Учитывая масштабы ее распространения, последствия поражения ею многих сфер жизнедеятельности общества, коррупция небезосновательно признается экспертами острейшей проблемой современности, несущей угрозу демократичному развитию и конституционному строю, подрывающей авторитет органов государственной власти, разбалансирующей политическую, экономическую и социальную системы.

Не останавливаясь специально на анализе содержания дефиниции коррупции (чему в последнее время в науке и законодательной деятельности было уделено достаточное внимание), считаем нужным обратится непосредственно к проблеме классификации видов коррупции. И прежде всего, хотим обратить внимание на многоаспектность исследуемой проблемы, на объективную сложность выявления причин ее проявления, что закономерным образом затрудняет выработку конкретных правовых и политических предложений по противодействию этому асоциальному явлению, по его локализации и минимизации негативного воздействия на общественную жизнь.

Как справедливо указывает Бухарина Н.П., понятие коррупции раскрывается в официальных правовых актах, как правило, сквозь призму различных подходов к пониманию этого социально-правового явления. Системный анализ дефиниций понятия коррупции, перечней коррупционных деяний, а также положений международных антикоррупционных документов, показывает, что содержание и объем понятия коррупции, уста-

навливаются, зачастую, через характеристику таких существенных признаков этого явления, как сфера существования и предмет коррупции [4, с. 173].

Достаточно распространенными в теории юридической науки являются также взгляды, согласно которым выделяется коррупция политическая и ресурсная. Ресурсная коррупция направленна на получение соответствующих материальных или нематериальных благ, каких-либо преимуществ. Политическая коррупция представляет собой систематический подкуп должностных лиц законодательной, исполнительной и судебной власти, общественных и политических деятелей, влекущий принятие ими решений, нарушающих закон или неписаные общественные нормы [15, с. 56].

Еще одним видом коррупции является ее проявление по территориальному принципу, которое, в свою очередь, включает внутригосударственную и международную коррупцию. Этот вид коррупции является серьезной угрозой, учитывая возможность наличия большого капитала, должностных лиц самого высокого государственного ранга и участников транснациональных преступных организаций. С помощью общественно опасных связей осуществляется легализация значительных сумм денежных средств, добытых преступным путем, совершается уклонение от уплаты пошлин и т.д. Кроме того, международные корпорации, используя противоправные связи с представителями власти, вопреки установленному национальным законодательством порядку получают государственные кредиты, причиняя тем самым значительный ущерб финансовым интересам целых государств. Этому способствует глобализация экономики и развитие коммуникативных связей, что, в свою очередь, как следствие приводит к решению политических вопросов в пользу указанных групп [3, с. 79].

Анализ международных правовых актов, посвященных противодействию коррупции (Уголовная конвенция о борьбе с коррупцией Совета Европы и Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции) дает основание выделить

коррупцию в органах государственной власти и частном секторе. Следует отметить, что первая из них представляет значительную общественную опасность, поскольку угрожает основам правового государства, правам и свободам человека и гражданина, развитию государства, подрывает его авторитет в обществе, приводит к дестабилизации экономики и тем самым создает угрозу национальной безопасности. На наш взгляд данный вид коррупции, представляет наибольшую опасность для общества и государства, так как правонарушения совершаются в системе реализации исполнительной власти или, другими словами, в системе государственного управления.

В зависимости от иерархического положения государственных служащих коррупция подразделяется на «низовую» и «верховую. Первая охватывает политиков, высшее и среднее чиновничество и сопряжена с принятием решений, имеющих высокую цену (формулы законов, госзаказы, изменение форм собственности и т.п.). Вторая распространена на среднем и низшем уровнях и связана с постоянным взаимодействием чиновников и граждан (штрафы, регистрации и т.п.) [9]. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что наиболее распространенными являются нарушения антикоррупционного законодательства именно среди служащих среднего и низшего уровня. Это объясняется несколькими важными аспектами. Первый заключается в несовершенстве нормативно-правовой базе, которая регулирует значительную часть отношений в обществе, второй – в том, что большинство функций государства реализуется собственно указанными должностными лицами, которые через возложенные на них обязанности непосредственно контактируют с гражданами, выполняя властные полномочия.

К примеру, в структуре правоохранительных органов каждая категория сотрудников имеет свои определенные функции и обладает специальным перечнем полномочий, что, в свою очередь, влияет на их возможности совершать противоправные

действия коррупционного характера. Первый уровень занимает коррупция среди рядовых сотрудников ОВД. Она является наиболее распространенной и поэтому очень опасной. Опасность указанного вида коррупции предопределяется тем обстоятельством, что потерпевшими становятся, как правило, обычные люди, не склонные к нарушению законов. На следующем уровне находится коррупция среди лиц, занимающих руководящие должности в системе ОВД. Ее не меньшая опасность связана с наличием у данной категории лиц более высокого должностного положения в системе ОВД, возможности отдавать приказы рядовым сотрудникам, значительного объема полномочий, определенного опыта работы в правоохранительных органах и знания законодательства, что позволяет коррупционерам осуществлять свою противоправную деятельность на высоком интеллектуальном уровне и довольно длительный период времени [17, с. 143]. Стоит отметить, что между «низовой» и «верховой» коррупцией во многих случаях имеют место взаимозависимость, общность организационного и социально-психологического характера. Так, достаточно распространенной является ситуация, при которой обе заинтересованные в коррупционной сделке стороны принадлежат к одной государственной организации. Например, когда чиновник дает взятку своему начальнику за то, что последний покрывает коррупционные действия взяткодателя – это также коррупция, которую обычно называют «вертикальной». Она, как правило, выступает в качестве моста между «верховой» и «низовой» коррупцией. Это особо опасно, поскольку свидетельствует о переходе коррупции из стадии разрозненных актов в стадию укореняющихся организованных форм [2, с. 67].

Разделение коррупции по цели совершения деяний, охватываемых указанным понятием, вызывает не меньший интерес с точки зрения последующего определения направлений противодействия и локализации упомянутого явления. В этом случает речь идет о ресурсной коррупции. Так называемая ресурсная (или экономическая) коррупция является доминирующей

в обществе. Она представляет собой совокупностью различного рода действий, направленных на завладение, распределение, перераспределение ресурсов, доступ к которым получают субъекты властных полномочий в связи с выполнением возложенных на них задач. Главная ее цель может заключаться как в личном обогащении, так и в совершении действий в интересах определенных групп и преступных организаций. На высшем уровне этот вид коррупции тесно связан с политической коррупцией [6, с. 77].

Следующим видом коррупционной деятельности, которая по своим последствиям признается наиболее опасной и при этом остается латентной, является политическая коррупция. Выделение из всего массива коррупционных деяний такого вида коррупции, как политическая, обусловлено тремя факторами: статусом субъекта коррупционного правонарушения, направленностью (целеполаганием) и мотивированностью его противоправной деятельности, а также характером ее последствий. Анализ политической коррупции необходим для более предметного понимания социальной сущности коррупции как явления и повышения эффективности противодействия ей [7, с. 47].

Особое место в социально-правовой традиции анализа коррупции занимает классификация А.И. Гурова, которая выделяет три формы коррупции [5, с. 23]:

1) политическая коррупция, которая связана с осуществлением чиновниками власти, противоречащей нормам морали и законам. Главную роль здесь играет клановость отношений. Наиболее ярко проявляется на территориях с сильными родоплеменными связями и нормами права в виде традиций;

2) криминальная коррупция, специализирующаяся на подкупе должностных лиц. Носит добровольный характер, ввиду получения выгоды обеими сторонами взаимодействия;

3) коррупционные формы поведения, которые предполагают втягивание в криминальную деятельность определенных должностных лиц для удобства дальнейшего осуществления

коррупционной деятельности. Проявляется в провокации и угрозе должностных лиц, носит длительный характер, т.е. систематическое осуществление коррупционных услуг в противовес единоразовой сделке.

По этому поводу Лунеев В.В. отмечает, что политическая коррупция – реальный и сильнодействующий фактор, который подрывает основные принципы демократии. «Власть – деньги – власть – собственность» завязаны в один порочный узел, где большинство государственных структур действуют на коммерческой основе. Поэтому политическая коррупция создает чрезвычайную опасность [11, с. 21]. Она непосредственно проникает в жизнь общества, ее мотивами выступают попытки отдельных групп, организаций и их представителей завладеть властью, удержать ее или перераспределить сферы влияния в государстве.

Также автор подчеркивает, что в условиях стремительного развития рыночных отношений, коррупция трансформировалась и перестала сводиться к примитивным видам злоупотребления и взяточничества. ученый предложил классифицировать данное явление с учетом оценки направленности поведения служащих в различных сферах, фиксируя в качестве коррупционных действий лоббизм, протекционизм, фаворитизм [12, с. 101].

Данной позиции придерживается и А.В. Куракин, причисляя к наиболее распространенным видам коррупции выделяет также тайные взносы на политические цели, предоставление таможенных и налоговых льгот, совмещение государственной службы с коммерческой деятельностью и др. [10, с. 47].

В зависимости от степени устойчивости (повторяемости) коррупционных действий различают следующие два типа коррупции: 1) случайная (индивидуальная) коррупция, предполагающая единичные факты коррупции; 2) системная коррупция, предполагающая периодически повторяющиеся коррупционные действия, которые охватывают всю общественную жизнь,

становясь постепенно одобряемым способом поведения граждан [1, с. 29].

Таким образом, в социально-экономической плоскости проявления коррупции оказываются более «широкими», включающими в себя действия, находящиеся в области теневой экономики, но не являющиеся противоправными.

М. Джонстон предлагает разделить коррупцию на четыре типа [19, с. 123]:

1) взятки чиновников в сфере торговли за продажу нелегально произведенной продукции, завышение качества товаров и т. д.;

2) отношения в патронажных системах, в том числе покровительство «боссов» на основе земляческих, родственных, партийных принципов;

3) дружба и кумовство;

4) кризисная коррупция, обусловленная тем, что предприниматели вынуждены работать в условиях чрезвычайного риска, когда решения органов власти могут привести к существенным для бизнеса изменениям, и потому эти решения становятся предметом торговли.

Безусловно, формы проявления коррупции достаточно многообразны, и приведенные нами примеры лишь частично отражают наиболее часто встречающие в современный период. Более того, их разнообразие зависит от конкретных социально-экономических условий жизни определенного периода.

Как мы видим, в современных условиях коррупция является многогранным явлением, ее можно классифицировать в зависимости от статуса субъектов, цели совершения коррупционных действий, степени общественной опасности, а также по территориальному принципу.

Кроме того, коррупционные деяния различаются в зависимости от степени общественной опасности и тяжести наступивших последствий в рамках уголовного, административного и гражданского права. И грань между указанными видами коррупционных проявлений не всегда законодателем обозначены

четко. К примеру, Закон ЛНР «О противодействии коррупции» в определении понятия «коррупция» (п. 1 ст. 1) фактически раскрывает перечень наиболее опасных противоправных деяний, относящихся к коррупционным правонарушениям, которые совершаются преимущественно в системе государственного управления. К ним относятся:

– злоупотребление служебным положением;

– дача и получение взятки;

– злоупотребление полномочиями;

– коммерческий подкуп;

– иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [14].

На современном этапе формирования и становления Луганской Народной Республики коррупция представляет собой особенно опасное явление, поскольку она подрывает авторитет институтов государства, тормозит ход восстановления экономики, попирает законные права и интересы граждан, отрицательно влияет на моральное состояние общества. Коррупция угрожает государственной безопасности и общественному строю нашего государства, подрывает доверие граждан к власти. Поэтому противодействие коррупции, а также ликвидация предпосылок для возникновения любых проявлений коррупции в Республике всегда были и являются приоритетными задачами для Министерства внутренних дел Луганской Народной Республики.

Ответственность за данные преступления закреплена в уголовном законодательстве Луганской Народной Республики. В частности, ответственность за коммерческий подкуп установлена ст. 238 УК ЛНР, за злоупотребление должностными полномочиями – ст. 350 УК ЛНР, за получение взятки – ст. 359 УК

ЛНР, за дачу взятки – ст. 360 УК ЛНР, за посредничество во взяточничестве – ст. 361 УК ЛНР [18].

При этом следует отметить, что круг противоправных деяний, которые можно охарактеризовать как коррупционные правонарушения, значительно шире. К их числу можно отнести коррупционные административные правонарушения и коррупционные дисциплинарные проступки [13].

Пробелы и недостатки в законодательном регулировании юридической ответственности за правонарушения, содержащие признаки коррупции, являются серьезной проблемой в деятельности правоохранительных органов МВД ЛНР, о чем свидетельствует статистика МВД ЛНР. Так, по результатам проведения оперативно-розыскных мероприятий в 2016 году следственными органами МВД ЛНР было возбуждено 25 уголовных дел, в том числе:

– 9 по фактам взяточничества;

– 7 по фактам незаконного присвоения (хищения) государственного имущества;

– 1 по факту злоупотребления должностными полномочиями, повлекшего тяжкие последствия;

– 2 по фактам превышения должностных полномочий;

– 1 по факту служебного подлога;

– 2 по фактам мошенничества, с использованием служебного положения;

– 1 по факту заведомо ложного заключения эксперта;

– 1 по факту кражи государственного имущества [8, с. 160, 164].

Анализ приведенной статистики позволяет сделать вывод, что основным коррупционными проявлениями в Республике являются взяточничество и незаконное присвоение (хищение) государственного имущества. Это свидетельствует о том, что уровень коррумпированности находится в тесной зависимости от социально-экономического развития общества в условиях кризиса или становления.

Таким образом, мы приходим к выводу, что рассмотренные нами классификации отражают, в основном, «классические» проявления коррупции, показывают широкий спектр форм ее проявления и, одновременно, одномерный характер классификационных схем, который не содержит исчерпывающее отражение форм и видов исследуемого явления в государствах, находящихся в условиях становления или кризиса, где дисфункциональная природа коррупции имеет масштабное распространение и особые стратегии развития, характеризующиеся асоциальными формами взаимодействия власти и хозяйствующих субъектов.

Кроме того, считаем целесообразным проведение дополнительного глубокого научного исследования актуальных вопросов противодействия коррупции с учетом существующих проблем (нормотворчества) правоприменения в данной сфере, экономической составляющей, реалий Луганской Народной Республики, с привлечением практических работников правоохранительных органов.

Литература:

1. Ахметова Н.А. Проблема типологизации коррупции // Проблемы теории и истории государства и права. – Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 5, Юриспруденция, 2011. – № 2 (15). – С. 28-34.

2. Братановский, С. Н. Противодействие коррупции в системе исполнительной власти в Российской Федерации: административно-правовые аспекты: монография / С. Н. Братановский, М. Ф. Зеленов. – М.: РИОР, 2011. – 360 с.

3. Бугаевская Н.В. Формы проявления коррупции // Известия Тульского государственного университета. – 2013. – № 3-2. – С. 78-83.

4. Бухарина Н.П. Понятие и признаки коррупции в международных правовых актах // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 1. – С. 166-176.

5. Гуров А. И. Организованная преступность – не миф, а реальность / А.И. Гуров. – М.: Знание, 1992. – 80 с.

6. Дементьева И.Н. Исследование коррупционных рисков в региональных органах государственной власти // Проблемы развития территории. – 2012. – № 2 (58). – С. 75-85.

7. Квон Д.Л. Политическая коррупция: понятие, цели, субъекты // Власть. – 2015. – № 07. – С. 45-52.

8. Коваленко Т.С., Ткаченко А.А. Противодействие коррупции в ЛНР: проблемы и пути совершенствования // Вестник ЛАВД им. Э.А. Дидоренко. – 2017. – № 1. – С. 156-169.

9. Коррупция: понятие, виды и функции // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studfiles.net/preview/6017831/page:2/ (дата обращения: 12.10.2017).

10. Куракин А.В. Понятие и формы проявления коррупции в системе государственно-служебных отношений Российской Федерации (опыт теоретического анализа) // Право и политика. – 2003. – № 2. – С. 45-59.

11. Лунеев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. Сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Москва, 9-10 сентября 1999 г.). – М.: Юристъ, 2001. – С. 17-38.

12. Лунеев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Государство и право. – 2000. – № 4. – С. 99-111.

13. О государственной гражданской службе Луганской Народной Республики: Закон Луганской Народной Республики от 3 июля 2015 года № 28-II // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/984/ (дата обращения: 12.10.2017).

14. О противодействии коррупции: Закон Луганской Народной Республики от 17 июля 2015 № 45-II // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1713/ (дата обращения: 12.10.2017).

15. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н.П. Яблокова. – М.: Юриздат, 1996. – 144 с.

16. Сапронов С.В. Исследование особенностей и классификации видов коррупции в органах государственной власти // Бизнес в законе. – 2013. – № 1. – С. 118-121.

17. Сахапов И.Р. Коррупция. понятие и формы ее проявления в ОВД // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2011. – № 1. – С. 139-145.

18. Уголовный кодекс Луганской Народной Республики: Закон Луганской Народной Республики от 14 августа 2015 года № 58-II // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1870/ (дата обращения: 12.10.2017).

19. Johnston M. Political Corruption and Public Policy in America / Cole Publishing Co. – Monterey, CA: Brooks. 1982. – P. 123.

УДК 343.140.02

В.А. Черков

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Важной задачей на пути становления правового демократического государства является укрепление законности, обеспечение защиты прав человека во время производства по уголовным делам. Вся деятельность государственных органов, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, должна быть направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина.

Доказывание является одним из важнейших аспектов уголовно-процессуальной деятельности, в основе которого лежит познание преступления. Суть уголовно-процессуального познания заключается в предусмотренной законодательством процедуре сбора информации, имеющей значение для установления истины, и получении на ее основе достоверных знаний об обстоятельствах совершенного преступления.

Совершенствование правового механизма введения в уголовный процесс оперативной информации даст возможность не только быстро выявлять лиц, совершивших преступление, и расследовать уголовные дела, но и принимать мотивированные процессуальные решения. А принятие законных и обоснованных решений по делу возможно лишь тогда, когда они основываются на проверенных сведе-

ниях, полученных в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим вопросы относительно введения в уголовное дело данных, полученных оперативным путем, источники которых зачастую проверить невозможно, являются весьма актуальными.

Ключевые слова: *доказывание, оперативно-розыскная деятельность, оперативная информация, доказательства, относимость, допустимость, легализация.*

An important aim of the way to the formation of a legal democratic state is the strengthening the rule of law, enforcement of human rights during criminal proceedings. All activities of state bodies, including the sphere of criminal proceedings, should be aimed at protecting human rights and freedoms of citizens.

Proving is one of the most important aspects of criminal procedural activity, which is based on the knowledge of crime. The essence of criminal procedural knowledge consists of the lawful process of collecting information, which is important for discovering the truth and the circumstances of the committed crime.

The improvement of the legal mechanism for the introduction of operative information into the criminal procedure will make quick identify the criminals and investigation of criminal cases possible. And also - to take motivated procedural decisions. The adoption of lawful and justified decisions in the criminal case is possible only when they are based on verified information in accordance with the criminal procedure legislation. In this connection, questions regarding the introduction into the criminal case of the information which is obtained by operative means, the sources of which can not be verified, are very actual.

Key words: *proving, operative-search activity, operative information, evidence, relevance, admissibility, legalization.*

Борьба с преступностью является задачей большинства государственных органов, в первую очередь, правоохранительных, к числу которых относятся и органы предварительного расследования. Однако, как свидетельствует следственная и судебная практика, не всегда возможно достичь цели установления объективной истины в уголовном деле только процессуальным путем. В работе, направленной на установление истины по

делу, большую роль играют оперативные подразделения органов внутренних дел (далее – ОВД), которые в соответствии с Законом «Об оперативно-розыскной деятельности», [6] используя предусмотренные законом гласные и негласные методы деятельности, оказывают содействие органам расследования в борьбе с преступностью.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) характеризуется наличием пределов ее гласности, которая проявляется в доступности и открытости оперативной информации, возможности ее использования в соответствии с требованиями уголовно-процессуального кодекса Луганской Народной Республики (далее – УПК ЛНР) [15]. Оперативная информация широко используется в процессе расследования преступлений в качестве поводов и оснований для проведения следственных действий, применения мер процессуального принуждения, исполнения органами дознания поручений следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий, принятия иных процессуальных решений по делу.

Совершенствование правового механизма введения в уголовный процесс оперативной информации даст возможность не только быстро выявлять преступников и расследовать уголовные дела, но и принимать мотивированные процессуальные решения. Вся деятельность государственных органов, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, должна быть направлена на защиту прав и свобод человека. В свою очередь, принятие законных и обоснованных решений по делу возможно лишь тогда, когда они основываются на проверенных сведениях, полученных в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим вопросы относительно введения в уголовное дело данных, полученных оперативным путем, источники которых зачастую проверить невозможно, являются весьма актуальными.

Значительный вклад в разработку теории и методологии исследуемой проблемы сделали такие ученые, как К.В. Антонов, В.Г. Баяхчев, Б.Т. Безлепкин, Э.А. Дидоренко, Е.А. Доля,

В.И. Зажицкий, Н.И. Курочка, Д.Г. Манько, Н.А. Погорецкий, М.П. Поляков, В.Ф. Робозеров, Г.К. Синилов, А.Н. Чистолинов, А.Ю. Шумилов и другие.

Однако, несмотря на интенсивность и широкий спектр исследований посвященных использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, большинство из них рассматривалась через призму других научных проблем, поэтому многие вопросы в этой сфере остаются еще не решенными и дискуссионными. Можно утверждать, что на сегодняшний день не существует четких правовых положений, регулирующих все возможные нюансы использования оперативно-розыскной информации в процессе доказывания.

В соответствии со ст. 88 УПК ЛНР доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, перечень которых четко установлен статьей 76 данного Кодекса, то есть тех, которые входят в предмет доказывания по уголовному делу [15].

Установление совокупности фактов и обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела с помощью доказательств, по сути, невозможно без проведения ОРМ и использования результатов ОРД. ОРД в соответствии с ее целями и задачами содержит функцию познания, которая, имея отличия от познания уголовно-процессуального, тесно взаимосвязана с ним. Результаты ОРД, как справедливо отмечается в юридической литературе, могут служить основой для формирования всех видов доказательств, создавать условия и предпосылки для их установления [12, с. 53].

Для использования в доказывании по уголовным делам представляются такие оперативные материалы (результаты ОРД), которые должны способствовать формированию доказательств, удовлетворяющих требованиям УПК ЛНР к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств, и содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу,

указание на источник получения предполагаемого доказательства или предмета, который может стать доказательством, а также данные, позволяющие проверить в рамках уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.

Исследуя порядок и условия формирования доказательств в уголовном процессе, В.И. Зажицкий утверждал, что «фактические данные, полученные оперативно-розыскным путем, могут стать содержанием доказательств по уголовному делу при строгом выполнении соответствующих требований уголовно-процессуального закона» [5, с. 20]. В дальнейшем В.И. Зажицкий изменил свою позицию и пришел к выводу о том, что при осуществлении оперативно-розыскной деятельности обнаруживаются не доказательства, а следы преступления, и уже они могут стать содержанием доказательств, если войдут в уголовный процесс посредством законных источников и законными способами [5, с. 21].

Собранные оперативно-розыскным путем фактические данные сами по себе без указания на источник их получения и легализации (ввода) в уголовно-процессуальном порядке доказательствами не являются. При проведении ОРМ отсутствуют процессуальные гарантии достоверности сведений, которые используются для установления обстоятельств, предусмотренных в ст. 76 УПК ЛНР. Исходя из этого сведения, полученные в ходе проведения ОРМ, сами по себе не являются доказательствами. Именно поэтому Закон ЛНР об ОРД декларирует возможность использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Луганской Народной Республики, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств, а ст. 92 УПК ЛНР закрепляет запрет использования результатов ОРД, если они не соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам нормами УПК.

Вышеуказанные положения в полной мере корреспондируются с нормой Конституции ЛНР, согласно которой при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона (ч. 2 ст. 43) [3].

Процессуальные формы получения и исследования доказательств являются типовыми. Они не должны исключать возможность существования нестандартных ситуаций, а также возникновения новых, не предусмотренных типовыми формами, средств доказывания и источников доказательств. История уголовного процесса свидетельствует, что многие способы получения доказательств рождались в практической деятельности, подвергались теоретическому исследованию и затем получали законодательное признание. Чтобы такой естественный для юридической науки процесс не разрушить, как отмечают отдельные процессуалисты, закон при всех требованиях к его определенности, должен быть открытым для новаций, не исключать возможность и допустимость применения в процессе предварительного и судебного следствия средств и форм получения информации, имеющей доказательственное значение [4, с. 53]. Требуется соблюдение единственного условия – следователь и суд могут принять информацию, полученную нетрадиционным способом, в качестве доказательства, если ее достоверность поддается объективной проверке.

В полной мере сказанное относится и к информации, получаемой при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Изобретательность преступников не знает границ. Наивно полагать, что изобличить таких людей, как, впрочем, и рядового преступника, можно с помощью набора стандартных приемов и средств.

Вышеизложенное позволяет сделать акцент на нескольких моментах. Во-первых, Закон об ОРД и УПК ЛНР допускают возможность использования результатов ОРД в доказывании, но и ограничивают их использование в качестве доказательств. А, во-вторых, при всей специфике ОРД, закрытости, трудности контроля и т.д. закон, полагаем, должен регламентировать не перечень способов и средств получения доказательств, а условия и пределы, допускающие их проверку и не противоречивость конституционным принципам.

Что касается процесса вхождения результатов ОРД в уголовное судопроизводство, то, по нашему мнению, наиболее удачным понятием, отражающим все сущностные процедурные моменты такого вхождения, является понятие «легализация». В современной научной литературе достаточно часто встречаются критические мнения относительно использования концепции легализации. Так, С.В. Зуев считает, что буквальное значение слова «легализация» выражается в разрешении определенной деятельности, ее узаконении, наделении юридической силой определенного акта или действия. Учитывая это, ученый делает вывод, что до легализации оперативно-розыскная деятельность не является законной, а ее результаты не имеют юридической силы, а потому от этого понятия следует отказаться [7, с. 54].

Критически относится к понятию «легализация» и М.П. Поляков. Рассматривая понятие «легализация» в узком и широком значении, автор пишет, что в узком смысле легализация рассматривается как процесс преобразования информации, полученной оперативно-розыскным путем, в доказательства, а при широком подходе этим термином обозначают любые процессы преобразования оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальную [11, с. 117]. Однако автор настаивает на том, что сама сущность легализации не соответствует той процедуре, которая, в конечном счете, приводит к вовлечению информации в плоскость уголовного процесса.

Существование легализации как особой правовой процедуры неразрывно связано с необходимостью упорядочения процессуальных действий и объединение в целое стадий юридического процесса, поэтому можно утверждать, что легализация результатов оперативно-розыскной деятельности является не только одним из элементов, обеспечивающим целостность уголовного судопроизводства, но и конечным этапом, целью проведения оперативно-розыскных действий.

Как отмечается в специальной литературе, в пользу использования понятия «легализация» говорит тот факт, что

юридическая легализация является одновременно формой и процессом юридической деятельности, а также технико-юридической конструкцией (которая имеет специфические черты) и функциональными возможностями в условиях современной правовой действительности [8, с. 7]. В современных условиях легализация результатов оперативно-розыскной деятельности выступает как процесс подбора надлежащей, допустимой законом юридической формы, с помощью которой значимая оперативно-розыскная информация вовлекается в сферу уголовно-процессуального доказывания.

Термин «легализация» трактуется также, как обеспечение легальности источника происхождения той или иной информации, полученной оперативно-розыскным путем [1, с. 82].

Относительно информации, источник которой нельзя раскрывать, есть основания полагать, что необходимо проведение оперативной комбинации, направленной на то, чтобы источником информации стал гласный сотрудник. Поэтому легализация проводится еще до передачи материалов следователю, а ее способы во многом зависят от возможности дальнейшего выступления в суде лиц, которые непосредственно осуществляли оперативно-розыскные действия в качестве свидетелей.

В данном аспекте справедливо суждение Н.И. Курочки, который считает, что результаты оперативно-розыскной деятельности не имеют прямых юридических последствий. Именно поэтому необходима легализация как процедура предоставления оперативно-розыскной информации юридической силы. В контексте же использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве речь идет о предоставлении этой информации уголовно-процессуальной силы, и эта сила определяется несколькими моментами: содержанием информации и формой, с помощью которой она будет познаваться и передаваться [9, с. 34].

Первичная легализация, то есть трансформация фактических данных в доказательства – одна из самых дискуссион-

ных проблем как в рамках теории оперативно-розыскной деятельности, так и в теории уголовного процесса. Так, в советской литературе получило широкое распространение мнение, что собирание доказательств является частью процесса доказывания, который в свою очередь является процессуальной деятельностью, осуществляемой исключительно в установленных законом формах, среди которых оперативно-розыскная деятельность не фигурирует, поскольку она не является стадией уголовного процесса [2, с. 41]. Однако, как отмечает Н.Т. Малаховская, фактические данные, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, не могут утрачивать свое значение как отражение объективной реальности в зависимости от того, каким путем они получены, процессуальным или непроцессуальным [10, с.43].

Как уже отмечалось нами ранее, уголовно-процессуальное законодательство прямо предусматривает использование фактических сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, в доказывании по уголовным делам. Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство становится на позицию тех ученых, которые склонны связывать результаты оперативно-розыскной деятельности с доказательствами непосредственным образом. Существует даже мнение, что уголовно-процессуальный закон, предоставляя следователю право давать указания о проведении оперативно-розыскных мероприятий, тем самым создает презумпцию допустимости использования сведений, полученных в их результате, то есть фактически легализует эти сведения еще до их получения [13, с. 108].

Мы по-прежнему стоим на позиции, что взятые сами по себе сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности, не являются доказательствами, поскольку не соответствуют требованиям уголовно-процессуального закона к доказательствам. Существенная особенность оперативно-розыскных мероприятий заключается в том, что они не являются

уголовно-процессуальными актами, а поэтому их проведение лежит вне уголовно-правовой формы.

Таким образом, только нормативное закрепление возможности использования оперативно-розыскных данных не снимает проблемы. Остается пространство для использования процедуры легализации, которая фактически является вторичной, процессуальной по своей природе. Сущность вторичной легализации заключается в приобретении оперативно-розыскной информацией процессуальной формы. Именно поэтому первичная легализация, направленная на выявление связей между информацией, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий, должна дополняться вторичной легализацией, которая в этом контексте предстает как процесс допуска информации, полученной в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, в уголовное судопроизводство.

Так, сведения, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, могут приобрести значение судебных доказательств только в том случае, если их принадлежность к обстоятельствам, подлежащим установлению в уголовном деле, будет установлена из источников, предусмотренных законом [4, с. 34]. В противном случае они могут использоваться только в контексте первичной легализации, то есть в непроцессуальной форме.

Вторичная легализация результатов оперативно-розыскной деятельности заключается в установлении нормативных признаков доказательств полученной информации. Эта проблема, как справедливо отмечают отдельные авторы, лежит в плоскости относимости и допустимости доказательств [14, с. 9].

Относимость доказательств отвечает, с одной стороны, на вопрос о наличии связи между содержанием доказательства и фактом, который подлежит установлению, а с другой – определяет, насколько точно установлен и раскрыт в доказательстве факт, подлежащий доказыванию. Иначе говоря, относимое доказательство должно иметь определенную доказательственную

силу, а неотносимое – не имеет ее вовсе. Таким образом, относимость доказательств – это один из критериев оценки доказательств, который выражает объективную связь любых сведений, связанных с обстоятельствами конкретного уголовного дела, а точнее с обстоятельствами, входящих в предмет доказывания. Только после выполнения процедур, необходимых для усыновления и обеспечения относимости доказательств, становится возможной вторичная их легализация в процессуальную форму. Более того, если в процессе использования легализованного доказательства, сформированного на основании результатов оперативно-розыскной деятельности, не будут подтверждаться его связи, зависимость и соотношение с другими доказательствами, то оно не будет легализовано, то есть, признано неотносимым.

Допустимость – правовое требование, установленное ч. 1 ст. 78 УПК ЛНР, заключающееся в соблюдении законного порядка получения доказательств.

Проверка допустимости означает, что:

- материалы ОРД должны быть получены уполномоченными на это субъектами (полномочными осуществлять ОРД, отдельные оперативно-розыскные мероприятия – оперативный работник, в производстве которого находится оперативно-розыскное дело, или сотрудник оперативно-технического подразделения и подразделения оперативного документирования, выполняющие задачи в рамках своих служебных обязанностей);

- они должны быть получены из известного, проверяемого, и не запрещенного законом источника (например, кассета с аудиозаписью разговоров подозреваемого может быть проверена путем проведения фоноскопической экспертизы или допроса лиц, разговоры которых зафиксированы и т.д.);

- материалы должны быть получены в установленном законом порядке и с соблюдением установленной формы, гарантирующей защиту прав и законных интересов граждан;

- фактические данные и процесс их получения в ходе ОРД должны быть надлежащим образом закреплены и удостоверены;

- собранные в ходе ОРД доказательства должны быть проверены (речь идет о содержательном исследовании материалов ОРД в целях недопущения разглашения секретных сведений о формах, методах, силах, средствах ОРД.

Таким образом, можно констатировать, что сегодня использование результатов оперативно-розыскной деятельности является сложным многоаспектным двухэтапным процессом, специфической комбинацией законной и подзаконной методик с применением творческого подхода следователя. Исходя из современного содержания понятия легализации, необходимо принять во внимание тот факт, что для понимания сущности данного феномена нельзя ограничиваться традиционным «секретно-конспиративным» подходом. Кроме того, следует рассматривать это явление с разных позиций. Легализация, кроме указанного смысла, несет в себе еще и смысл, который вытекает не из семантики этого слова, а из его содержательного наполнения. Именно поэтому легализацию результатов оперативно-розыскной деятельности следует рассматривать как предоставление юридической силы, полученной оперативно-розыскным путем информации, то есть ее уголовно-процессуальное оформление.

Литература:

1. Баяхчев В. Г. Проблемы использования в доказывании по уголовным делам материалов, собранных оперативно- розыскными подразделениями органов внутренних дел / В. Г. Баяхчев // Законность, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс : матер. междунар. науч.-практ. конф. – Ч. 2. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 80-84.

2. Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств: сущность и методы / Р. С. Белкин. – М.: Наука, 1966. – 295 с.

3. Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики (с изменениями) № 1-I от 18 мая 2014 // [Электронный ресурс.] – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/.

4. Дидоренко Э.А. Процессуальный статус оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве : [монография] / Э. А. Дидоренко, С. А. Кириченко, Б. Г. Розовский. – Луганск : РИО Луганск. ин-та внутр. дел, 2000. – 95 с.

5. Зажицкий В.И. Закон об оперативно-розыскной деятельности не идеален / В.И. Зажицкий //Советская юстиция. – 1993. – № 5. – С. 20-26.

6. Закон Луганской Народной Республики от 29 января 2016 года № 81-II «Об оперативно-розыскной деятельности» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/2265/.

7. Зуев С. В. Понятие и структура привлечения результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс / С. В. Зуев // Следователь. – 2005. – № 3. – С. 54-55.

8. Конев А. Н. Юридическая легализация (теория, практика, техника) : автореф. дисс. … канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 / А. Н. Конев. – Владимир, 2012. – 35 с.

9. Курочка М. Й. Легалізація оперативно-розшукової діяльності у доказуванні / М. Й. Курочка // Право України. – 1999. – № 10. – С. 34-36.

10. Малаховская Н. Т. Некоторые теоретические вопросы применения оперативной техники / Н. Т. Малаховская // Труды ВНИИ ООП МООП СССР. – 1967. – № 9. – С. 35-50.

11. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: [монография] / М.П. Поляков; под научн. ред. проф. В. Т. Томина. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – 262 с.

12. Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Материалы научно-практической. конференции / под ред. К. К. Горяинова, И.А. Климова. – М.: ВНИИ МВД России, 2002. – 342 с.

13. Робозеров В. Ф. Оперативно-розыскная информация в системе судебного доказывания / В. Ф. Робозеров // Правоведение. – 1978. – № 6. – С. 106-108.

14. Степанов О. С. Належність та допустимість доказів у кримінальному процесі України : автореф. дис. … канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / О.С. Степанов. – К., 2007. – 20 с.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Луганской Народной Республики № 60-II от 21 августа 2015 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1873/.

УДК 343.143

М.Ю. Черкова

ПОЛУЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье осуществлено теоретическое обобщение научных разработок об особенностях использования показаний свидетелей в качестве процессуальных источников доказательств, рассмотрены дискуссионные вопросы относительно соответствующих норм доказательственного права и практики их применения.

Процессуальные источники доказательств – это определенная процессуальная форма, с помощью которой сведения о преступлении и его обстоятельствах вовлекаются в сферу уголовно-процессуального доказывания. Любой процессуальный источник доказательств является, прежде всего, определенной процессуальной формой, с помощью которой сведения вовлекаются в сферу уголовного судопроизводств.

В рамках уголовного дела все необходимые обстоятельства устанавливаются с помощью наиболее распространенного процессуального источника доказательств – показаний свидетелей. Для успешного решения задач уголовного судопроизводства следователь, руководитель органа следствия, прокурор должны четко понимать, что такое показания свидетелей, а также, с какой целью они должны быть получены и какова их судебная перспектива.

Ключевые слова: *доказательства, процессуальный источник, показания, свидетель, проверка показаний, допрос.*

In the article the theoretical generalization of scientific developments of the using of witnesses' testimony as procedural sources of evidence is investigated. The debatable questions regarding the relevant norms of criminal procedure law and the practice of their application are considered.

The procedural sources of evidence are a certain procedural form which is promotes to bring the information about the crime and its circumstances into the sphere of criminal procedural proof. Any procedural source of evidence is, first of all, a certain procedural form which is promotes to bring the information into the sphere of criminal proceedings.

In a criminal case all necessary circumstances are established by means of the most common procedural source of evidence – testimony of witnesses. For successfully solve the aims of criminal proceedings, the investi-

gator, the head of the investigative body, the prosecutor should clearly understand what witness testimonies are, and also what purpose they should be obtained and what is their judicial perspective.

Key words: *evidence, procedural source, testimony, witness, verification of evidence, interrogation*.

Основное содержание уголовно-процессуальной деятельности составляет работа с доказательствами: их формирование или сбор, проверка, исследование, оценка, принятие на основе их совокупности соответствующего мотивированного решения в уголовном деле. Именно на основе совокупности собранных по уголовному делу доказательств и руководствуясь при этом законом и профессиональным правосознанием, лица, ведущие уголовный процесс, делают вывод о наличии или отсутствии события и состава преступления, виновности или невиновности лица, совершившего преступление, о наличии иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

В ходе предварительного следствия по уголовному делу все необходимые обстоятельства устанавливаются с помощью наиболее распространенного процессуального источника доказательств – показаний (потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, эксперта и специалиста). Значение показаний для решения задач уголовного судопроизводства состоит в том, что в правоприменительной практике очень часто только на их основе осуществляется достоверное установление обстоятельств, являющихся предметом исследования в уголовном судопроизводстве, и с учетом этого применяются к конкретному случаю нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Кроме того, показания, как процессуальный источник доказательств, с одной стороны, способствуют обеспечению прав участников уголовного процесса, а с другой – обусловливают осуществление эффективного правосудия на основе соблюдения требований Конституции Луганской Народной Республики [1] и международных правовых актов.

Существенный вклад в разработку теории уголовно-процессуальных доказательств и показаний как процессуальных источников доказательств, в частности, внесли такие ученые, как А.Р. Белкин, Л.Е. Владимиров, Г.Ф. Горский, Е.А. Доля, Л.М. Карнеева, Л.Д. Кокорев, Г.М. Миньковский, М.М. Михеенко, М.С. Строгович, П.С. Элькинд, М.Л. Якуб и другие.

В то же время, несмотря на значительный прогресс в решении вопросов, связанных с институтом показаний, в науке уголовного процесса некоторые нюансы остаются недостаточно исследованными, а ряд теоретических аспектов – довольно дискуссионным и актуальным на сегодняшний день.

В соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Луганской Народной Республики (далее – УПК ЛНР) показания как источник доказательств – это сведения, сообщенные лицом на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями закона (ст.ст. 79-83 УПК) [5]. Эти сведения предоставляются в устной или письменной форме подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим, экспертом, специалистом относительно известных им обстоятельств в рамках уголовного дела и имеют важное значение для установления истины.

Таким образом, исходя из их дефиниции понятия, признаками показаний как процессуального источника доказательств являются следующие:

1) показания – это сведения, которые предоставляются во время допроса (в устной или письменной форме). Этот признак касается процессуальной формы получения показаний;

2) показания могут быть даны подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим, экспертом, специалистом. Данный признак касается субъекта их предоставления;

3) связь сведений, составляющих содержание показаний, с обстоятельствами, имеющими значение для уголовного дела. Признак, который касается содержания показаний.

Отсутствие указанных признаков лишает полученные сведения значения показаний как процессуального источника доказательств в уголовном судопроизводстве.

Показания свидетеля являются одним из самых распространенных процессуальных источников доказательств. В юридической литературе понятие показаний свидетеля определяется по-разному. Одни ученые считают, что это способ выражения данных, по мнению других, показания свидетеля являются информацией о фактах, имеющих значение для дела.

Е.А. Доля отмечает, что показания свидетеля – это устное сообщение лиц, которые не привлекаются в качестве обвиняемых или подозреваемых в определенном деле, о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, и воспринимавшихся ими лично или со слов других лиц, полученные во время допроса в установленном законом порядке [2, с. 56]. Л.М. Карнеева также подчеркивает, что показания свидетеля – это сообщение лица, непричастного к расследуемому преступлению [4, с. 567].

Представляется, что данный признак не является обязательным для свидетельских показаний, поскольку закон позволяет допрашивать в качестве свидетелей лиц, совершивших общественно опасное деяние, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность за содеянное. Также закон не запрещает лицу, вызванному в качестве свидетеля, рассказать о своем участии в совершении преступления, и в этом случае его показания не перестают быть показаниями свидетеля.

Поэтому показания свидетеля следует определить как устное сообщение лица, сделанное им в установленном законом порядке органу расследования, прокуратуры и суда относительно обстоятельств, имеющих значение для установления истины по уголовному делу. Данное определение, полагаем, следует закрепить законодательно путем внесения изменений в ч. 1 ст. 82 УПК ЛНР «Показания свидетеля».

Необходимо отметить, что показания свидетелей имеют свои особенности, которые ярко проявляются в сравнении показаний свидетеля с другими источниками доказательств.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что дача показаний для свидетеля является, как правило, обязанностью. За невыполнение этой обязанности для свидетеля может наступить

уголовная ответственность. Для потерпевшего же, подозреваемого и обвиняемого дача показаний является только правом, которое они используют для защиты своих законных интересов.

Вопрос о значимости показаний, вызове тех или иных лиц в качестве свидетелей решается органами расследования или судебной власти с учетом обстоятельств дела, то есть следователь или судья в каждом конкретном случае определяют значимость показаний для дела и необходимость вызова свидетеля для допроса.

Показания потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого всегда имеют значение для разрешения дела (в той или иной части) и их вызов для допроса всегда является обязательным. Это связано с тем, что отсутствие в материалах дела показаний названных лиц является нарушением требования закона о полноте, всесторонности и объективности расследования, лишает следователя и суд возможности сделать правильные выводы по уголовному делу. Исключение составляют случаи, когда закон позволяет рассмотрение дела в суде без участия потерпевшего и подсудимого.

Еще одной из черт, характеризующих разницу между показаниями свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого, является влияние их процессуального положения на достоверность показаний.

Процессуальное положение свидетеля, как правило, не отражается на его отношении к делу и достоверности показаний. Конечно, это вовсе не означает, что свидетель не может обладать определенной заинтересованностью в решении дела, но эта заинтересованность обусловлена не его процессуальным положением, а причинами, которые находятся за пределами процессуальных отношений. Что касается других субъектов показаний, например потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого, то сам акт привлечения их к уголовному судопроизводству в этом качестве сказывается на их отношении к делу. А это, в свою очередь, порождает те или иные факторы, отрицательно влияющие на достоверность показаний указанных лиц.

Показания указанных выше лиц различаются также по их процессуальной природе. Показания свидетеля всегда являются только источником доказательств. Показания подозреваемого или обвиняемого – это показания лица, подозреваемого в совершении преступления или привлекаемого к уголовной ответственности. Поэтому, кроме источника доказательств, они являются еще и средством их защиты. Аналогичная ситуация с показаниями потерпевшего. Он является лицом, которому преступлением причинен физический, материальный или моральный вред. А значит, его показания тоже будут источником доказательств и средством защиты интересов одновременно, поскольку законодатель позволяет ему ссылаться на другие доказательства, заявлять ходатайства и т.д.

Показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого можно различать и по их предмету. Потерпевший, подозреваемый и обвиняемый дают показания, как о своих действиях, так и о действиях и поступках других лиц. В предмет показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого, кроме сведений о фактах, еще входят объяснения этих фактов, предположения, доводы и т.п.

Одним из способов получения показаний свидетеля является его допрос. Эффективность допроса свидетеля зависит от многих факторов, в том числе и от соблюдения процессуальной формы и выбора тактических приемов проведения самого допроса. При его производстве целью следователя является получение от свидетеля показаний, которые объективно отражали бы фактические обстоятельства дела. Успешное решение этой задачи зависит от качества подготовки к проведению этого следственного действия.

Составными частями такой подготовки являются: изучение материалов дела; определение очередности допроса и способа вызова допрашиваемых; подготовка места допроса и его техническое обеспечение; изучение специальных вопросов для усвоения знаний в отдельных сферах человеческой деятельности,

которые являются предметом допроса; определение, кого из третьих лиц необходимо пригласить для участия в допросе; составление плана допроса [6, с. 62-63].

Показания свидетеля фиксируются в протоколе допроса, при этом показания свидетеля записываются в первом лице и по возможности дословно. Наряду с протоколом следователь имеет право применять дополнительные средства фиксации показаний свидетеля. Наиболее распространенные из них сегодня – это фотосъемка, звукозапись и видеозапись. Так фотосъемка позволяет сохранить внешний вид различных объектов, используемых в процессе допроса. Это могут быть вещественные доказательства. Особенно это касается тех объектов, которые в условиях длительного хранения могут изменить свои свойства. Благодаря фотосъемке фиксируются их признаки, особенности, которые иногда визуально трудно заметить сразу.

Звукозапись помогает обеспечить полноту фиксации устной речи человека, его эмоциональную окраску. Сохранить данную информацию крайне важно, поскольку это играет важную роль при ее анализе. Звукозапись во время допроса свидетеля помогает выяснить условия, в которых проводилось следственное действие. Видеозапись помогает проанализировать правильность проведения допроса со стороны, еще раз оценить показания свидетеля, видимые проявления его поведения – мимику, жесты, выявить моменты, когда он мог дать ложную информацию. Кроме того, применение технических средств фиксации показаний свидетеля дисциплинирует его, влияет на достоверность доказательств, содержащихся в таких показаниях.

Необходимо отметить, что в обеспечении надежности результатов доказывания достаточно важное место занимают проверка и оценка доказательств и их процессуальных источников. Проверка показаний свидетеля как источника доказательств и сведений, содержащихся в них, может осуществляться различными способами. Одним из них является анализ показаний в процессе их получения. Следователь изучает, насколько они логичны, имеются ли в них какие-либо противоречия. С

этой целью показания свидетеля могут детализироваться, следователь может задавать ему контрольные вопросы, чтобы проверить, насколько он уверен в своих показаниях, легко ли поддается внушению.

При этом следователь имеет возможность сравнивать полученную информацию с другими доказательствами, содержащимися в других процессуальных источниках. В результате сравнения могут быть выявлены определенные противоречия между сведениями, содержащимися в показаниях, и имеющимися в деле иными доказательствами. Их причина как раз и выясняется во время допроса свидетеля.

Может возникнуть ситуация, когда показания свидетеля совпадают (в мельчайших деталях) с сообщениями других свидетелей. Это может быть следствием предварительного сговора свидетелей об обстоятельствах, которые были предметом их допроса. Ведь известно, что каждый человек воспринимает любые события или явления с присущими только ему особенностями, которые зависят от многих факторов, в том числе и физических свойства личности. Это касается и воспроизведения воспринятого. Поэтому такое совпадение в показаниях должно насторожить следователя, побудить принять дополнительные меры по проверке этих показаний.

Способами проверки показаний свидетеля является проведение других следственных действий: очной ставки, следственного эксперимента, проверки показаний на месте.

Необходимо отметить, что проверка показаний свидетеля может осуществляться и непроцессуальным путем, с помощью оперативно-розыскной деятельности. Материалы этой деятельности могут способствовать проверке показаний и доказательств, содержащихся в них. Кроме того, полученные результаты могут указать пути получения новых источников доказательств, то есть оперативно-розыскная информация способна реально повлиять на принятие новых процессуальных решений по уголовному делу. Таким образом, проверка показаний свидетеля осуществляется, как правило, не одним каким-то способом, а целым комплексом умственных и практических действий.

Логическим завершением проверки показаний является их оценка. Последняя осуществляется с позиций допустимости и полноты сведений, содержащихся в них. Иными словами, оценка показаний, с точки зрения их допустимости, – это решение вопроса о том:

а) позволяет ли закон использовать определенный процессуальный источник по уголовному делу;

б) не допущено ли нарушений уголовно-процессуального закона при получении и фиксации информации;

в) влияют ли эти нарушения на достоверность и полноту соответствующей информации [3, с. 19].

При оценке свидетельских показаний с позиций их допустимости особое значение имеет соблюдение процессуальных правил их получения, поскольку несоблюдение требований уголовно-процессуального закона может повлечь непризнание судом полученных сведений доказательствами по делу. В то же время нужно подчеркнуть, что, оценивая допустимость показаний, необходимо не просто констатировать наличие того или иного процессуального нарушения, но и выяснить, можно ли его исправить, повлияло ли это нарушение на всесторонность, полноту и объективность расследования, и не препятствует ли оно вынесению законного и обоснованного решения по делу.

Оценка показаний свидетеля с позиций полноты сведений, в них содержащихся, осуществляется путем сравнения этих сведений с содержанием аналогичного источника или других источников доказательств в уголовном деле. При этом выясняется, насколько полно данные сведения позволяют исследовать все обстоятельства дела, восстановить модель уголовного наказуемого события, имевшего место в прошлом. Иными словами, установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания.

Выяснение условий, в которых проходил процесс формирования показаний и факторов, влияющих на их правдивость, способствует правильной оценке свидетельских показаний. Все эти аспекты проверки и оценки сведений, содержащихся в показаниях потерпевшего, следует обязательно учитывать при принятии конкретных процессуальных решений по делу.

Литература:

1. Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики (с изменениями) № 1-I от 18 мая 2014 // [Электронный ресурс.] – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/.

2. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М., 1991. – 111 с.

3. Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве / М. М. Михеенко. – К., 1984. – 134 с.

4. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – М., 1973. – 735 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Луганской Народной Республики № 60-II от 21 августа 2015 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1873/.

6. Якуб М. Л. Показаня обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе / М. Л. Якуб. – М., 1963. – 80 с.

УДК 343.9 ББК 67.51

М.А. Коровин

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕР БОРЬБЫ С «КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ» В СФЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье представлен анализ возможных «компьютерных преступлений» с использованием информационных технологий, способных нанести ущерб имущественным или общественным интересам государства, предприятиям, ведомствам, организациям, кооперативам, банкам и даже отдельным гражданам, а также способствующих изготовлению и распространению порнографической продукции в сети Интернет.

Этот анализ позволил сделать вывод, что сегодня задачей исключительной важности является построение государственной системы борьбы с правонарушениями в сфере современных информационных технологий. С этой целью необходимо создать и модернизировать существующие программные, программно-аппаратные и технические

средства, которые могли бы обеспечить достаточную защищенность компьютерных сетей и баз данных.

Решению проанализированных проблем будут способствовать и подготовка в вузах МВД специалистов соответствующего профиля, создание специального подразделения в структуре МВД и модернизация компьютерной базы органов внутренних дел.

Ключевые слова: *компьютерная преступность, информационные технологии, службы МВД, компьютерная сеть, информационные сети, подготовка кадров, нормативно-правовая база.*

The article presents the analysis of the possible «computer crimes» using information technology are able to cause damage to property or the public interest of the state, enterprises, agencies, organizations, cooperatives, banks and even individual citizens, as well as contributing to the production and distribution of pornography on the Internet.

This analysis allowed us to conclude that today the most important task of exceptional importance is the construction of the state system of fight against offenses in the sphere of modern information technologies. With this purpose it is necessary to create and upgrade existing software, hardware and technical tools that could provide adequate protection of computer networks and databases.

The analyzed decision problem will contribute to training in universities of the Ministry of interior specialists, the establishment of a special unit in the Ministry of internal Affairs and the upgrade of computer facilities of the internal Affairs bodies.

Key words: *computer crime, information technology, services, internal Affairs, computer network, information network, training, legal and regulatory framework.*

Работа в сложных условиях военного времени и перехода к рыночным отношениям, обострения криминогенных последствий социально-экономических диспропорций, при существующем несовершенстве уголовного и административного законодательства, слабой законодательной базе оперативно-розыскной деятельности требует пересмотра старых и отработки новых, более надежных и эффективных методов оперативно-служебной деятельности. К тому же, в последние годы к числу резонансных преступлений во всех странах мира добавились преступления с использованием информационных технологий.

В век компьютеризации технические средства обработки и передачи данных, и в первую очередь компьютерные системы, проникают практически во все сферы жизнедеятельности общества. Наряду с преимуществами, компьютеризация имеет и отрицательные стороны, поскольку открывает дополнительные возможности не только для злоупотреблений, но и для совершения противоправных действий.

Информационная среда, кроме правового регулирования и процессов управления ею, нуждается в охране прав и четкого определения ее субъектов. Именно информатизация и отсутствие четких организационно-правовых основ породили «компьютерную преступность» – новую категорию преступлений, которые осуществляются с использованием информационных технологий. Особенно остро эта проблема стоит на современном этапе развития общества, так как большинство платежей за различного рода услуг, банковские операции, создание конфиденциальных информационных сетей и автоматизированных банков данных в различных службах и сферах деятельности осуществляются с помощью компьютерных сетей. Поэтому наличие современных информационных технологий и средств компьютерной техники, способных нанести ущерб имущественным или общественным интересам государства, предприятиям, ведомствам, организациям, кооперативам, общественным организациям и гражданам, а также правам личности, вызывает необходимость проведения оперативно-розыскных мероприятий и осуществление контроля за компьютерными сетями.

Одним из разновидностей преступлений в сфере компьютерных и интернет-технологий является незаконное получение и использование идентификаторов доступа к различным видам услуг и информации, что является самостоятельным видом преступного промысла. Применяя идентификаторы других лиц, преступники получают доступ к их банковским счетам и безвозмездно пользуются услугами интернет-провайдеров и

операторов связи. Высокая латентность этой категории правонарушений, кроме объективных факторов, обусловлена тем, что провайдеры интернет услуг, банки, операторы связи не спешат делать достоянием гласности факты несанкционированного доступа к своим базам данных, незаконного получения паролей и т.п., поскольку такая информация подрывает их деловой имидж и конкурентоспособность. Аналогичная ситуация и при проникновении в базу данных пользователей ПК, коммерческих предприятий, различных служб и ведомств, включая силовые структуры, в том числе УМВД, ДАИ, МГБ с целью обогащения или получения конфиденциальной информации.

К примеру, 12 мая 2017 года была совершена глобальная кибератака, которая была осуществлена с помощью вредоносного кода, украденного хакерами у Агентства национальной безопасности США. От данной атаки пострадали, по последним данным, около 150 стран. Хакеры блокировали компьютеры и требовали выкуп за разблокировку, что и позволило им в результате этого собрать десятки тысяч долларов.

Другой, не менее важной, противоправной деятельностью преступных групп и отдельных лиц в сети Интернет является распространение порнографической продукции. Актуальность проблемы противодействия преступлениям, связанным с изготовлением порнографической продукции и компроматом на отдельных VIP-персон и представителей шоу-бизнеса с целью распространения этой информации во всемирной компьютерной сети Интернет, обусловлена многими причинами.

Благоприятными условиями этого явления и обретения мировых масштабов являются развитие и модернизация технических систем связи, упрощение доступа к использованию информационных технологий широчайшими слоями пользователей и спрос определенной категории потребителей на постоянно обновляющийся порно материал.

Пользуясь социальными и экономическими неурядицами и отсутствием эффективного противодействия и борьбы с такими преступлениями международная преступность активно

налаживает изготовление порнографической продукции с участием несовершеннолетних в Украине, Молдове и России как в основных странах-поставщиках этой продукции для платных веб-сайтов.

Перечень преступлений с использованием современных компьютерных информационных технологий можно продолжить и дальше, но этого вполне достаточно, чтобы остановиться на проблемах борьбы с очерченными преступлениями. Раскрытие этих преступлений входит в функции и первоочередные задачи, присущие именно правоохранительным органам. В этом случае предметом преступного посягательства являются информационные системы, информация и программное обеспечение.

Электронные документы, как и письменные, графические, фото- и видеодокументы, заключают в себе сведения о юридических фактах, зафиксированных в их содержании, и имеют значение для установления истины по делу. Поэтому компьютеры могут выступать в качестве источников и носителей криминалистической информации, необходимой для установления истины при расследованиях многих видов преступлений, успех которых зачастую зависит от того, насколько профессионально грамотно разрешаются вопросы, связанные с обнаружением, фиксацией, исследованием и использованием компьютерной информации. Поэтому оперативный контроль и съем информации с компьютерных сетей все шире применяются в оперативно-розыскной и следственной деятельности ОВД. Формы, способы и конкретные устройства для получения оперативной информации с компьютеров представляют собой комплекс мероприятий организационного, технического характера и требуют высокой профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

На основании вышесказанного, следует сделать вывод, что сегодня важнейшей задачей исключительной важности является построение национальной системы борьбы с правонарушениями в сфере современных информационных технологий.

Это необходимо для проведения комплекса научно-исследовательских и опытноконструкторских работ с созданием и модернизацией программных, программно-аппаратных и технических средств, которые могли бы обеспечить достаточную защищенность компьютерных сетей и баз данных. Практика доказывает, что в ближайшие годы компьютерная техника все чаще будет становиться орудием совершения преступлений. Наметилась серьезная тенденция к использованию компьютерной техники организованными преступными группировками, даже на международном уровне. Уже сегодня убытки, причиняемые компьютерными преступлениями, равняются возможностям и экономической выгоде получаемыми от внедрения современных компьютерных технологий и составляют сотни миллионов долларов.

Изучение зарубежного опыта создания специальных подразделений «силовых структур», призванных бороться с компьютерной преступностью в сфере информационных отношений, а именно с преступлениями с использованием информационных технологий, доказывает, что практически в каждой цивилизованной стране они уже существуют и исполняют свои обязанности. Такие подразделения, например, уже действуют в структуре ФСБ и секретной службы министерства финансов США, Германии. В России в 1998 году создано Главное управление по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий. Кроме того, создание системы и механизма противодействия и борьбы с такими преступлениями – одно из главных требований Совета Европы к странам, которые желают присоединиться к Европейскому союзу.

Проблемы профилактики, предупреждения борьбы с этой категорией преступлений, а также вопрос создания подразделений по борьбе с «компьютерной преступностью» рассматривались специалистами Межведомственного научно-исследовательского центра Координационного комитета по борьбе с коррупцией и организованной преступностью при Президенте Украины еще в 1996 – 1997 гг.

Первые шаги в этом направлении сделаны и в ЛНР. На данный момент подразделения с такими функциями уже создаются и будут действовать в структуре МВД, УМВД, МГБ и Налоговой службы ЛНР. К сожалению, в настоящее время имеются только отдельные разработки, которые используются в границах существующей структуры. Этот факт, по всей вероятности, обусловлен рядом причин: небольшим количеством раскрытых преступлений с использованием ограниченного ресурса компьютерных сетей, медленные процессы информатизации и то, что республика находится в состоянии войны. Однако, эти явления временные. Поэтому, учитывая возрастание категории вышеупомянутых преступлений, необходимо ускорить процесс укомплектования соответствующих подразделений в этих структурах. Эти отделы должны объединять силы и опыт научных работников и практиков, а также и других правоохранительных ведомств, которые имеют свои наработки в этом направлении.

Преступлениям, которые совершаются с использованием информационных технологий, должны противодействовать специальные подразделения МВД, как, например Управление или специальный отдел по борьбе с организованной преступностью. Но это должно быть самостоятельным Управлением по борьбе с преступностью в сфере информационных технологий. Основной целью этого Управления (спецотдела) должны стать профилактика, расследование, разработка методических рекомендаций по раскрытию, изобличению, документированию, а также проведению криминалистических экспертиз в этой области и участие в процессе подготовки специалистов для практического проведения оперативно-розыскных мероприятий по противодействию компьютерным преступлениям и взаимодействия с подразделениями других, правоохранительных органов и международных структур. Из очерченных функций и задач, направленных на осуществление главной цели, остановимся более подробно на подготовке специалистов этого профиля в учебных заведениях МВД.

Эффективность и профиль подготовки специалистов в вузах МВД, отвечающих современным требованиям, во многом зависит от задач, стоящих перед правоохранительными органами и насколько обучение соответствует уровню новейших достижений науки и техники. Решению этой задачи в определенной мере способствует широкое использование в учебном процессе компьютеризации, всей «индустрии» информатики.

В связи с совершенствованием технологии информационных систем и появлением компьютерных преступлений, определяющим фактором, позволяющим своевременно решать задачи оперативно-служебной деятельности является подготовка специалистов соответствующего профиля и модернизация информационного обеспечения органов внутренних дел.

Подготовку указанных специалистов необходимо начинать в учебных заведениях МВД, и в частности, в Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. С этой целью необходимо предварительно внести коррективы в действующие учебные программы и тематические планы отдельных дисциплин, и в частности, в «Основу информатики» и «Специальную технику органов внутренних дел».

Дисциплина «Специальная техника ОВД» применяется в оперативно-розыскной деятельности (ОРД) с целью поиска и фиксации фактических данных изобличающих лицо или группу в противоправной деятельности, как правило, при совершении резонансных преступлений. В связи с появлением разновидностей преступлений в сфере компьютерных и интернет-технологий необходимо в вузах МВД создать новую дисциплину «Информационные технологии ОВД» или добавить учебные часы к курсу «Спецтехника». С этой целью, по мнению автора, эту дисциплину целесообразно выделить из состава кафедры ОРД и передать кафедре информатики. Это вызвано необходимостью создания учебной программы, тематического плана и программного обеспечения на базе высоких информационных технологий под руководством специалистов в этой области.

Компьютерная грамотность с конца 80-х годов рассматривается как составная часть информатизации общества и в среде образования позволила качественно изменить содержание, методы и организационные формы обучения.

В настоящее время в учебные заведения и подразделения МВД приходят выпускники средних школ, ПТУ, колледжей и техникумов уже владеющие основами необходимых знаний в области информатики, вычислительной техники, с накопленным личным опытом их практического применения на уровне «Пользователь ПК». Однако, в процессе обучения на кафедре информатики для большинства слушателей и курсантов происходит процесс дублирования основ компьютерной грамотности в области освоения средств информационных технологий и прежде всего компьютеров.

Поэтому для повышения качества подготовки специалистов соответствующего профиля необходимо на одном факультете из числа курсантов создать отдельную учебную группу (взвод) для подготовки высококвалифицированных специалистов, владеющих наиболее перспективными программными средствами и методами использования информационных технологий в деятельности служб МВД. В этом случае неизбежен и пересмотр сложившихся организационных форм учебной работы.

При изучении методов сбора, хранения, обработки, передачи и представления информации с использованием компьютеров традиционные формы и методы обучения необходимо органически сочетать с индивидуальными, групповыми и лекционными формами работы, с занятиями в специализированных компьютерных классах с участием работников спецподразделений по борьбе с компьютерной преступностью. Период подготовки слушателей (курсантов) в этой группе (взводе) не должен ограничиваться отведенными часами по дисциплине «Основы информатики», согласно учебной программы, а должен продолжаться до окончания вуза по вновь разработанной

учебной программе по дисциплине «Информационные технологии ОВД».

Такой подход к организации борьбы с преступностью в области высоких информационных технологий позволит подготовить кадровое обеспечение, которое будет иметь соответствующий уровень специальной компьютерной подготовки, а также на базе данного вуза возможно и переподготовка работников информационных сетей органов внутренних дел.

Вторым основным фактором в борьбе с преступностью является необходимость модернизации компьютерной базы МВД.

Компьютерная сеть Управления оперативной информации МВД предназначена для информационного обеспечения правоохранительных органов республики, а также для внедрения новых компьютерных технологий с целью использования их городскими и районными отделами для предупреждения и раскрытия преступлений.

Работа информационной службы определяется нормативно-правовой базой, в частности законами ЛНР «О полиции», «О национальной программе информатизации», «Об информации», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О защите информации в автоматизированных системах», «О коррупции», приказами МВД, УМВД и другими документами.

Система информационного обеспечения ОВД должна представлять совокупность информатизированных подсистем, предназначенных для собирания, накопления, сохранения, обработки и дальнейшего использования информации в деятельности служб ОВД. Основой этой сети должна быть компьютерная сеть, которая обеспечивала бы объединение программно-технических комплексов информационных подсистем на всех уровнях, как в системе ОВД, так и в других правоохранительных органах и государственных учреждениях.

В свою очередь, в райотделах необходимо создать определенное количество рабочих мест, оборудованных компьютерами, телефонными и телеграфными модемами, что даст возможность получать информацию с любой информационной

подсистемы: «Информационный банк данных», «Арсенал», «Поиск», «Наркобизнес», «АДИС», «Статистика», ИИПС «АРМОР», АИС«АРГУС», ПТК«СОВА», «СОВА+» и т.д. Кроме прочего, наличие персонального компьютера на рабочем месте оперативника или следователя, подключенного к банку данных дактилоскопической информации, позволит очень быстро и избирательно находить дактилокарту, идентичную отпечаткам пальцев или ладонных поверхностей рук, изъятых с места преступления. Это позволит увеличить под учетный массив лиц, склонных к совершению преступлений, и тем самым существенно повысить процент раскрываемости преступлений.

Можно продолжить рассмотрение и второстепенных факторов, влияющих на организацию борьбы с противоправной деятельностью в области информационных технологий. Однако из того, что уже проанализировано, можно сделать следующие предварительные выводы и наметить пути решения этих проблем:

1. Решение этих проблем существующими традиционными методами не соответствует современным реалиям и требует интенсивного внедрения в оперативно-служебную деятельность ОВД современных компьютерных информационных технологий, создания информационных сетей и автоматизированных блоков данных.

2. С целью повышения эффективности борьбы с преступностью в сфере информационных технологий необходимо создать самостоятельное Управление или специальный отдел в структуре МВД.

3. Одним из основных факторов противодействия преступлениям с использованием компьютерных сетей является кадровое обеспечение, которое требует соответствующего уровня специальной компьютерной подготовки.

4. Необходима интеграция имеющихся информационных сетей МВД на базе современных информационных технологий с использованием возможностей новейшей техники.

5. Подключить все городские и районные отделы внутренних дел к корпоративной республиканской сети Управления МВД через выделенные каналы связи, что даст возможность работникам ОВД на своих рабочих местах оперативно получать информацию непосредственно из банка данных УМВД.

6. Создать во всех райотделах необходимое количество компьютерных рабочих мест, для оперативно-служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Автор статьи дает себе отчет в том, что претворение в жизнь этих предложений повлечет существенные материальные затраты и изменения в программах и методике подготовки кадрового состава в вузах МВД и в нормативно-правовой базе, которая регламентирует использование информации в борьбе с преступностью. Но необходимость в этих затратах и изменениях назрела, она вызвана современным состоянием развития преступной деятельности в сфере компьютерных и интернет технологий.

Литература:

1. Уголовный кодекс ЛНР от 24 августа 2015 г. С изменениями от 08.07.2016 г. № 105-II, от 12.11.2016 г. № 136-II.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Луганской Народной Республики от 21 августа 2015 г. (с изменениями, внесенные законами Луганской Народной Республики от 18.09.2015 № 64-II, от 06.11.2015 № 72-II, от 08.07.2016 № 105-II, от 23.09.2016 № 124-II, от 12.11 2016 № 136-II).

3. Бабичев, Д.А. Информационное обеспечение подразделений уголовного розыска в Российской Федерации и Луганской Народной Республике // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – 2016. – № 1. – С. 190-206.

4. Белобородов, С.В. Создание единой информационной системы органов исполнительной власти // ТДР. – 2010. – № 11. – С.106-107.

5. Павлюков, В.В. Использование информационно-аналитических поисковых систем в полиции ЛНР // Закон ЛНР «О полиции»: новый этап реформирования правоохранительной системы: Сборник материалов круглого стола. – Луганск: ЛАВД им. Э.А. Дидоренко; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. – С. 134-139.

6. Атаманов, Р.С. Основы методики расследования мошенничества в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук / Р. С. Атаманов. – М., 2012. – 182 с.

7. Вехов, В.Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники : дис. ... канд. юрид. наук / В. Б. Вехов. – Волгоград, 1995. – 276 с.

8. Воробьев, В.В. Преступления в сфере компьютерной информации (юридическая характеристика составов и квалификация) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / В. В. Воробьев. – Н. Новгород, 2000. – 28 с.

9. Гаврилин, Ю.В. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Гаврилин. – М., 2000. – 206 с.

10. Гаврилин, Ю.В. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Гаврилин ; Юрид. ин-т МВД России. – М., 2000. – 23 с. – Библиогр. : с. 23.

11. Егорышев, А. С. Расследование и предупрежде-ние неправомерного доступа к компьютерной информации : дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Егорышев. – Уфа, 2004. – 230 с.

12. Краснова, Л. Б. Компьютерные объекты в уго-ловном процессе и криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук / Л. Б. Краснова. – Воронеж, 2005. – 202 с.

УДК 338.242.2

А.Г. Солодовников

ЗАЩИТА ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются основные характеристики недобросовестной конкуренции. Проанализировано действующее отечественное законодательство, регламентирующее отношения возникающие в сфере конкуренции. Раскрыто содержание понятия недобросовестная конкуренция. Его происхождение и толкование. При этом любое толкование общего правила касательно определения недобросовестной

конкуренции основывается на принципах честной и добросовестной конкуренции, обычаях делового оборота.

История формирования и развития конкурентного законодательства в разных странах имеет свои существенные отличия, связанные с необходимостью учета национальных особенностей развития конкурентного соревнования, особенностей законодательной защиты конкуренции, традиций и обычаев делового оборота, административной и судебной практики правоприменительных органов. В статье определены основные аспекты действующего конкурентного законодательства ЛНР, а также направления и тенденции его дальнейшего развития.

Делается вывод о том, что процесс развития антимонопольного законодательства как в Республике, так и за рубежом еще не окончен, и опыт зарубежных государств может стать полезным для гармоничного развития и совершенствования отечественного антимонопольного законодательства.

Ключевые слова: *антимонопольное законодательство, антимонопольная деятельность, недобросовестная конкуренция, правовое регулирование, состав недобросовестных действий*.

Basic descriptions of unfair competition are examined In the article. A current home legislation is analysed, regulating relations arising up in the field of competition. Maintenance of concept is exposed unfair competition. His origin and interpretation. Thus any interpretation of general rule concerning the decision of unfair competition is base on principles of honest and conscientious competition, customs of business turn.

The history of the formation and development of competition law in different countries has its significant differences, related to the need to take into account the national features of the development of competitive competition, the features of legislative protection of competition, the traditions and customs of business turnover, administrative and judicial practice of law enforcement agencies. The article identifies the main aspects of the current LC law, as well as the directions and tendencies of its further development.

Drawn conclusion that a process of development of antitrust legislation is both in Republic and abroad yet not finish, and experience of the foreign states can become useful to harmonious development and perfection of home antitrust legislation.

Key words: *antitrust legislation, antimonopoly activity, unfair competition, legal adjusting, composition of unconscientious actions*.

Рыночная экономика уже давно стала неотъемлемым атрибутом демократического, правового, социального государства. Именно таким государством, согласно статьи 1 Временного основного закона, является Луганская Народная Республика [1]. Рыночная экономика – это экономика динамического колебания спроса и предложения, экономика сравнительных преимуществ и эффективного ведения хозяйства и для ее существования необходимая конкуренция. Если есть действительно рыночная экономика, то конкуренция в ней просто неминуема.

Основные принципы экономической и правовой политики противодействия монополизации рынка, предотвращения злоупотреблением монопольным положением, недопущения недобросовестной конкуренции и содействия развития экономической конкуренции, закреплены в Конституции Луганской Народной Республики и в законах, которые являются основой законодательства о защите экономической конкуренции. Законодательство ЛНР о защите экономической конкуренции это достаточно новый, комплексный институт в законодательстве, какой присущ странам с развитыми рыночными отношениями. Следует признать, что в республике данная отрасль законодательства находится в стадии развития, а нормы регулирующие конкурентные отношения размещены фрагменально в различных нормативно-правовых актах. Единого же закона, направленного на защиту конкуренции пока нет. В связи с чем, заслуживает внимания положительный опыт Российской Федерации по этому вопросу.

В настоящее время в действующем отечественном законодательстве вопросы защиты от недобросовестной конкуренции рассматриваются разобщенно в разных источниках. Так часть 2 статьи 27 Конституции ЛНР содержит указание на то, что в Луганской Народной Республике не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию [1].

В свою очередь ответственность за неправомерные деяния в сфере конкуренции предусмотрена Уголовным кодексом ЛНР и Кодексом об административных правонарушениях ЛНР.

В Уголовном кодексе ЛНР термин конкуренция встречается лишь в статье 203 «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции». Часть первая данной статьи гласит: «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции путем заключения хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), неоднократного злоупотребления доминирующим положением, выразившимся в установлении и (или) поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекли извлечение дохода в крупном размере, наказываются…» [2].

В Кодексе об административных правонарушениях ЛНР вопросы правового регулирования отношений в сфере конкуренции рассматриваются в главе 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности». Из общего массива статей, входящих в данную главу, можно выделить несколько непосредственно связанных с нарушением правил конкуренции: статья 14.36. «Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке»; статья 14.39. «Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности»; статья 14.40. «Недобросовестная конкуренция». Однако, даже статья 14.40, не смотря на свое название, не дает определения понятия недобросовестная конкуренция, а лишь указывает на частные случаи ее проявления. В ч. 2 ст. 14.40 указано, что Недобросовестная конкуренция, выразившаяся во введении в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, средств индивидуализации

продукции, работ, услуг, влечет наложение административного штрафа… [3].

Кроме того, в рассмотренных правовых актах мы встречаем постоянные отсылки к антимонопольному законодательству Луганской Народной Республики, однако о каких именно законах идет речь из текста норм не совсем понятно. Такое положение дел не только усложняет понимание явления недобросовестной конкуренции, но и сводит на нет попытки осуществления эффективной правоприменительной деятельности в данной сфере.

Для правильного определения содержания правовых запретов (запрета недобросовестной конкуренции) необходимо определить сущность недобросовестной конкуренции.

Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет слово «недобросовестный» как «нечестно и небрежно делающий что-нибудь или плохо, небрежно сделанный». В отношении информации недобросовестный рассматривается как синоним слова необъективный [4].

В.И. Даль толкует слово «добросовестность» как «добрая совесть, праводушие, честность, правдивость, строгая богобоязненность в поступках», а «добросовестный» – «правдивый, праводушный, честный» [5].

Таким образом, термин «недобросовестная конкуренция» в обычном понимании означает «нечестная, небрежная конкуренция».

Основы правового определения понятия «недобросовестная конкуренция» были заложены в международном праве. В соответствии с и. 2 ст. 10-bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. актом недобросовестной конкуренции признается всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах [6].

Российское законодательство развивает указанную дефиницию. Недобросовестная конкуренция – это любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены

на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству РФ, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации (п. 9 ст. 4 закона «О защите конкуренции) [7].

В результате внесения изменений формы недобросовестной конкуренции выделены в отдельную главу «Закона о защите конкуренции», расширен перечень ее форм, напрямую предусмотренных законом. Кроме того, формы недобросовестной конкуренции были раскрыты через категории и понятия (дискредитация, смешение и т.п.), принятые в европейской практике.

В законодательстве РФ прямо закреплены следующие формы недобросовестной конкуренции:

- дискредитация (распространение ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту-конкуренту или нанести вред его деловой репутации) – статья 14-1;

- введение в заблуждение в отношении характера, способа и места производства, потребительских свойств, качества и количества товара, его производителя и иных свойств – статья 14-2;

- некорректное сравнение хозяйствующим субъектов производимых и реализуемых товаров с другими хозяйствующими субъектами либо производимыми и реализуемыми ими товарами – статья 14-3;

- приобретение и использование исключительного права на средства индивидуализации – статья 14-4;

- продажа, обмен, иное введение в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности – статья 14-5;

- смешение с деятельностью хозяйствующего субъекта-конкурента либо с его товарами или услугами – статья 14-6;

- незаконное получение, использование, разглашение информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну – статья 14-7;

- иные формы недобросовестной конкуренции – статья 14-8.

Каждая из этих форм недобросовестной конкуренции специфична по своему содержанию и требует индивидуальных мер по противодействию им. Кроме того, закрепленные в законодательстве формы недобросовестной конкуренции возникли не на ровном месте и имеют значительную историю как в зарубежных странах, так и на постсоветском пространстве.

Полагаем, что применение аналогичного подхода в формировании Республиканского антимонопольного законодательства позволило бы не только структурировать систему нормативно правовых актов, но и обеспечить эффективное их применение на практике.

Литература:

1. Временный основной закон (Конституция) Луганской Народной Республики № 1-I от 18.05.2014 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya (дата обращения: 15.12.2017).

2. Уголовный кодекс Луганской народной республики № 60-ПЗ/15 от 29 июня 2015 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/zakonoproekty/1185/ (дата обращения: 30.01.2018).

3. Кодекс об административных правонарушениях Луганской Народной Республики № 109-II от 15 июля 2016 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/zakonoproekty/ (дата обращения: 30.01.2018).

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во ИТИ Технологии; 4-е изд., доп. – 2006. – 944 с.

5. Владимир Даль: Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах / В. И. Даль. – Изд-во «Дрофа», 2011. – 2734 с.

6. Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года (с изменениями и дополнениями [Электронный ресурс] // Информационно–правовая система.

7. Федеральный закон № 135-ФЗ от 26.07.2006 [Электронный ресурс] (ред. от 29.07.2017) «О защите конкуренции» // Информационно–правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.11.2017).

УДК 343.2

Е.А. Гамова
И.А. Топольскова

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ТЕРРИТОРИИ ОБСЛУЖИВАНИЯ СТАХАНОВСКОГО ГУВД МВД ЛНР

Статья посвящена криминологическому анализу преступности несовершеннолетних в г. Стаханов Луганской Народной Республики. В целях исследования преступности несовершеннолетних в настоящей статье анализируются количественные и качественные показатели преступности несовершеннолетних на территории обслуживания Стахановского ГУВД МВД ЛНР по г.г. Стаханов, Алмазная, Ирмино за 2016 – 2017 годы.

Акцентируется внимание, что анализ показателей преступности несовершеннолетних должен стать информационно-аналитической основой для познания причин преступности несовершеннолетних в Республике, изменяющихся под действием социальных, экономических и политических факторов. А также разработки на этой основе эффективных мер по предупреждению преступности в целом и в частности преступности несовершеннолетних на территории обслуживания Стахановского ГУВД МВД ЛНР по г.г. Стаханов, Алмазная, Ирмино.

Ключевые слова: *преступность несовершеннолетних, криминологический анализ, показатели преступности, предупреждение преступности.*

The article is devoted to the criminological analysis of juvenile delinquency in the city of Stakhanov of the Luhansk people's Republic. In order to study juvenile delinquency, this article analyzes the quantitative and qualitative indicators of juvenile delinquency in the territory of service of the Stakhanov police Department of the Ministry of internal Affairs of the LPR for the city of Stakhanov, Almaznaya, Irmino for 2016 – 2017.

It is emphasized that the analysis of juvenile delinquency indicators should become an information and analytical basis for understanding the

causes of juvenile delinquency in the country, changing under the influence of social, economic and political factors. And also development on this basis of effective measures for the prevention of crime in General and in particular juvenile crime in the territory of service of the Stakhanov police Department of the Ministry of internal Affairs of LNR.

Key words: *juvenile delinquency, criminological analysis, indicators of crime and crime prevention.*

Преступность несовершеннолетних - одна из важнейших криминологических проблем, которая отражает основные тенденции преступности на определенной исследуемой территории, является индикатором нравственного здоровья общества, проживающего на исследуемой территории, и позволяет спрогнозировать общие перспективы и возможные направления развития преступных проявлений на будущее. Специфичность данного вида преступности заключается в невозможности качественного анализа в каких–то определенных рамках, поскольку охватывает как делинкветность детей, так и преступность молодежи. Традиционно считается, что преступность несовершеннолетних является составной частью преступности в целом, при этом ей присущи свои особенности количественного и качественного характера. Данная преступность, по сравнению со «взрослой», отличается высокой степенью активности и динамичностью[1]. Ставших на путь совершения преступлений в раннем возрасте, трудно исправить и перевоспитать, и отсюда принято считать преступность несовершеннолетних резервом взрослой преступности[2].

В области теоретических и прикладных исследований преступности несовершеннолетних в юридической литературе можно отметить наиболее существенный вклад таких ученых:

[1] Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 4-е изд. – М. : Норма, 2009. – 800 с.

[2] Криминология / под ред. А. И. Долговой. – М. : Норма, 2003. – 843 с.; Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля: Сб. ст. / под. ред. Я. И. Гилинского. – М. : ИС РАН, 1992. – 182 с.

Г.А. Аванесова, Ю.М. Антонян, И.Н. Даньшина, А.Н. Джужи, А.И. Долговой, А.П. Закалюк, А.Б. Сахарова, Е.В. Эминова и др. За непродолжительный период становления, существования и развития Луганской Народной Республики (с 12.05.2014 года по настоящее время) как отдельного самостоятельного государства не могут остаться без внимания первичные и последующие показатели результатов работы правоохранительных, да и других государственных органов, на основании которых при последующем анализе будет прослеживаться тенденция, положенная в основу как точка отсчета дальнейшей деятельности государственных органов.

Это и обусловило выбор темы для исследования.

Целью исследования является – криминологический анализ преступности несовершеннолетних на территории обслуживания Стахановского ГУВД МВД ЛНР по г.г. Стаханов, Алмазная, Ирмино, который является информационно-аналитической основой для разработки эффективных мер по предотвращению этого вида преступности.

Зачастую для преступности несовершеннолетних присуща повышенная латентность, поскольку многие из их деяний, в силу их возрастных особенностей, воспринимаются как шалость, вызванные также и недостаточной социальной зрелостью (кражи в семье, соседей, учебном заведении, хулиганские драки, отъема денег и вещей у младших и т.д.). О таких поступках, как правило, потерпевшие не сообщают в полицию, так как срабатывают психологические элементы (жалость, сочувствие, сострадание, а зачастую, просто попустительство, также зачастую проблема «разрешатся примирением» на уровне договора между родителями потерпевшей и виновной стороны). Поэтому более реальным является учет тяжких насильственных, корыстно-насильственных и корыстных преступлений, которые совершают несовершеннолетние, а именно грабежи, кражи, разбойные нападения, тяжкие телесные повреждения.

Прежде чем анализировать преступность несовершеннолетних на территории обслуживания Стахановского ГУВД

МВД ЛНР по г.г. Стаханов, Алмазная, Ирмино ЛНР, необходимо уточнить, что юрисдикция Стахановского управления внутренних дел МВД ЛНР распространяется на большую площадь, на которой проживают около 87 тысяч человек, из которых несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 – 4232 человек, из которых процент лиц, привлеченных к уголовной ответственности в 2017 году составляет 0,14% (коэффициент преступности несовершеннолетних в возрасте уголовной ответственности), что на 0,02%меньше показателя 2016 года. В связи с относительной стабилизацией обстановки в регионе к 2017 году на территории обслуживания Стахановского ГУВД МВД ЛНР увеличилось на 32% количество семей, в том числе и с несовершеннолетними, возвратившихся к местам своего постоянного жительства. Также вкладом в данный положительный результат являются: доукомплектование Стахановского ГУВД МВД ЛНР в 2017 году, стабильная и плодотворная работа сотрудников полиции Стахановского ГУВД МВД ЛНР, которая привела к росту процента раскрытых преступлений с 30,9% в 2016 году до 73,6% в 2017 году при сокращении количества возбужденных уголовных дел на 29%.

В 2017 году по сравнению с 2016 годом на территории обслуживания Стахановского ГУВД МВД ЛНР в 1,4 раза увеличилось абсолютное количество выявленных (зарегистрированных) преступлений.

Так, в 2017 году сотрудниками группы полиции по делам несовершеннолетних Стахановского ГУВД МВД ЛНР было выявлено:

- в 1,4 раза больше, по сравнению с 2016 годом, количество краж личного имущества граждан несовершеннолетними (в том числе квартирных краж);

- в 2 раза больше, по сравнению с 2016 годом, количество незаконных завладений транспортными средствами, совершенными несовершеннолетними;

- в 1,3 раза больше, по сравнению с 2016 годом, количество грабежей, совершенными несовершеннолетними.

В 2017 году по сравнению с 2016 годом к уголовной ответственности на территории обслуживания Стахановского ГУВД МВД ЛНР сотрудниками полиции привлечено к уголовной ответственности на 37% несовершеннолетних больше.

Также можно отметить, что по сравнению с 2016 годом, в 2017 году число привлеченных к уголовной ответственности из числа школьников возросло в 1,6 раз, из числа студентов колледжей (ПТУ, лицеев) – в 0,75 раза. Студентов ВУЗ и несовершеннолетних, которые нигде не обучаются и не работают, к уголовной ответственности привлечено не было.

В 2017 году, по сравнению с 2016 годом, в 1,5 раза увеличилось количество привлеченных к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность.

К опасным тенденциям в отношении преступлений несовершеннолетних, совершенных в состоянии опьянения, можно отнести: рост количества преступлений, совершенных с особой жестокостью, дерзостью и цинизмом; высокий уровень рецидива, что связано с нежеланием встать на путь исправления и стремлением быстро получить «легкие деньги»; увеличение коэффициента преступной активности в возрастной подгруппе 16-18 г.; рост числа несовершеннолетних, которых вовлекли взрослые в преступную деятельность.

В отличие от преступности взрослых, преступность несовершеннолетних отличается групповым характером. Почти ¾ преступлений, совершенных на территории обслуживания Стахановского ГУВД МВД ЛНР, несовершеннолетние совершают в составе группы, а по отдельным видам преступлений (преступлений из числа имущественных преступлений – краж, грабежей) этот показатель достигает 60%.

Обычно группы несовершеннолетних немногочисленные (в основном – 2 – 4 человека)[1], без устойчивой организации, часто с переменным составом, и непродолжительные по времени

[1] Забрянский Г. И. Асоциальные группы несовершеннолетних: механизм формирования и классификация //Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2010. – №. 1. – С. 50.

существования, поскольку были уличены правоохранительными органами, несмотря на то, что формировались с перспективой осуществления длительной преступной деятельности. Состав и другие качественные характеристики преступных групп несовершеннолетних зависят от вида совершаемых преступлений и ситуации. Так, например, заранее спланированные кражи из квартир, а также разбои совершаются преимущественно группами несовершеннолетних до трех человек, и действовали эти группы более длительный период.

Жертвами групповых преступных проявлений несовершеннолетних все чаще становятся одинокие престарелые лица, которые находятся в уязвимом состоянии, либо женщины, которые или в силу своих физиологических особенностей не могут оказать адекватного физического сопротивления агрессивно настроенным подросткам, также объектами преступлений зачастую является имущество, оставленное на длительный период времени без присмотра.

Вместе с тем нельзя не отметить все же, что уровень преступности несовершеннолетних на территории обслуживания Стахановского ГУВД МВД ЛНР сократился почти в 2 раза, что, безусловно, является позитивным моментом деятельности Стахановского ГУВД МВД ЛНР. При этом, не снимает актуальности исследований причины совершения детьми преступлений[1], что несомненно должно стать следующим шагом в изучении преступности несовершеннолетних в ЛНР.

Вместе с тем, актуальным является разработка программ по предупреждению преступности на территории обслуживания Стахановского ГУВД МВД ЛНР. Для проведения эффективной предупредительной работы не достаточно действия уголовного законодательства, нацеленного преимущественно на репрессию и изоляцию, нужна комплексная программа на разных

[1] Розовский Б. Г. Исследование причин молодежной преступности, или чем наука химия отличается от алхимии // Молодь та злочинність: Кримінологічні дослідження: Вип. 7 / Луган. держ. ун-т внутр. справ ім. Е.О. Дідоренка; [Гол. ред. канд. філос. наук В.І. Поклад]. – Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2014. – С. 69 – 86.

уровнях организации общества, как по горизонтали, так и по вертикали, по предупреждению преступности, и в том числе преступности несовершеннолетних. Формирование данной программы мы видим в задействовании всех субъектов профилактики в вертикальной градации снизу вверх. А затем объединенные на уровне Министерства внутренних дел предложения органов и подразделений внутренних дел должны быть обобщены и впоследствии отражены в Государственной Программе предупреждения преступности Луганской Народной Республики на период до 2023 года.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам, что к особенностям криминологической характеристики преступности несовершеннолетних на территории обслуживания Стахановского ГУВД МВД ЛНР, прежде всего, следует отнести: увеличение роста процента раскрытых преступлений с 30,9% в 2016 году до 73,6% в 2017 году при сокращении количества возбужденных уголовных дел на 29%; увеличение абсолютного количества выявленных (зарегистрированных) преступлений, а именно: в 1,4 раза больше по сравнению с 2016 годом, количество краж личного имущества граждан несовершеннолетними (в том числе квартирных краж), в 2 раза больше, по сравнению с 2016 годом, количество незаконных завладений транспортными средствами, совершенными несовершеннолетними, в 1,3 раза больше, по сравнению с 2016 годом, количество грабежей, совершенными несовершеннолетними; сокращение коэффициента преступности несовершеннолетних в возрасте уголовной ответственности, на 0,02 по сравнению с показателем 2016 года за счет возвращения семей к местам своего постоянного жительства.

Знание особенностей криминологической характеристики преступности несовершеннолетних способствует разработке дифференцированных мер предупреждения правонарушений этой категории лиц, поскольку из анализа можно отметить тенденцию сокращения преступности несовершеннолетних на территории обслуживания Стахановского ГУДВ МВД ЛНР в

2017 году на 0,02% по сравнению с показателем 2016 года, однако с преобладанием умышленных имущественных преступлений в виде краж личного имущества граждан (в том числе квартирных краж), незаконных завладений транспортными средствами, грабежей.

При планировании предупредительной работы в отношении несовершеннолетних необходимо учитывать тот факт, что лица, совершающие противоправные действия в раннем возрасте, позже труднее поддаются исправлению, и в результате, составляют основной резерв для рецидивной преступности. Так, по результатам исследования А.А. Тайбакова, более половины (53%) преступников-рецидивистов свое первое преступление совершили в возрасте 14 – 16 лет 39% – в возрасте 17 – 18 лет[1]. И, наоборот, раннее принятие профилактических мер к подросткам, которые совершают мелкие правонарушения, в значительной мере позволяет не допустить формирования у них криминальной направленности.

С другой стороны, именно в отношении несовершеннолетних меры профилактики все же и оказываются эффективными. Находясь на стадии формирования личности, несовершеннолетние правонарушители лучше, чем взрослые, подвержены воздействию мер воспитательного характера, что позволяет устранить дефекты их социализации. Следовательно, решение проблемы предотвращения преступности несовершеннолетних должно рассматриваться на самом высоком государственном уровне, а гражданское общество в этом процессе должно занимать самую активную позицию во всех сферах человеческой деятельности. Вместе с тем, усилия государства и общества в направлении предупреждения преступности несовершеннолетних может быть результативным только при условии, если такая деятельность опирается на надлежащую теоретическую

[1] Тайбаков А. А. Проблемы предупреждения и профилактики корыстной преступности: учебное пособие. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000. – 51 с. (с. 41).

основу, неотъемлемой составляющей которой является криминологическая характеристика, учитывающая особенности этого вида преступности.

Литература:

1. Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля : сб. ст. / под ред. Я. И. Гилинского. – М. : ИС РАН, 1992. – 182 с.

2. Бельский А. И., Ягодин Р. С., Волков П. А. Предупреждение преступности несовершеннолетних //Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 2 (44).

3. Забрянский Г. И. Асоциальные группы несовершеннолетних: механизм формирования и классификация //Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2010. – № 1. – С. 50-58.

4. Розовский Б. Г. Исследование причин молодежной преступности, или чем наука химия отличается от алхимии // Молодь та злочинність: Кримінологічні дослідження: Вип. 7 / Луган. держ. ун-т внутр. справ ім. Е.О. Дідоренка; [Гол. ред. канд. філос. наук В.І. Поклад]. – Луганськ : РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2014. – С. 69-86.

5. Криминология / под ред. А. И. Долговой. – М. : Норма, 2003. – 843 с.

6. Тайбаков А. А. Проблемы предупреждения и профилактики корыстной преступности : учебное пособие. – Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000. – 51 с.

7. Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. – 4-е изд. – М. : Норма, 2009. – 800 с.

УДК 343.2

П.П. Фомин

ПРЕДМЕТ И ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы связи и разграничения предмета и признаков объективной стороны состава преступления. Автор отделяет предмет преступления от объективной стороны по призна-

кам преступного деяния в виде действия или бездействия, последствий, орудий и средств совершения преступления. Раскрывается содержание понятия преступного воздействия в виде действия и бездействия. Дается определение предмета преступления, указываются основные правила его определения. Рассматривается вопрос зависимости предмета преступления от разделения составов преступлений на материальные и формальные. Излагаются основные правила разграничения предмета преступления и орудий и средств его совершения. Особое внимание уделяется исследованию механизма преступного посягательства на объект путем непосредственного воздействия на предмет преступления.

Ключевые слова: *предмет преступления, объект преступления, объективная сторона преступления, преступное действие, преступное бездействие, орудия совершения преступления, средства совершения преступления, преступное посягательство.*

The article deals with the problems of communication and delimitation of the subject and signs of the objective side of the crime. The author separates the subject of the crime from the objective side by the signs of a criminal act in the form of an act or omission, consequences, tools and means of committing a crime. The content of the concept of criminal influence in the form of action and inaction is disclosed. The definition of the crime subject is given, basic rules for its definition are indicated. The issue of the dependence of the crime subject on the separation of the crimes into material and formal ones is considered. The basic rules for distinguishing the subject of a crime and the tools and means for its commission are set out. Particular attention is paid to investigating the mechanism of criminal assault on an object by directly influencing the crime subject.

Key words: *the subject of the crime, the object of the crime, the objective side of the crime, criminal action, criminal inaction, instruments of committing a crime, means of committing a crime, criminal assault.*

В науке уголовного права важными и до конца не исследованными остаются проблемы связи и разграничения предмета и признаков объективной стороны состава преступления. Важность их обусловлена, прежде всего, потребностью в четком отграничении предмета преступления от орудий и средств его совершения, поскольку остается спорной судьба материальных предметов, определенных в диспозициях отдельных статей Особенной части Уголовного кодекса Луганской Народной Республики.

Проблемам объекта и предмета преступления особое внимание уделялось в работах В.К. Глистина, М.И. Коржанского, В.Н. Кудрявцева, Б.С. Никифорова, Г.П. Новоселова, В.Я. Таций, Е.А. Фролова и других.

Отделяя предмет преступления от объективной стороны, нас интересуют не все признаки последней, а лишь деяние (действие или бездействие), последствия, орудия и средства совершения преступления. Первым признаком объективной стороны состава преступления, который взаимодействует с предметом в механизме причинения вреда, является преступное деяние (действие или бездействие). Чтобы лучше понять механизм причинения вреда объекту преступления путем воздействия на предмет преступления необходимо более детально раскрыть содержание понятия преступного воздействия в виде действия и бездействия.

Действие в уголовно-правовом смысле – это активный, волевой, сознательный акт внешнего поведения субъекта, который отражается в совершении общественно опасного посягательства, определенного уголовным законом. Такое действие является не только общественно опасным, но и противоправным, поскольку его совершение предусмотрено в уголовном законе. В действии как форме внешнего проявления общественно опасного поведения лица реализуется сила (энергия) мышечной системы человека и специфически отражается в предмете преступления (возникает ранение, травма, следы примененных средств и т.п.). Однако преступное действие не может быть сведено к действию мышечной системы человека – оно сопровождается психической деятельностью лица, которое тоже приобретает внешнее проявление [1, с. 51].

Отдельные преступления совершаются также сочетанием движений тела и слова (грабеж, разбой, вымогательство с угрозами применить насилие), но в любом случае действия виновного имеют свои особенности. Это темп (количество действий за определенный промежуток времени), сила, ритм во времени

и пространстве, применение орудий или средств совершения преступления и тому подобное.

В отдельных случаях закон в основу преступного действия закладывает его количественные характеристики. Во времени и пространстве преступное действие по форме проявления может быть одномоментным (нанесение удара, выстрел), действующим во времени и длящимся.

Бездействие – это пассивное поведение, его антиобщественная направленность заключается в том, что в определенных случаях лицо должно действовать, однако не делает этого. Обязанность действовать может вытекать из предписаний нормативных актов. Такая обязанность может быть обусловлена должностной или профессиональной деятельностью лица.

Однако мы считаем, что преступное посягательство (воздействие на предмет) в таких случаях совершается не действиями преступника, а именно его бездействием. При уклонении от уплаты алиментов на содержание ребенка предметом отношений, защищаемых уголовным законом, действительно может быть идея воспитания как социальная ценность, но предметом этого преступления являются средства, которые виновный обязан уплатить в качестве алиментов. Общественная опасность данного преступления состоит в том, что потребности ребенка недостаточно обеспечены из-за уклонения одного из родителей от уплаты средств на его содержание. Преступление совершается именно по поводу этих средств, а не с целью навредить ребенку.

Субъект может вызвать негативные изменения системы отношений, а, следовательно, нести за это последствие ответственность только в том случае, если он находился в данной системе и допустил нарушения такой деятельности, которая несла определенную функцию в системе. При этом преступное действие и бездействие могут чередоваться между собой. Примером такого нарушения может быть движение автомобиля при наличии «запрещающего» знака. Следующие материальные негативные последствия, вызванные непосредственно

этими действиями, следует рассматривать как результат изменения установленного порядка, поскольку он обусловлен взаимодействием нескольких субъектов соответствующей системы отношений, например системы дорожного движения. Таким образом, в системных отношениях действие оказывается тождественным бездействию.

Изложенное позволяет сделать вывод, что бездействие имеет одинаковый с действием психофизиологический и социально-психологический смысл. Бездействие – это нормативная категория, выражающая отношение субъекта к обязательному, общественно необходимому действию и обладающая информационными свойствами. Наличие определенных качеств и выражение определенных отношений является признаком активности. Таким образом, противоправное бездействие можно отнести к активной, а не к пассивной форме антиобщественного поведения.

Всестороннее выяснение содержания такого многогранного понятия, как преступное действие (бездействие) и объективных форм его проявления в значительной мере будет способствовать более глубокому исследованию механизма преступного посягательства на объект путем непосредственного воздействия на предмет преступления.

Действие является основной формой осуществления преступного намерения во времени и пространстве, и по своей физической сути преступные действия могут быть совершены путем физического воздействия, с помощью слова или жеста. Следовательно, воздействие на предмет преступления может быть не только физическим, но и психическим. При физическом воздействии на предмет, он может иметь проявление в повреждении, изъятии, создании или изменении вида.

Физическое воздействие (действие или бездействие) всегда направлено на предмет преступления, который служит специфической связью предмета с объективной стороной. Вред в сфере объекта преступления, считает Е.А. Фролов, наносится такими действиями преступника, как изъятие, уничтожение,

создание и видоизменение предмета. Психическое воздействие на центральную нервную систему жертвы имеет свое проявление при совершении таких действий, как принуждение, обман, склонение, угроза и тому подобное [2, с. 115].

Указанное дает основания утверждать, что одним из признаков предмета преступления является преступное воздействие на него в форме действия или бездействия. Такое воздействие может быть, как физическим, когда предметом преступного воздействия могут быть любые вещи, животные, органы или ткани человека, так и психическим, когда предметом такого воздействия может быть только центральная нервная система человека.

Другим интересным вопросом является характер воздействия на предмет преступления при осуществлении приготовления и покушения на преступление. Так, приискание или приспособление средств или орудий или иное создание условий для совершения преступления не является непосредственным воздействием на предмет преступления, а потому возникают вопросы: можно ли в этом случае признать наличие предмета преступления, ведь необходимым условием его существования является воздействие на него?

Ответ на поставленный вопрос предлагаем искать именно в субъективном моменте – желании преступника оказывать воздействие в виде действия или бездействия. Мы считаем, что не имеет значения: выполнил преступник все действия или нет, – он имел целью повлиять на предмет, но его действия вовремя были прекращены или ему не удалось свои действия довести до конца по причинам, не зависящим от его воли. Таким образом, предметом преступления в этих случаях следует признавать тот предмет, на который преступник намеревался повлиять (по поводу которого он совершал преступление), хотя фактически не повлиял.

Результатом преступного воздействия на предмет являются преступные последствия, которые, в некоторых случаях, непосредственно указывают на предмет преступления. Юридическая

энциклопедия трактует последствия преступления как вызванные преступлением (действием или бездействием) вредные изменения в объектах (социальных ценностях), которые охраняются уголовным законом [3, с. 562].

Следствием (преступным результатом) деяния принято также считать предусмотренный уголовно-правовой нормой материальный или иной вред, причиненный преступным деянием объекту посягательства. Ученые придерживаются мнения, что общественно опасные последствия можно определить как вред (ущерб), причиняемый преступным деянием общественным отношениям, которые охраняются уголовным законом, или же опасность (угрозу) причинения такого вреда [4, с. 118]. Из этого следует, что вред может причиняться общественным отношениям в целом, а не определенному элементу этих отношений.

В преступлениях, совершаемых путем воздействия на материальные предметы, преступные последствия, по мнению В.М. Кудрявцева, могут включать и третий, материальный элемент. Так, при преступном повреждении или уничтожении имущества нарушаются не только экономические отношения собственности и опосредованные ими правовые отношения, а также подвергается вредным изменениям и предмет преступления – материальная вещь [5, с. 55].

Рассматривая последствия совершения общественно опасного деяния, нельзя обойти вниманием вопрос зависимости предмета преступления от разделения составов преступлений на материальные и формальные. Эта зависимость имеет место, так как в большинстве случаев преступления с формальным составом, а иногда и с материальным, как нами было отмечено выше, не содержат прямого указания на причиненный вред объекту преступления. В этих случаях определение объекта и предмета преступления вызывает определенные трудности, а потому приводит к многочисленным дискуссиям. Отсюда некоторые преступления с формальным составом считаются «беспредметными».

Последствия преступного деяния могут заключаться в изменениях (качественных или количественных) не только в сфере общественных отношений, охраняемых уголовным законом, но и в предмете преступления. Последствия преступления могут непосредственно указывать на предмет преступления, который подлежит установлению в конкретном уголовном деле.

Предмет преступления необходимо отличать от орудий и средств совершения преступления, то есть от того, чем преступник воздействует на предмет преступления. В целом, единого мнения относительно орудий и средств совершения преступления среди ученых нет. К тому же, одни ученые считают, что к факультативным признакам объективной стороны следует отнести лишь орудия, другие – средства, а некоторые выделяют как орудия, так и средства совершения преступления. Такая ситуация только усугубляет проблему отграничения предмета преступления от указанных признаков объективной стороны.

Основное разграничение, по мнению Е.А. Фролова, между предметом преступления и орудиями и средствами должно проводиться по характеру использования вещей и других материальных предметов в процессе совершения преступления. Если это использование имеет «активный» характер, если предмет используется как средство воздействия на объект, удлиняющий или усиливающий руки человека, то перед нами орудия или средства совершения преступления. И наоборот, если вещь играет «пассивную» роль, если над ней совершаются действия, она так или иначе подвергается воздействию (уничтожается, изымается, изменяется и т.п.), то эта вещь должна признаваться предметом преступления [6, с. 196].

Основное расхождение между предметом и орудиями и средствами совершения преступления Е.А. Фроловым подмечено правильно, поэтому будет уместным использовать указанную терминологию и называть орудия и средства «активными» составляющими объективной стороны преступления, то есть такими, которые непосредственно осуществляют или облег-

чают воздействие на предмет преступления. В отличие от орудий и средств, предмет преступления предлагаем называть «пассивным» факультативным признаком объекта преступления, поскольку предмет преступления не может ни на что влиять, а только сам подвергается воздействию со стороны преступника.

Еще одной особенностью отграничения предмета от орудий и средств совершения преступления является то, что установление предмета преступления в большинстве случаев зависит от субъективного отношения преступника к совершаемым действиям. Если определенный состав преступления предполагает наличие предмета преступления, то, как правило, цель преступника направлена на осуществление определенного воздействия на этот предмет. Использование виновным орудий или средств совершения преступления редко связано с целью воздействия на них.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предмет преступления – это факультативный признак объекта преступления, который находит свое проявление в материальных ценностях (которые человек может воспринимать органами чувств или фиксировать специальными техническими средствами), по поводу которых и (или) путем непосредственного воздействия на которые совершается преступное деяние. Предмет имеет только ему присущие признаки: физический, социальный и юридический, на основании которых разработаны правила определения предмета преступления: 1) предмет преступления – это материальные ценности, которые фиксируются органами чувств человека или специальными техническими средствами; 2) предмет преступления является составной объекта преступления и неразрывно связан с общественными отношениями, которые охраняются уголовным законом; 3) предмет преступления связан с объективной стороной – по поводу предмета совершаются преступные деяния и (или) осуществляется непосредственное преступное воздействие на него, а также предмет отличается от «активных» признаков – орудий и средств

совершения преступления своей «пассивностью» и связью с объектом преступления; 4) предмет преступления связан с целью преступника определенным образом на него повлиять; 5) предмет преступления является факультативным признаком объекта преступления, если он определен в законе или логически вытекает из его содержания, – предмет становится обязательным признаком конкретного состава преступления.

Разграничивая предмет преступления и орудия и средства его совершения, следует соблюдать следующие правила: 1) орудия и средства всегда «активные» признаки преступления, то есть всегда используются преступником для достижения определенного результата; предмет преступления является «пассивным», – именно на него направлены действия преступника; 2) свойства предмета, как правило, предполагается использовать в более или менее отдаленном будущем, а особенности средств (орудий) всегда используются преступником непосредственно при совершении преступления; 3) если предмет преступления всегда указывает на те общественные отношения, которые охраняются уголовным законом, а также характеризуется преступным воздействием на него в виде действия или бездействия, то орудия и средства, наоборот, характеризуют действие преступника (с их помощью совершается преступление, усиливается преступное действие) 4) орудия и средства зависят от наличия предмета или потерпевшего от преступления (жертвы преступления) и, наоборот, предмет преступления не зависит от наличия тех или иных орудий и средств совершения преступления.

Литература:

1. Зюбанов Ю. А. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть (в определениях и схемах) : учебное пособие / Ю. А. Зюбанов ; науч. ред. Г. И. Загорский. – М. : Проспект, 2016. – 224 с.

2. Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность : дисс. … д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1971. – 575 с.

3. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / М. Ю. Тихомиров, Л. В. Тихомирова ; общ. ред. М. Ю. Тихомирова. – 5-е изд., доп. перераб. – М., 2006. – 972 с.

4. Сборник материалов Второй международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». – М. : Проспект, 2005. – 336 с.

5. Кудрявцев В. Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. – 1951. – № 8. – С. 51-60.

6. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. – Свердловский юридический институт. – Вып. 10. – Свердловск, 1969. – С. 184-225.

УДК 343.98

А.Г. Солодовников
Ю.Е. Шустова

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГРАФОЛОГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

В статье раскрывается понятие графологии как направления в криминалистике, ее связи с психологией и почерковедением. Рассмотрены история возникновения и развития графологии, а также причины, из-за которых она не нашла должного признания на постсоветском пространстве. Особое внимание уделено целесообразности и пользе от составления психологического портрета и правильного понимания психического состояния исполнителя документа. Очерчена важность комплексного исследования почерка для более точного и правильного составления психологической характеристики личности исполнителя. Выделены возможности применения графологии при подборе кадров в правоохранительные органы. Указаны особенности использования графологического метода исследования почерков потерпевшего, подозреваемого, свидетелей и неустановленного лица. Также акцентировано внимание на значимости использования графологических исследований при раскрытии преступлений. На примере изучения предсмертных записок показаны возможности графологического исследования, которое поможет установить психическое состояние, в котором на тот момент находился исполнитель рукописного текста.

Ключевые слова: *графология, графологическое исследование, графологические методы, почерк, почерковедение, криминалистика, психологический портрет.*

The article reveals the notion of graphology as a direction in forensic science, its connection with psychology and handwriting. The history of origin and development of graphology, as well as the reasons for which it did not find a proper recognition in the post-Soviet space are considered. Particular attention is paid to the feasibility and benefits of drawing up a psychological portrait and a correct understanding of the mental state of the document's executor. The importance of a comprehensive study of handwriting for a more accurate and correct compilation of the psychological characteristics of the performer's personality is outlined. The possibilities of using graphology in the selection of cadres for law enforcement agencies have been singled out. Specific features of using the graphological method of studying the handwriting of the victim, suspect, witnesses and an unidentified person are indicated. Attention is also focused on the importance of using graphological research in the detection of crimes. Using the example of studying dying notes, the possibilities of graphological research are shown that will help to establish the mental state in which the performer of the handwritten text was at that time.

Key words: *graphology, graphological research, graphological methods, handwriting, handwriting analysis, forensic science, psychological profile.*

Каждый человек неповторим и неподражаем. Его душа – это микрокосмос, Вселенная в миниатюре, неисчерпаемая в своем многообразии. Как известно, одним из ярчайших проявлений личности является почерк. Он может содержать в себе большое количество информации об исполнителе рукописного текста. О связи почерка и личности говорили многие ученые как современности, так и далекого прошлого. Например, еще в эпоху античности Аристотель говорил: «Как нет людей одинаково говорящих, так и нет людей одинаково пишущих» [1, с. 24].

Первым ученым, которым были предприняты первые попытки систематизировать известные на тот момент сведения в области исследования почерка, считается французский аббат

Жан-Ипполит Мишон. В своих работах он задавался вопросом: будут ли отражаться известные свойства и качества личности при определенных жизненных ситуациях и будут ли они выражаться одинаково у разных людей. Получив подтверждение своим мыслям, он начал работать над изучением особенностей почерка и его характерных черт. В 1871 он ввел понятие «графология». Мишон утверждал, что определенные признаки письма, которые указывают на свойства личности, следует выявлять, объединять и на их основе формулировать суждения о характере писавшего. Мишон в своей книге «Тайны письма» сравнивает графологию не с наукой, а с «ремеслом, рожденным из опыта» [1, с. 32].

К сожалению, в Советском Союзе графология не признавалась, считалась такой же лженаукой как астрология и хиромантия. В связи с этим только в последние годы XX века о ней снова стали говорить психологи, медики, криминалисты и т.д.

Как уже было сказано выше, изучение проблем характера человека путем изучения почерка занимается графология. Графология – это учение о почерке, исследование графических знаков и манеры письма с точки зрения отражения в почерке свойств и психических состояний пишущего [2, с. 11].

Графологический метод исследования находится на стыке между психологией и криминалистикой. Криминалисты и психологи шаг за шагом постигают тайны почерка и овладевают новыми знаниями. Изначально, почерк изучали лишь для установления личности исполнителя рукописного документа. Следующими действиями были разработки методик по определению возраста и пола исполнителя. Сегодня широко используются методики, позволяющие выявить по почерку различные психологические характеристики писавшего человека [3, с. 56].

Определенные признаки в почерке можно сравнить с синдромами в медицине. Если брать во внимание лишь один признак или синдром, то вероятность совершить ошибку будет крайне велика. Однако, если рассматривать их в комплексе,

принимать во внимание и другие характеристики письма, то такой анализ позволит сделать правильную психологическую характеристику исполнителя [3, с. 58].

Использование графологических методов является весьма актуальным на сегодняшний день. Перспективно проводить графологическое исследование при подборе кадров в правоохранительные органы. Ведь почерк отражает такие качества личности, например, как стрессоустойчивость, сохранение эффективности деятельности и мыслительных процессов при влиянии неблагоприятных факторов, которое так необходимо оперативным сотрудникам. Исследование почерка поможет выявить показатель тревожности, который может способствовать развитию психических заболеваний при постоянной работе сотрудника в сложных условиях и нестандартных ситуациях [4, с. 72].

Графологические методы исследования можно применять при составлении психологического портрета потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, неустановленного лица. Данные исследования позволят следователю выбрать правильную тактику при работе с перечисленными лицами. Даже при поверхностном анализе почерка можно определить психологическое состояние, открыт человек или он замкнут, напуган другими лицами или обстоятельствами. Это можно проверить следующим способом. Лицо в письменном виде описывает все, что происходило в день происшествия. После этого изучается наличие изменений на интересующих моментах, а также, если это возможно, сверяется с ранее сделанными записями.

Бывают случаи, когда преступники оставляют анонимные записки с угрозами. В такой ситуации специалисты помогают установить исполнителя текста, а если это не представляется возможным, то можно составить психологический портрет, что весьма может помочь в работе следователя.

Графологические исследования также будут полезны при раскрытии преступлений. Ярким примером может быть изучение предсмертных записок. Графология позволяет определить,

в каком эмоциональном состоянии находился исполнитель. Было ли это спонтанным решением, которое человек совершил в состоянии сильнейшего эмоционального напряжения, либо решение свести счеты с жизнью было им давно принято, он ожидал лишь подходящий момент. Во втором случае можно определить, возможные причины для подобного решения. Это могут быть либо депрессия, разочарование в жизни, невозможность обрести новый смысл жизни, либо целенаправленное доведение до такого состояния другим лицом или группой лиц, что уже является преступлением. Также можно определить добровольно или под давлением было оставлено послание [4, с. 83].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что графологию следует рассматривать как направление в почерковедении. Основная задача графологии состоит в том, чтобы установить по почерку психологическую характеристику исполнителя. Хотелось бы подчеркнуть, что в данном направлении криминалистики заложен большой потенциал для разработки новых методов исследования почерка, поскольку письмо не менее индивидуально, чем рисунок папиллярных линий. Потребуется немало времени, чтобы графология нашла свое место среди других средств и способов борьбы с преступностью и обеспечению безопасности государства в целом.

Литература:

1. Алесковский С. Ю., Комиссарова Я. В. Основы графологии. учебно-методическое пособие / С. Ю. Алесковский, Я. В. Комиссарова. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 216 с.

2. Чернов Ю. Г. Психологический анализ почерка: системный подход и компьютерная реализация в психологии, криминологии и судебной экспертизе / Ю. Г. Чернов. – М. : Генезис, 2011. – 463 с.

3. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика: учеб. пособие для студентов вузов / В. Ф. Орлова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012. – 160 с.

4. Ищенко Е. П. Поговорим о графологии. Почерк – зеркало души / Е. П. Ищенко. – М. : Проспект, 2015. – 216 с.

УДК: 343.98

Р.В. Башкатов
Н.А. Чугунов

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ВНЕШНОСТИ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

В настоящей статье рассматриваются проблемы осуществления криминалистических экспертиз, криминалистической регистрации в разрезе научно-созданной системы сбора, обработки, хранения и поиска криминалистической информации с целью последующего расследования и профилактики преступлений, аспекты эффективности криминалистической деятельности в современных условиях, а именно вопросы отождествления национальных признаков внешности в ходе проведения криминалистических экспертиз, их роль в процессе расследования преступлений. Существуют различные методы отождествления национальных признаков. И все они способны в определенных условиях помочь установить лиц, тем или иным образом причастных к преступлению. Подобного рода технологии и методики как нельзя лучше подходят при поиске пропавших без вести людей.

Ключевые слова: *криминалистика, отождествление национальных признаков, криминалистическая экспертиза, информация, сведения, оперативно-розыскные мероприятия.*

In this article, aspects of identifying national signs of appearance in the course of forensic examinations, their role in the investigation of crimes are considered. There are various methods of identifying national characteristics. And all of them are able in certain circumstances to help identify individuals who are somehow implicated in the crime.

Key words: *criminalistics, identification of national characteristics, forensic expertise, information, intelligence, operational and search activities.*

Эффективность криминалистической деятельности в современных условиях глобализации XXI века информационных технологий во многом определяется уровнем ее информационного обеспечения (качеством действий по выявлению и передаче криминалистически значимой информации в компетентные инстанции ответственным лицам, осуществляющим учетно-регистрационную, оперативно-розыскную, судебно-экспертную,

следственно-дознавательскую, судебную, надзорно-прокурорскую и другие виды деятельности, которые связаны с раскрытием, расследованием и профилактикой преступлений) [1, с. 315].

Криминальные сообщества не только совершенствуют свои технические возможности совершения преступлений, но и становятся в большей мере многонациональными в сравнении еще с недавним прошлым. Появляется ряд преступлений, которые в той или иной степени идентифицируются с определенными национальностями, например, терроризм. Как показывает практика, основополагающим направлением деятельности следственных и оперативно-розыскных структур является поиск и достоверная идентификация лица или лиц, причастных к совершению преступления. При этом часто приходится базироваться на показаниях свидетелей, очевидцев, которые могут описать внешний вид и какие-то особенности поведения человека. Речь может идти о фигуре, чертах лица, походке, одежде, даже особенностях поведения. Все эти нюансы могут быть положены в основу отождествления национальных признаков в ходе проведения криминалистических экспертиз. Все это основывается на науке «габитоскопия» – наука о внешнем облике человека.

Вообще, осуществление криминалистических экспертиз бывает крайне актуально в современном городе, где используется большое количество самых разнообразных средств фиксации – камеры наружного наблюдения, камеры мобильного телефона, видеорегистраторы. В обязанности эксперта входит в этом случае отождествление того или иного подозреваемого, свидетеля по определенным национальным признакам, что в дальнейшем существенно упрощает процесс поиска.

Первостепенное значение для определения национальности личности является оценка внешнего вида человека. Для решения этой задачи используются различные криминалистические методы и средства. Среди наиболее распространенных стоит выделить:

- словестный портрет;
- фотокомпозиционные портреты на основе субъективной информации;
- посмертные маски;

- восстановление лица человека по его черепу при помощи пластичных материалов;

- портретная экспертиза.

В целом криминалистическая регистрация представляет собой научно созданную систему сбора, обработки, хранения и поиска криминалистической информации для последующего расследования и профилактики преступлений.

Важно при этом, что к криминалистической регистрации относится система материальных объектов и фактическая регистрационно-учетная деятельность [2, с. 8].

Необходимо отметить, что отождествление национальных признаков внешности в ходе проведения криминалистических экспертиз, как инструмент следственной практики, к сожалению, используется крайне редко. Однако эта процедура может активно использоваться в самых разных ситуациях, таких как:

1. При розыске и задержании предполагаемых преступников, которые оставили на месте преступления определенные приметы. Именно они, как правило, попадают в руки следствия после первоначального осмотра места преступления.

2. При розыске и задержании лиц, которые по тем или иным причинам (как вариант, бежавшие из мест отбывания наказания, из-под следствия и так далее) скрывающиеся от правосудия.

3. Отождествление национальных признаков внешности в ходе проведения криминалистических экспертиз, зачастую, позволяет установить личность погибшего. Иногда подобного рода экспертизы могут быть активно использованы в случаях сложных дорожно-транспортных происшествий с большим количеством пострадавших. Также они будут актуальны при расследовании террористических актов.

4. Подобного рода технологии и методики как нельзя лучше подходят при поиске пропавших без вести людей.

5. Как это может показаться странным, но криминалистическая экспертиза по установлению личности, в том числе и по

национальным признакам, может быть актуальна для идентификации обвиняемого, подозреваемого или преступника во время следствия, судебного процесса и даже в местах отбывания наказания.

В настоящее время применяются локальные автоматизированные информационно-поисковые системы (АИПС), автоматизированные банки данных и картотеки, журналы (списки), фотоальбомы, коллекции, следотеки, альбомы, фонотеки и т.д. [3, с. 110].

Все идентификационные признаки внешности по национальному признаку утрировано можно разделить на следующие группы.

Во-первых, «общие». Речь идет о признаках, которые однозначно позволяют определить национальность человека. Предположим, если у опознаваемого лица имеются пейсы, то можно говорить о том, что это лицо еврейской национальности.

Во-вторых, «частные». Речь идет о менее значимых деталях национальных признаков.

В-третьих, «постоянные». Это те признаки, которые даются нам при рождении и, естественно, сопровождают всю оставшуюся жизнь. Они не могут поменяться, даже при наличии такого желания (исключением, пожалуй, можно назвать пластические операции).

В-четвертых, «временные». Эти признаки время от времени появляются и также исчезают. Это может быть волосяной покров, как вариант.

Литература:

1. Драпкин Л. Я. Криминалистика. – М., 2013. – 768 с.

2. Есин С. Н. Современные системы регистрации граждан и возможности их использования в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник криминалистики. – 2013. – № 3.

3. Железняк А. С. Основы криминалистической техники. – М. : МГИУ, 2014. – 210 с.

4. Осипов В. Л. Современные проблемы информационной безопасности России // Право. – 2014. – № 11.

УДК 343.132 (100)

Н.А. Олейник

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

Статья посвящена анализу деятельности органов расследования при вынесении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, так как показывает практика, большинство нарушений уголовно-процессуального закона происходит именно на первоначальном этапе привлечения лица в качестве обвиняемого, с момента вынесения данного постановления, а также выявлению типичных нарушений законности в ходе указанной деятельности и определению направления обеспечения законности по недопущению таких нарушений в дальнейшем. Это связано с тем, что успехи правоохранительных органов по борьбе с преступностью могут быть достигнуты только на базе существенного укрепления законности в ходе досудебного производства по уголовному делу. Очевидно, наступает тот критический момент, когда необходимо предпринимать действенные меры, направленные на обеспечение законности при привлечении лица в качестве обвиняемого.

Ключевые слова: *законность, подозреваемый, обвиняемый, следователь, расследование, преступление, виновность, доказательства, привлечение лица в качестве обвиняемого, предварительное расследование, презумпция невиновности, права.*

The article is devoted to the analysis of the activities of the investigative bodies on the issuance of the decree on the involvement of a person as an accused, as well as typical violations of the rule of law in the course of these activities and determine the direction of the rule of law to prevent such violations in the future.

Key words: *legality, suspect, accused, investigator, investigation, crime, guilt, evidence, involvement of the person as the accused, preliminary investigation, presumption of innocence, rights.*

Привлечение в качестве обвиняемого можно назвать своеобразным этапом стадии предварительного расследования, в котором осуществляется деятельность по принятию и оформлению решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, ознакомлении обвиняемого с решением, допросе обвиняемого по существу обвинения и избрании меры пресечения [1].

Следует признать, что сегодня деятельность правоохранительных органов, в том числе и органов предварительного следствия, зачастую является не идеальной, остро стоит вопрос с проявлением предвзятости, обвинительного уклона при проведении предварительного следствия, безразличия к судьбам людей, в связи с чем имеют место нарушения законности в деятельности следователя, в частности, на этапе привлечения лица в качестве обвиняемого. Данные нарушения приводят к постановлению оправдательных или обвинительных приговоров без достаточных к тому оснований, являются следствием принятия необоснованных решений о прекращении уголовных дел или причиной возвращения уголовных дел на доследование. В связи с чем вопросы обеспечения законности на этапе привлечения лица в качестве обвиняемого по недопущению таких нарушений в дальнейшем не утрачивают своей актуальности.

Различные аспекты привлечения лица в качестве обвиняемого представлены в научной литературе достаточно широко. Они были предметом изучения многих ученых, таких как: В.А. Азаров, А.С. Александров, Х.Д. Аликперов, А.М. Баранов, А.Д. Бойков, Б.А. Галкин, Л.В. Головко, В.Г. Даев, Т.Н. Добровольская, К.Б. Калиновский, В.В. Кальницкий, А.С. Кобликов, Н.Н. Ковтун, А.М. Ларин, Л.Г. Липник, П.А. Лупинская, А.Г. Маркушин, И.Б. Михайловская, Т.Г. Морщакова, В.С. Нерсесянц, И.Л. Петрухин, М.П. Поляков, Ю.С. Поспелова, В.М. Савицкий, А.В. Смирнов, М.С. Строгович, М.Е. Токарева, В.Т. Томин, А.В. Угольников, М.А. Чельцов-Бебутов, А.А. Чувилев, М.Л. Якуб и других. Однако недостаточно изученным остается вопрос обеспечения законности в деятельности следователя на этапе привлечения лица в качестве обвиняемого, это непосредственно влияет на состояние обеспечения прав обвиняемого и влечет за собой нарушение принципа законности в ходе предварительного следствия, в связи с чем необходимо определить причины таких нарушений и выделить основные направления обеспечения законности по недопущению таких нарушений в дальнейшем.

Привлечение лица в качестве обвиняемого является одной из основных задач процессуальной деятельности следователей. Как показывает практика, большинство нарушений уголовно-процессуального закона происходит на первоначальном этапе привлечения лица в качестве обвиняемого, с момента вынесения соответствующего постановления о привлечении.

В уголовно-процессуальном законодательстве ЛНР институт привлечения лица в качестве обвиняемого регулируется Главой 23 УПК ЛНР «Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения». В ч. 1 ст. 177 УК ЛНР данной главы содержится условие для вынесения постановления о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого: «при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления» [3]. Под «достаточностью доказательств» следует понимать совокупность доказанности факта совершения преступления и вины конкретного лица, то есть до вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого должна иметь место исходная база для вывода о том, что имело место преступление и должна подтверждаться виновность конкретного лица в его совершении.

Указание законодателя на наличие «достаточных доказательств» имеет большое значение, так как позволяет в любой момент проверить на чем основан вывод о наличии преступления и виновности лица в его совершении. Основанием привлечения лица в качестве обвиняемого следует считать не сами доказательства, а факт совершения преступления и вины конкретного лица, подтвержденный этими доказательствами [4, с. 24].

От правильного решения данного вопроса, который, как нам представляется, заключается в полном установлении доказательств, подтверждающих виновность лица в совершении преступления, будет зависеть своевременность, законность и обоснованность предъявления обвинения [5, с. 37].

Как справедливо отмечает А.В. Угольников: «Обвинение имеет своим содержанием формулирование выводов фактического и правового характера на основе полученных доказательств

путем мыслительной оценочной деятельности и закрепление этих выводов в соответствующем акте-решении. Процессуальная форма деятельности, направленной на формирование обвинения, носит сложный характер и включает в себя в качестве составных частей форму всех осуществляемых в ходе ее следственных и процессуальных действий» [2, с. 30].

Вынесение постановления о привлечение лица в качестве обвиняемого – это сложное процессуальное действие, которое является одним из итоговых процессуальных решений стадии досудебного расследования. Данный процессуальный документ может составляться следователем, при условии, если собрано достаточно доказательств и сторона обвинения имеет уверенность, что в результате проведенного досудебного расследования установлено лицо, совершившее преступление, процесс доказывания фактически завершен, полно и всесторонне установлены и исследованы обстоятельства, которые подлежат доказыванию в уголовном производстве.

В ходе привлечения лица в качестве обвиняемого существуют проблемные моменты по осуществлению следователем отдельных процессуальных действий. Это связано с тем, что на данной стадии составления постановления, кроме обобщения собранных по делу доказательств, следователь излагает в нем собственное мнение о виновности лица, которое сложилось у него в результате оценки тех фактических данных, которые имеются в материалах уголовного дела на момент принятия такого решения. То есть, если на этапе предварительного следствия не были отработаны все необходимые версии совершения преступления или материал собирался поверхностно либо следователь ограничился лишь признательными показаниями подозреваемого, то это влечет за собой нарушение законных интересов, прав и свобод лица, что является не только не законным, но и не допустимым. Доказательства, которыми апеллирует следователь при вынесении решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, должны быть достоверными, а их ко-

личество должно составить совокупность, позволяющую принять правильное решение. К моменту вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, должно быть доказано деяние по поводу которого ведется расследование: действительно ли оно имело место; совершено ли оно лицом, о привлечении которого в качестве обвиняемого решается вопрос; содержится ли в деянии этого лица состав конкретного преступления; отсутствуют ли обстоятельства, исключающие производство по делу и уголовную ответственность лица.

Кроме того, на стадии обвинения лица в преступлении нарушение законности проявляется в неполноте и односторонности расследования, что выражается: в недостаточной исследованности события; в недостаточной доказанности вины обвиняемого; в поверхностном изучении его личности и неполном подтверждении полученных результатов конкретными доказательствами; в неполном изучении характера и размера ущерба и не всегда достаточном их подтверждении доказательствами; в исследовании не всех вероятных версий, а лишь одной – наиболее «вероятной». К примеру, при производстве досудебного следствия имеют место такие нарушения, как назначение далеко не всех необходимых экспертиз, не всегда правильно и полно сформулированы вопросы перед экспертом; осмотры во многих случаях проводятся поверхностно, не все данные, имеющие доказательственное значение, бывают выявлены и зафиксированы в протоколе осмотра; допросы всех участников процесса во многих случаях следователи проводят поверхностно, не сразу устраняют противоречия в показаниях допрошенных лиц, что приводит к повторным, а иногда и к многократным допросам, более того имеют место случаи, когда подобные проблемы остаются, а следователи направляют дела в суд, надеясь, что там пробелы будут восполнены.

Также, обвинение не может основываться на доказательствах полученных незаконным путем и на предположениях, а должно базироваться на собранных и проверенных доказательствах, которые должны быть согласованы, взаимосвязаны между

собой, в системе доказательств не иметь внутренних противоречий и их оценка должна проводится по правилам установленным в законе и формировать у следователя внутреннее убеждение о наличии события преступления и его совершение конкретным лицом, а также уверенность в том, что сформулированное обвинение подтвердиться в ходе дальнейшего расследования, а потом будет несомненно доказано в суде. В случае, когда отдельные доказательства виновности лица в совершении преступления не согласуются с другими, следователь не должен принимать решение о привлечении лица в качестве обвиняемого. Проблемы расследования нередко являются следствием пренебрежительного отношения к правам и законным интересам участников уголовного процесса, в том числе часты нарушения права обвиняемого на защиту, что является одной из причин принятия необоснованного решения о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Нарушение фундаментальных конституционных прав и законных интересов, допущенные в отношении лица обвиняемого в совершении преступления по уголовному делу, на стадии привлечения лица в качестве обвиняемого исключают возможность справедливого рассмотрения и разрешения дела в суде в силу того, что совокупность этих нарушений делает невозможным нормальное отправление правосудия по делу, в том числе обеспечение права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод [6]. В наиболее общей форме эта концепция сводится к следующему: если обвиняющие власти серьезно нарушают основные права обвиняемого или фактически возбуждают уголовное производство исключительно или в основном на личностных основаниях, хотя и с созданием видимости (имитацией) соблюдения процессуальных норм, то суды не только имеют право, но и обязаны остановить производство по делу. В правовом государстве в подобных случаях предусмотрена возможность использования механизма судебного контроля посредством обращения в суд с ходатайством об остановке данного процесса, в связи со злоупотреблением по

причине невозможности достижения целей правосудия. Законодательство ЛНР предусматривает сходный механизм судебного контроля (ст. 128 УПК ЛНР).

На основании изложенного, исходя из гарантий, предусмотренных ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК ЛНР) уголовный процесс призван служить не только наиболее полной реализации своего предназначения, но и эффективному обеспечению реализации целей, изложенных в статье 3 Временного Основного Закона (Конституции) Луганской Народной Республики [7]. Решение этих задач требует не только строжайшего соблюдения законности в рамках производства по уголовному делу, но и реального, эффективного обеспечения прав и законных интересов всех участников данного процесса как всей совокупностью средств, имеющихся в распоряжении государства и общества, так и специфическими средствами уголовного судопроизводства (уголовным преследованием). Проблема обеспечения законности, прав, свобод и законных интересов личности в досудебном производстве неразрывно связана с проблемой оптимизации механизма правового регулирования и правового положения личности в уголовном процессе [1].

При формировании обвинения следователь должен учитывать, что любое нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина делает собранные доказательства недопустимыми. Это, в свою очередь, определяет неразрывную связь законного и обоснованного уголовного преследования с доказыванием и обеспечением прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, при производстве досудебного следствия органы предварительного следствия обязаны предоставлять стороне защиты в порядке ст. 56 УПК ЛНР, право знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, иными документами, которые

предъявлялись или должны были предъявляться подозреваемому; а также согласно ст. 205 УПК ЛНР право знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и с заключением эксперта, при несвоевременном ознакомление подозреваемого и его защитника, если он участвует в процессе, с постановлениями о назначении экспертиз или, если ознакомление с указанными постановлениями происходит уже после производства данных экспертиз при ознакомлении с результатами производства указанных экспертиз, то такие действия следствия лишают сторону защиты возможности поставить экспертам необходимые вопросы, что влечет за собой нарушение равенства сторон в части доступа к доказательствам и их собиранию.

Лишение подозреваемого и его защитника доступа к доказательствам, информации, которая необходима для подготовки и обоснования позиции защиты – еще одно существенное нарушение конституционного права обвиняемого лица на защиту.

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволил прийти к выводу о том, что пока виновность лица в совершении преступления не будет доказана, такое лицо считается не виновным (ст. 16 УПК ЛНР). Именно потому только после того, как органами предварительного следствия будут собраны все необходимые доказательства по делу и вина лица в совершении преступления полностью доказана, и при условии соблюдения права подозреваемого на защиту, следователь может выносить мотивированное постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, чем констатировать его виновность и с этого момента обвиняемый наделяется совокупностью дополнительных процессуальных прав. Главное назначение этого документа состоит именно в констатации виновности лица в совершении преступления и именно на этой стадии впервые происходит указание на преступление и лицо, его совершившее. Несмотря на констатацию виновности лица в совершении преступления на стадии предварительного следствия, это совершенно не противоречит принципу презумпции невиновности, так как сущность презумпции невиновности состоит не в том, что обвиняемый – это невиновный, а в том,

чтобы ни один невиновный не был поставлен в положение обвиняемого, то есть не был привлечен к уголовной ответственности.

По вынесению постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого следует предъявление обвинения. Оно производится не позднее трех суток с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В случае неявки обвиняемого или его защитника в назначенный следователем срок, а также в случаях, когда место нахождения обвиняемого не установлено, обвинение предъявляется в день фактической явки обвиняемого или в день его привода.

После ознакомления с постановлением следователь должен выяснить, понятно ли обвиняемому обвинение, и при необходимости разъяснить его сущность (ч. 5 ст. 178 УПК ЛНР).

Разъяснение обвиняемому существа предъявленного обвинения на практике вызывает некоторые затруднения, так как законодатель точно не определил каков порядок данного действия, а сторона защиты подчас использует непонимание обвинения подзащитным, как тактический прием выбранной и назначенной позиции, для затягивания предварительного следствия или в иных целях направленных на противодействие расследованию. При разъяснении сущности обвинения следователь должен учитывать данный факт, а также то, что непонимание обвинения может быть только в одном случае: когда обвинение не понятно ни обвиняемому, ни адвокату, если он участвует в процессе. Если обвинение непонятно обвиняемому, а адвокату это обвинение понятно, то адвокат обязан разъяснить суть обвинения своему доверителю. Это первейшая обязанность адвоката, несмотря на то, что такая же обязанность возложена законом, например, на следователя или судью. Адвокат должен разъяснять своему доверителю все сам. Если обвинение непонятно, то на наш взгляд целесообразно задавать вопросы о разъяснении обвинения при этом если в деле участвует адвокат, то именно он должен задавать вопросы, а не его доверитель. Такие вопросы должны задаваться непосредственно

следователю, а не в форме ходатайств о разъяснении, а если имеют место ходатайства о разъяснении сути предъявленного обвинения, то они могут быть «мотивированно» отклоненными. При этом, для обеспечения законности, такие вопросы стороны защиты и ответы на них должны быть занесены в протокол допроса обвиняемого. Если следователь, например, отказывается заносить такие вопросы стороны защиты и ответы на них в протокол, то получается, что следователь отказывается разъяснять суть обвинения, чем нарушает права обвиняемого.

Согласно ст. 178 УПК ЛНР выполнение этих действий удостоверяется подписями обвиняемого, его защитника и следователя на постановлении о привлечении в качестве обвиняемого с указанием даты и часа предъявления обвинения. Если обвиняемый отказывается от подписи, то следователь вносит соответствующую запись в постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого вручается обвиняемому и его защитнику, а также направляется прокурору.

Каждое отдельное действие, составляющее сущность деятельности по привлечению лица в качестве обвиняемого, должно постоянно быть предметом прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля, поскольку в данном случае требуется обеспечение прав и свобод человека и гражданина, и должно подвергаться оценке, как руководителем следственного органа, так и прокурором с точки зрения законности и обоснованности, а принятые при этом решения – также и с позиции мотивированности.

Однако необходимо отметить, что оценка законности данной деятельности, осуществляемая не только с юридической, но и с фактической стороны, может осуществляться лишь на основании направляемой прокурору копии постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, что сделать ему фактически невозможно. При этом прокурор должен направить руководителю следственного органа мотивированное требование о представлении дополнительных материалов, обосновывающих законность, обоснованность и мотивированность

принятого решения. Не понятно, как это может сделать прокурор (составить мотивированное требование), не имея материалов уголовного дела. Ввиду чего прокурорский надзор и ведомственный контроль не всегда достаточно полно гарантируют законность принимаемых следователями и дознавателями решений при производстве по уголовному делу. С учетом изложенного можно утверждать, что ответственность за законность принимаемых следователем решений фактически полностью возлагается на него. Одной из причин этого является непоследовательное законодательство, не успевает нарабатываться устойчивая практика применения уголовно-процессуальных норм и стандарты режима законности.

Подводя итог, нужно отметить, что правильное решение вопроса о привлечении лица в качестве обвиняемого обеспечивает законность и охрану интересов общества, прав и свобод граждан.

Таким образом, необходимо определить основные направления обеспечения законности при привлечении лица к уголовной ответственности. К ним относятся следующие положения: 1) обвинение должно быть проверено во время уголовно-процессуального доказательства вины лица; 2) обвинение не должно быть предположением следователя, основанным лишь на его уверенности; 3) обвинение должно быть сформулировано и проверено в совокупности со всеми доказательствами, вместе с версией про невиновность лица, о непричастности его к совершенному преступлению, что должно полностью соответствовать презумпции невиновности; 4) обвинение не должно базироваться на доказательствах, полученных незаконным путем; 5) признание обвиняемого своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу; 6) на протяжении всего досудебного следствия должно в полной мере обеспечиваться право на защиту лица привлекаемого к уголовной ответственности; 7) обвинение лица в совершении преступле-

ния должно быть сформулировано в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого; 8) с целью обеспечения обвиняемого права на защиту, после вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, при непонимании им существа предъявленного обвинения, обвинение должно быть разъяснено обвиняемому с обязательным занесением такого разъяснения в протокол допроса обвиняемого; 8) процедура привлечения лица в качестве обвиняемого должна быть предметом прокурорского надзора, ведомственного и, при необходимости, судебного контроля, поскольку в данном случае требуется обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

1. Поспелова Ю.С. Обеспечение законности уголовно-процессуальными средствами при раскрытии и расследовании преступлений: автореферат дис. к.ю.н. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2011 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://lawtheses.com/obespechenie-zakonnosti-ugolovno-protsessualnymi-sredstvami-pri-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy#ixzz5CreAyXfj.

2. Угольников А.В. Деятельность следователя по привлечению лица в качестве обвиняемого // Молодой ученый. Международный научный журнал. – 2016. – № 25.1 (129.1). – С. 29-30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/Admin/Desktop/привлеч%20лица%20обвиняемым/moluch_129.1.pdf.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1873/.

4. Обеспечение социальной законности в деятельности следственного аппарата органов внутренних дел: методические рекомендации. – Волгоград, 1989. – 67 с.

5. Липник Л. Г. Привлечение в качестве обвиняемого: вопросы теории // Российский следователь. – 2006. – № 9. – С. 37-41.

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 № ETS N 005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf

7. Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1873/.

УДК 343.985

А.А. Медведчук

ИНФОРМАЦИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

В статье рассматривается вопрос определения понятия «информация», поскольку она является одним из фундаментальных понятий современности. Автором анализируется научные труды знатоков специфики оперативно-розыскной деятельности в правоохранительных органах.

Формирование понятия «информация» из таких понятий, как сведения, сообщения, данные и знания, позволяет более целенаправленно применить современные технические средства и компьютерные технологии для получения, обработки и анализа оперативно-розыскной информации в целях раскрытия и расследования преступлений. Именно это является первым и самым существенным качеством оперативно-розыскной информации.

Ключевые слова: *информация, оперативно-розыскная деятельность, правоохранительные органы, взаимодействия данных, учет, анализ, обработка, сведения, сообщения, поиск информации.*

The article deals with the definition of the concept of «information», because it is one of the fundamental concepts of modernity. The author analyzes the scientific works of experts on the specifics of operational-search activity in law enforcement agencies.

Formation of the concept of «information» from such concepts as information, messages, data and knowledge allows more purposeful application of modern technical means and computer technologies for obtaining, processing and analyzing operational-search information for the purpose of disclosure and investigation of crimes. This is the first and most essential quality of operative-search information.

Key words: *information, operational-search activity, law enforcement agencies, data interactions, accounting, analysis, processing, information, messages, information search.*

Как известно, получение информации субъектами оперативно-розыскной деятельности является одним из условий успешного выполнения поставленных перед ними задач. Таких как поиск и фиксация фактических данных о противоправных деяниях отдельных лиц и групп, выявление и установление лиц, которые совершают или совершили преступление, оперативно-розыскное сопровождение уголовного производства и т.д.

Вместе с тем, в текущей деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в контексте получения информации встречаются отдельные факты потери оперативно значимых сведений, несвоевременный обмен данными или ошибочного их использования. Прослеживаются несогласованность действий, непродуманность, не отлажен взаимный обмен в реализации полученных данных и другие организационные неувязки, которые подвергаются критике на оперативных совещаниях в ОВД.

В научной плоскости проблеме получения информации подразделениями органами внутренних дел, во время предупреждения, выявления и пресечения преступлений посвятили свои работы такие ученые как А.М. Балашов, В.В. Баранов, Д.В. Гребельский, Э.А. Дидоренко, А.Ф. Долженков, Г.А. Душейко, Г.К. Синилов, В.М. Черепанов, В.А. Черков, А.Н. Чистолинов, Ю.В. Чуфаровський, К.К. Ермаков и др. Отдельные аспекты информационного обеспечения субъектов оперативно-розыскной деятельности рассматривали Д.А. Бабичев, Б.И. Бараненко, В.П. Меживой, В.В. Петренко, М.А. Погорецкий и др. Впрочем при отсутствии комплексного освещения особенностей получения информации оперативными подразделениями органов внутренних дел юристами и специалистами различных отраслей знаний не выработано единого подхода к пониманию понятия «информация».

Проведенный анализ литературных и нормативных источников позволил установить, что в этимологический интерпретации «информация» означает разъяснение, изложение; то есть

речь идет о сведениях (или их совокупности) о предметах, явлениях и процессах окружающего мира.

В той или иной сфере человеческой деятельности или познания существуют свои толкования понятия «информация». Так в «Толковом словаре русского языка», понятие информации толкуется как:

а) сведения об окружающем мире и существующих в нем процессах воспринимаемых человеком, или с помощью специальных приспособлений;

б) сообщение, осведомленность о положении дел;

в) совокупность наследственных признаков, которые передаются от клетки к клетке (по генетике) [1].

Рассмотрим еще несколько наиболее распространенных толкований информации. По Д.А. Поспелову информация:

- набор символов, графических сигналов, несущих определенную смысловую нагрузку;

- отображение реального мира с помощью сведений (сообщений);

- сведения о чем-либо или о ком-либо, представленные в виде знаков и символов [2].

По определению С.В. Симоновича информация – это продукт взаимодействия данных и методов [3].

Известно, что в самом широком смысле информацией является указание некоторой формы связей или зависимостью объектов, явлений, умственных процессов. Исследуя, например, роль информации в управлении, А. Мамиконов пишет, что понятие «информация» может толковаться как некоторая совокупность сведений (сообщений), предопределяющих меру наших знаний о тех или иных событиях, фактах и их взаимоотношения [4, с. 83].

Следует отметить, что в научной литературе можно встретить десятки попыток дать определение информации. Однако подавляющее большинство авторов признает, что исчерпывающего определения информации предоставить невозможно, потому что в каждой научно-прикладной ситуации ее определение имеет «свое лицо» и выполняет свои функции.

Во многих философских трудах находит развитие тезис относительно понимания информации как некоторой фундаментальной субстанции, которая находится в одном ряду с материей и энергией, или превалируют понятия о том, что информационные взаимодействия – это определенные формы процессов или их отражение, которые присущи не только материальному, но и духовном миру.

Приведенные и другие толкования информации не были оставлены без внимания специалистов по проблемам функционирования органов внутренних дел. Более того, в фундаментальных трудах по информатике традиционное понятие «информация» вводится как аксиома, принимается базовым, с его помощью строится описание информационных процессов, которые включают, например, процессы получения, обработки и передачи данных или процессы управления [5, с. 12].

Такие общенаучные категории как информация, информатика, информатизация, системы информации, автоматизированные информационно-поисковые системы (АИПС) и компьютерно-информационные подсистемы (КИП), которые впоследствии заменили термин АИПС, информационный подход и другие, с 60-х годов прошлого века нашли свое место в юридической науке и правоохранительной деятельности, а также в уголовном судопроизводстве.

Сложность, специфика и разнообразие подходов обусловлено существованием достаточно большого количества толкований понятия информации. Специалисты сходятся во мнении о трех наиболее распространенных концепциях, каждая из которых определяет сущность информации.

Первая, вероятностная концепция К. Шеннона – отражает количественно-информационный подход, определяет информацию как меру неопределенности (энтропию) события. Количество информации в том или ином случае зависит от вероятности его получения: чем более вероятным является сообщение, тем меньше информации содержится в нем [6].

Этот подход, не учитывая смысловую сторону информации, стал полезен в вычислительной технике и послужил основой для измерения информации и оптимального кодирования сообщений. Кроме того, он представляется удобным для иллюстрации такого важного свойства информации, как новизна, неожиданность сообщений.

Иными словами мы можем сказать, что в этом смысле информация – это результат выбора из набора возможных альтернатив, своего рода неопределенность, которая получена путем снятия с носителя информации.

Вторая концепция атрибутивная – рассматривает информацию как обязательное свойство (атрибут) материи. Ее появление связано с развитием кибернетики и основано на утверждении, что информацию содержат любые сообщения, воспринимаемые человеком или приборами. Наиболее ярко эта концепция информации выражена академиком В.М. Глушковым. Он писал, что «информацию несут не только испещренные буквами листы книги или человеческая речь, но и солнечный свет, складки горного хребта, шум водопада, шелест травы» [7, с. 5].

Можно сделать вывод, что в данной концепции информация как свойство материи создает представление о ее природе и структуре, упорядоченности и разнообразии. Информация не может существовать вне материи, а значит, она существовала, и будет существовать вечно, ее можно накапливать, хранить и перерабатывать.

Третья концепция семантическая (смысловая) – основана на логико-семантическом подходе (семантика – изучение текста с точки зрения его содержания), при котором информация трактуется как знание, причем не любое знание, а та его часть, которая используется для ориентировки, для активного действия, для управления и самоуправления. Информация должна иметь смысл. Иными словами, информация – это действующая, полезная часть знаний.

Представитель этой концепции В.Г. Афанасьев, развивая логико-семантический подход, дает определение социальной

информации: «Информация, циркулирующая в обществе, используемая в управлении социальными процессами, является социальной информацией. Она представляет собой знания, сообщения, сведения о социальной форме движения материи и о всех других формах в той мере, в какой она используется обществом...» [8, с. 56].

В данной концепции, по мнению авторов, информация является содержанием логического мышления, воспринимается с помощью услышанного или прочитанного слова и может быть использована людьми в их деятельности.

По нашему мнению из множества определений информации одним из самых удачных в общем смысле считается следующее определение: информация – это сведения, снимающие неопределенность об окружающем мире, которые являются объектом хранения, преобразования, передачи и использования.

Информация не является ни энергией, ни материей, как что-то материальное, в этом и есть ее особенность. В кибернетическом смысле информация – это отражение одного объекта в другом, используемое для формирования управленческих действий. Информация в управлении и самоуправлении опирается на наличие связи между объектами системы, источниками информации, и ее получателями.

Обмен информацией происходит не между любыми объектами, а только между теми, которые представляют собой систему, обладающую определенным минимумом организованности. В целом возникновение и развитие теории информации, а также кибернетики и информатики, стало научным подтверждением теории отражения и способствовало дальнейшему ее развитию [9].

Несмотря на то, что с понятием информации мы встречаемся ежедневно в своей повседневной жизни, однозначного ее определения до сих пор не существует, поэтому обычно вместо определения используют понятие об информации в определенной сфере жизни.

Средства компьютерной (вычислительной) техники отмечаются способностью обрабатывать информацию автоматически, без участия человека. Эти средства могут работать с искусственной, абстрактной и даже с ложной информацией, не имеющей объективного отражения ни в природе, ни в обществе.

Учитывая вышеизложенное, можем сказать, что информация – это продукт взаимодействия данных и адекватных им методов. Согласно второй концепции информация рассматривается как свойство материи. При этом утверждается, что информация содержит любые сообщения, которые воспринимаются человеком или приборами.

Дальнейший анализ научных трудов знатоков специфики правоохранительных органов дал возможность установить, что большинство авторов, руководствуясь базовыми определениями, а также собственным опытом работы в подразделениях органов внутренних дел, выводят свое определение, так по А.С. Овчинскому: информация – это то содержание сообщений, составляющих сведений о чем-либо или о ком-либо, компоненты знаний, которые интерпретированы, исходя из преследуемой цели и решаемых задач [5, с. 16].

Отметим, что это определение не противоречит ни правовому определению информации как сведения, ни определению информации, которое применяется в учебном процессе (то есть как содержание сообщений), ни общенаучному определению информации как «нового знания».

Следовательно, информация является одним из фундаментальных понятий современности. Без информационных процессов немыслима социальная жизнь. Информационные технологии являются основой современной цивилизации – информационного общества. Но если информационные влияния, процессы и технологии мы явственно ощущаем в практической жизни, то информация остается загадочной субстанцией, понятие которой не удается однозначно определить [5, с. 13].

В практической деятельности оперативные работники оперируют конкретными данными, нужными сведениями, необходимыми знаниями, но суть информации как фундаментального понятия состоит именно в том, что она является квинтэссенцией, получаемой после той или иной интерпретации, обработки и анализа этих данных, сведений и знаний.

Признавая научную обоснованность каждого из рассмотренных подходов, учитывая сущность и содержание понятия «информация», нами усматривается, что именно учет этих обстоятельств, то есть формирование общего понятия «информация» из таких понятий, как сведения, сообщения, данные и знания, позволяет более целенаправленно применить современные технические средства и компьютерные технологии для получения, обработки и анализа оперативно-розыскной информации в целях раскрытия и расследования преступлений. Именно это является первым и самым существенным качеством оперативно-розыскной информации.

Литература:

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцов. – М. : ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. – 1376 с.

2. Информатика: Энциклопедический словарь для начинающих / ред. Д. А. Поспелов. – М. : Педагогика-Пресс, 2013. – 352 с.

3. Симонович С. В. Общая информатика / С. В. Симонович. – М.: СПб. : Питер, **2011**. – 428 с.

4. Мамиконов А. Г. Управление и информация. – М. : Наука, 1975. – 184 с.

5. Овчинский А. С. Информация и оперативно-розыскная деятельность : монография. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 97 с.

6. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / Клод Шеннон. – М. : Издательство иностранной литературы, 1963. – 324 с.

7. Глушков В. М. Основы бумажной информатики. – 2-е изд., испр. – М. : Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. – 552 с.

8. Афанасьев В. Г. Общество, управление, информация. Опыт системного подхода. – М. : Кн. Дом ЛИБРОКОМ , 2013. – 201 с.
9. Плинатус А. А. Сборник лекций по курсу «Информатика». – М., 1996.

УДК 343.102.

П.А. Корж

ПРИНЦИПЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИХ ИЗЛОЖЕНИЯ

В статье предлагается системный анализ принципов оперативно-розыскной деятельности как с точки зрения их правовой природы, так и с точки зрения технико-юридических особенностей их изложения в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Предлагается вывод о системе нормативного закрепления принципов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, принципы права, преамбула, законность, конспирация.*

The article offers a systematic analysis of the principles of operational-investigative activity from the point of view of their legal nature, and from the point of view of technical and legal features of their presentation to the Federal law «About operatively-search activity». Proposed conclusion on the system of normative consolidation of the principles of operative-investigative activities.

Key words: *operational-investigative activity, law principles, preamble, rule of law, a conspiracy.*

Уже первоначальный взгляд на Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ ОРД) [5] позволяет говорить о т.н. смешанном характере указания на принципы. Во-первых, четыре базовых принципа оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) изложены в специально выделенной для этого третьей статье закона, которая так и называется – «Принципы оперативно-розыскной деятельности». Во-

вторых, это указание на принципы непосредственно в тексте закона. Так, например, принцип привлечения конфидентов раскрывается в статьях 15 (пункт 2), 17 и 18 ФЗ ОРД. В-третьих, и это редкий для современной законодательной техники прием отражения принципов, – путем создания преамбулы закона.

Вообще, вплоть до настоящего времени со страниц юридических журналов не сходит дискуссия относительно важности преамбулы для текста нормативно-правового акта [*напр.*: 7, с. 49; 12, с. 3; 15, с. 243]. Не вдаваясь в дискуссию, хотелось бы отметить, что преамбула является важным эмоциональным посылом нормативного акта, заключающим в себе его основную суть. С другой стороны, формулирование преамбулы, как краткого отражения предмета и принципов правового регулирования требует не только понимания этой глубинной сути нормативного акта (и ее наличия вообще), но отличного владения как языком, так и технико-юридическим аппаратом. В связи с чем, наверное, преамбулы и стали дефицитным элементом правотворчества…

Надо отметить, что преамбулу, как и структуру, и большую часть текста, ФЗ ОРД сохранил от своего предшественника – Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в РФ» [6]. В связи с ее краткостью позволю себе цитату: «*Настоящий Федеральный закон определяет содержание оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, и закрепляет систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий*».

Таким образом, в двадцати словах изложены: предмет правового регулирования, действие закона в пространстве, а также один из важнейших правовых принципов – принцип законности. Американский судья, автор прикладных технико-юридических исследований Марк Пейнтер (Mark Painter) правильно указывает: «*Не начинайте писать, пока у вас не будет краткого изложения сути дела. Вы должны объяснить суть в 50-75 словах. Если вы этого не можете, то вы и сами не понимаете сути дела, и ее не поймет и читатель*» (перевод мой – ***П.К.***) [16, P.12].

Необходимо обратить внимание, что о законности законодатель указывает не просто как о принципе, но как о системе гарантий. И здесь необходимо еще раз вспомнить, что преамбула была позаимствована из Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в РФ», принятого в 1992 году, в разгар «перестройки», когда на первые места выдвигались политические и общественные деятели, всячески демонстрирующие себя жертвами преследования со стороны правоохранительных органов СССР и прежде всего органов государственной безопасности. Тогда же снова стали популярны «страшилки» о «тридцать седьмых» годах с типовым ярлыком «периода нарушений законности». Поэтому, с точки зрения авторов, под системой гарантий законности, очевидно, прежде всего, понимались гарантии обществу от тоталитарной системы контроля спецслужб.

С другой стороны, формулировка получилась удачной, поскольку отражает и другую сторону законности – гарантии правомерности оперативно-розыскных мероприятий с точки зрения их осуществления правоохранительными органами. Ведь содержание законности для должностного лица выражается формулой «запрещено все, что прямо не разрешено законом». Соответственно и появляется закон, регламентирующий конспиративные мероприятия, работу с конфидентами и пр., что становится правовым закреплением оперативной деятельности.

Таким образом, важнейший принцип ОРД закрепляется даже не в основном тексте закона, а еще в его преамбуле. В дальнейшем тексте, непосредственно принципам посвящена статья третья. В ней указываются четыре принципа, два из которых являются межотраслевыми (конституционно-правовыми, как это правильно указано и в законе), а два – специальными. В качестве конституционно-правовых, во-первых, снова указывается законность, но уже не столько как система гарантий, а как принцип. Другим межотраслевым принципом указан принцип «*соблюдения прав и свобод человека и гражданина*».

Как мы полагаем, именно данный принцип было бы целесообразней указывать первым, в т.ч. и в преамбуле. Несмотря на то, что ряд исследователей полагают, что все принципы ОРД самостоятельны, среди них нет главных и второстепенных [9, с. 26], принцип соблюдения прав и свобод человека является краеугольным камнем в системе правового государства. Прежде всего, это связано с тем, что в соответствии со ст. 2 Конституции РФ [1], человек, его права и свободы признаются **высшей** ценностью государства, именно их защита является важнейшей целью государства. Соответственно и принцип ОРД, основанный на этой цели, является основным и системообразующим. Этот принцип закрепляет механизм обеспечения верховенства права [11, с. 294]. И одним из основных элементов этого механизма выступает именно принцип законности. Поэтому и можно говорить о некоторой подчиненности принципа законности принципу приоритета прав и свобод человека. Именно поэтому принципу приоритета прав и свобод дается дальнейшая детальная расшифровка в статьях 5 и 9 ФЗ ОРД.

Но, как и принцип законности, принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина имеет две стороны. Во-первых, это общегуманистический принцип направленности государственной политики в сфере защиты прав человека. И здесь можно говорить об объективной потребности и социальной обусловленности оперативной работы, подтвержденной историческим опытом и направленной на защиту интересов общества и подавляющего большинства его граждан от преступных посягательств [13, с. 52]. Именно на это указывает законодатель в дефиниции ОРД, приводимой в ст. 1 ФЗ ОРД, указывая защиту прав и свобод человека и обеспечение безопасности общества и государства в целом, в качестве основной цели оперативно-розыскных мероприятий.

Во-вторых, это первичность прав и свобод также и тех лиц, в отношении которых проводятся оперативные мероприятия. И с этой точки зрения на первое место выступают такие консти-

туционные права человека и гражданина, имеющие преимущественное положение в системе права, как право на достоинство личности, на неприкосновенность, на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц, на частную собственность. Соблюдение этих прав первично по отношению к оперативным интересам, как первична Конституция РФ по отношению к Федеральному закону. С одной стороны, это затрудняет проведение оперативных мероприятий, связанных с раскрытием или профилактикой преступлений. С другой стороны, страхует и общество, и государство, от злоупотребления должностными лицами своими полномочиями. Естественно, с учетом соблюдения требований разделения властей и обеспечения независимости судебной системы.

В последующем тексте ст. 3 ФЗ ОРД рассматриваются отраслевые принципы конспирации и сочетания гласных и негласных средств и методов.

Принцип конспирации закрепляется в ст. 3 ФЗ ОРД, а в дальнейшем раскрывается на протяжении всего закона (в ст.ст. 8, 10, 11 12 и т.д.). Конспирация (от лат. *Conspiratio* – тайное соглашение, сговор, заговор) [10, с. 245] предусматривает, прежде всего, тайность проведения оперативно-розыскных мероприятий. Сами мероприятия, тактика их проведения и полученные результаты особо защищены законом и закрыты соответствующими уровнями допуска к таким сведениям. И это делается не только с точки зрения сохранения в тайне организационно-тактических форм оперативной деятельности, но и для обеспечения презумпции невиновности лиц, в отношении которых ведется оперативная работа. То есть, конспирация позволяет избежать необоснованной и преждевременной компрометации лиц, подозреваемых в совершении преступления, когда оперативно-розыскные мероприятия проводятся на основании непроверенной или противоречивой информации [8, с. 76].

Принцип сочетания гласных и негласных начал, по своей сути, логически продолжает принцип конспирации. Если принцип конспирации устанавливает (с точки зрения законности)

правомерность защиты информации об оперативно-розыскных мероприятиях, то принцип сочетания гласных и негласных начал позволяет разграничить информацию общедоступную (например, анализ открытых источников как тактический прием ОРД) и секретную, вводя, тем самым, контроль над проведением ОРД, что, в последующем, реализуется через, например, судебный контроль и прокурорский надзор. То есть, общество, в лице государства, получает возможность контролировать соблюдение прав и свобод человека при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. Этот принцип также нашел свое отражение в дефиниции в ст. 1 ФЗ ОРД как сочетание форм оперативной работы.

С другой стороны, введение этого принципа отграничивает ОРД от следственных действий, которые всегда гласные, открытые и, в ряде случаев, непосредственно контролируются обществом через институт понятых [4]. Как следствие, разграничиваются результаты следственных действий – доказательства, от результатов оперативно-розыскных мероприятий – фактических данных, сведений и пр., которые самостоятельными доказательствами не являются. И в конечном счете, разграничиваются следственная работа и ОРД как самостоятельные формы борьбы с преступностью.

Иные принципы ОРД, как уже упоминалось выше, указаны в тексте закона. При этом, в ряде случаев можно говорить уже не столько о принципах, сколько о средствах ОРД, хотя большинство авторов настаивают на именовании их принципами [*напр.*: 8, с. 78; 14, с. 24].

В частности, в этом ключе, можно говорить о принципе привлечения конфидентов (п. 2 ч. 1 ст. 15, ст. 17, ст. 18 ФЗ ОРД). Этот принцип характерен именно для ОРД и непосредственно вытекает из принципа конспирации такой работы и ярко демонстрирует принцип негласных начал в ОРД. Но, скорее, это уже не столько принцип, как основополагающее начало, ключевая идея науки оперативно-розыскной деятельности, сколько

средство, форма осуществления ОРД в виде оперативно-агентурных мероприятий.

Важным является принцип оперативности (наступательности), отраженный законодателем в ст. 2, п. 1 ст. 14 ФЗ ОРД. Не вдаваясь в его формулировку, тщательно разработанную в отечественной науке [*напр.*, 14, с. 22], отметим принадлежность этого принципа ко всем формам осуществления ОРД, когда данные мероприятия направлены не только и не столько на раскрытие произошедшего преступления, но на профилактику преступного поведения. И если следственные действия направлены именно на расследование и раскрытие преступления, а их роль в профилактике связана с выявлением причин и условий совершения преступлений, то ОРД имеет основной целью именно профилактику. Что осуществляется посредством гласных и негласных методов при неукоснительном соблюдении конспирации.

Также авторами отдельно выделяются принцип осуществления ОРД только специально на то уполномоченными органами, вытекающий из принципа законности (ст. 13 ФЗ ОРД); принцип ведомственного контроля, вытекающий из принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина и принципа сочетания гласных и негласных начал (ст.ст. 20, 21 ФЗ ОРД); и ряд других.

Необходимо отметить, что принципы ОРД не ограничиваются принципами, непосредственно указанными в ФЗ ОРД. В систему принципов оперативно-розыскной деятельности также включаются и межотраслевые принципы, указанные в иных нормативных актах. И прежде всего, это конституционно-правовые принципы, среди которых можно выделить:

- принцип презумпции невиновности, корреспондирующий, как указывалось выше, к принципу конспирации;
- принципы неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, неприкосновенность жилища, и связанная с ними система обеспечения гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, указанная в ст.ст. 8, 9, 11 ФЗ ОРД;

• принцип идеологического многообразия, закрепленный в ст. 13 Конституции РФ, корреспондирующий к требованиям абзацев 1, 2 ч. 8 ст. 5 ФЗ ОРД, запрещающим проведение оперативно-розыскных мероприятий в интересах политических партий, а также негласное участие в их деятельности.

Говоря об иных межотраслевых принципах, можно отметить, что, поскольку сотрудники оперативного состава правоохранительных органов являются федеральными государственными служащими, на них распространяются принципы ст. 3 ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [3]. В частности, это принцип профессионализма и компетентности, корреспондирующий к принципу осуществления ОРД только специально на то уполномоченными органами. Или принцип защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в профессиональную служебную деятельность, связанный с принципами законности и конспирации.

Также можно говорить о принципе научности в организации деятельности оперативных аппаратов. Этот принцип, являясь одним из базовых принципов криминалистики, подчеркивает применение в ОРД достижений различных наук, а также методических рекомендаций, которые не только обобщают эмпирический материал, но и вскрывают тенденции, закономерности борьбы с преступностью [8, с. 82]. Формально принцип научности находит свое отражение, например, в ст. 11 ФЗ «О полиции» [2]. Также из общекриминалистических принципов, применительно к ОРД, специально выделяется принцип безопасности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, тесно связанный с принципом приоритета прав и свобод человека. Этот принцип находит свое отражение в ст. 8 ФЗ ОРД.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что система нормативного закрепления принципов оперативно-розыскной деятельности включает в себя четыре основных элемента:

1) конституционно-правовые принципы, имеющие преимущественное положение в правовой системе;

2) базовые принципы, заложенные в преамбуле и ст. 3 ФЗ ОРД;

3) принципы и принципы-средства, изложенные в тексте ФЗ ОРД;

4) межотраслевые принципы, заложенные в иных нормативных актах РФ.

Литература:

1. Конституция РФ. Принята на всенародном референдуме 12.12.1993.

2. О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 07.02.2011. № 3-ФЗ // Рос. газ. – 2011. – № 25. – 08 февраля; 2011. – № 28. – 10 февраля.

3. О системе государственной службы Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 27.05.2003. № 58-ФЗ // Рос. газ. – 2003. – № 104. – 31 мая.

4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федер. закон Рос. Федерации от 18.12.2001. № 174-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – № 249. – 22 декабря.

5. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12.08.1995. № 144-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – № 165. – 18 августа.

6. Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон Рос. Федерации от 13.03.1992. № 2506-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 17. – Ст. 892; № 33. – Ст. 1912. (утратил силу)

7. Баранов В. М. Основные направления модернизации техники современного правотворчества в России // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 42-50.

8. Дубоносов Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности / под ред. проф. Г. К. Синилова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2011. – 350 с.

9. Закон об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Комментарий / под ред. А. Ю. Шумилова. – М. : Юридическая литература, 1994. – 128 с.

10. Латинско-русский словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1976. – 1096 с.

11. Либанова С. Э. Универсальный методологический ключ для техники правотворческой фиксации принципов права // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 294-299.

12. Лутова Л. К. Преамбула нормативно-правового акта (проблемы теории и практики): дисс. … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2011. – 39 с.

13. Малыгин С. С., Чечетин А. Е. Основы оперативно-розыскной деятельности. – Екатеринбург : УЮИ МВД России, 2001. – 301 с.

14. Оперативно-розыскная деятельность / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2004. – 848 с.

15. Тихонова С. С. Инновационный общетеоретический лекционный курс «Юридическая техника»: взгляд отраслевика : Рецензия на курс лекций «Юридическая техника» / под ред. В. М. Баранова и В. А. Толстика (М., 2013. – 384 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 23. – С. 242-249.

16. Painter M.P. The Legal Writer: 30 Rules to Improve the Art of Legal Writing. Ohio: «Jarndyce&Jarndyce Press», 2003. – 156 P.

УДК 343.1

Ф.А. Воскресенский

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Статья посвящена анализу проблемы объективной истины в науке и практике уголовного процесса Российской Федерации. Отношение к принципу объективной или материальной истины зависит от типа уголовного процесса. В науке и практике выделяют два основных типа: континентальный и англосаксонский. Принцип объективной истины является неотъемлемым признаком континентального типа процесса. В англосаксонском процессе данный принцип на концептуальном уровне не выделяется. Учитывая, что начиная с 90-х гг. XX в. в российский уголовный процесс все более и более насыщается англосаксонскими институтами, принцип объективной истины на терминологическом уровне был исключен из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, принятого в 2001 году. Сделан вывод, что это сыграло негативную роль в развитии российского права.

Ключевые слова: *Уголовный процесс, объективная истина, континентальная и англосаксонская модели уголовного процесса.*

The article is devoted to the analysis of the problem of objective truth in the science and practice of the criminal process. The attitude to the principle of objective or material truth depends on the type of criminal process. In science and practice, there are two main types: continental and Anglo-Saxon. The principle of objective truth is an indispensable feature of the continental type of process. In the Anglo-Saxon process, this principle is not singled out at the conceptual level. Since the 90's. XX century the Russian criminal process is increasingly saturated with Anglo-Saxon institutions, the principle of objective truth at the terminological level was excluded from the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, adopted in 2001. It was concluded that this played a negative role in the development of Russian law.

Key words: *Criminal process, objective truth, continental and Anglo-Saxon models of criminal process.*

Проблема объективной истины в уголовном процессе, по сути, является «камнем преткновения» для разграничения существующих в мире двух основных типов уголовно-процессуальных систем: континентальной и англо-саксонской.

Континентальная модель уголовного процесса складывалась в странах Западной Европы, в первую очередь Франции и Германии и зародилась недрах инквизиционного типа судопроизводства. Его сущность обусловлена пониманием того, что преступление посягает в первую очередь не на частные, а на публичные, общественные интересы. Следовательно, именно государство, в большей мере, чем потерпевшее частное лицо, заинтересовано в полном и скорейшем расследовании и установлении виновных. Это повлекло выделение в структурах государственной власти специальной процессуальной фигуры судьи-следователя, в различных формах осуществляющего расследование обстоятельств дела, и обязанного собирать доказательства, как обвинения, так и защиты. Следователь является нейтральным лицом, обязанным *ex officio* (от лат.: по обязанности, по долгу службы) предпринять все предусмотренные законом меры для установления обстоятельств совершенного пре-

ступления. В средние века широкие властные полномочия указанного субъекта, ограничивались теорией формальных доказательств, позволяющей путем установления конкретных правил доказывания, значения того или иного доказательства регулировать доказательственный процесс не допуская абсолютизации процессуальной власти. Исходя из формальности правил доказывания и истина, устанавливаемая в процессе, трактовалась как формальная.

На протяжении веков, тем более с развитием идей прав человека, континентальный инквизиционный процесс подвергался трансформациям и получил свое классическое выражение к началу XIX века во Франции, где в 1808 году был принят Кодекс уголовного следствия, закрепивший так называемую смешанную модель судопроизводства. Эта модель представляла из себя уникальное для того времени сочетание тайного, письменного, негласного инквизиционного по своей природе предварительного следствия и состязательного судебного разбирательства, для которого наоборот характерны признаки гласности, устности и открытости. Теорию формальных доказательств сменил принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению. Принцип истины получил свое классическое выражение и выражался в нормативно закрепленной обязанности, как следователя, так и суда по своей инициативе осуществлять полное, всестороннее и объективное расследование обстоятельств дела. Такое исследование позволит принять верное решение по существу дела, то есть определить, кто же на самом деле совершил конкретное преступление, предусмотренное нормами материального уголовного права. Вопросы существа дела относятся к сфере материального права. Отсюда, а также принимая во внимание отказ от теории формальных доказательств, устанавливаемая истина получила прилагательное «материальная» (франц. vérité matérielle; нем. materiellen Wahrheit). Идея разделения участников уголовного судопроизводства на стороны обвинения и защиты не была ярко выражена и носила

больше факультативный характер, учитывая наличие процессуального центра (следователь, прокурор, суд), в руках которого сосредотачивались властные полномочия по делу. Конечно, идеи состязательности не были чужды и континентальной модели, находя свое выражение на судебных стадиях, где подсудимый получал существенный объем прав, в том числе на формальную защиту в виде обязательного участия адвоката.

После принятия во Франции данная модель начала победоносное шествие по просторам континентальной Европы, в том числе, с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 года была закреплена в Российской Империи. Обязанность судебного следователя и суда активно осуществлять все действия необходимые для установления истины, была нормативно закреплена в статьях 294, 406, 613 Устава.

Таким образом, принятие Устава уголовного судопроизводства институционально закрепило принцип материальной истины в отечественном уголовном процессе, предопределив почти на 150 лет его главенствующее значение в процессе. Уголовно-процессуальные кодификации советского периода также предусматривали данные категории в своем составе. В частности, статья 20 УПК РСФСР 1960 года предусматривала обязанность следователя, прокурора и суда принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие его ответственность обстоятельства. В статье 243 указанное требование отдельно конкретизировалась для суда, предписывая ему предпринимать все предусмотренные законом меры к установлению истины. Соответственно нормативная база обеспечивалась соответствующим доктринальным подкреплением: «Следователь и суд должны точно и полно познать картину совершенного преступления, т.е. достичь истины. Обязанность достижения истины – первоочередное и необходимое требование, без выполнения которого невозможно правильное осу-

ществление социалистического правосудия» [1, с. 36]. Необходимо отметить только, что учитывая абсолютизацию воззрений классиков марксизма-ленинизма и не малый крен в сторону философско-гносеологического осмысления исследуемого понятия, прилагательное «материальная» в доктрине изменилось на «объективная». Учитывая «политику партии», такие чисто философские категории, как объективность познания, теория «отражения» при познании окружающей действительности, вопросы познаваемости мира, всегда находили место в работах советских процессуалистов, с обязательными ссылками на труды К. Маркса и В. Ленина. Именно принцип «объективной истины» стал именоваться верховным принципом процесса, «фундаментом все положений и принципов», имея в виду, что другие принципы (например, устность или гласность) имеют своим целевым назначением обеспечение принципа объективной истины [2, с. 3]. Впрочем, патриарх советской уголовно-процессуальной науки М.С. Строгович, продолжал придерживаться классического понятия: «материальной истиной в уголовном процессе называется полное и точное соответствие действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц» [3, с. 14]. Данные терминологические изменения не оказали существенного влияния на принципиальное понимание уголовного процесса, как деятельности в первую очередь направленной достоверное установление обстоятельств совершенного преступления, что предполагало активную позицию властных субъектов, направленную на сбор доказательств, как в пользу стороны обвинения, так и в пользу стороны защиты.

Стоит также указать, что для континентального уголовного процесса традиционно характерным было «сильное» предварительное следствие, в задачу которого в основном и входило установление истины. Следовательно, следователь, дознаватель и прокурор на досудебных стадиях процесса, являлись ли-

цами ответственными за объективное установление фактических обстоятельств. Тем не менее, и на судебных стадиях, несмотря на участие народных представителей в отправлении правосудия, центральная роль отводилась профессиональному судье, являвшемуся активным участником процесса, обладавшим полным набором инструментов для осуществления доказательственной деятельности и выяснения всех необходимых данных для принятия мотивированного и обоснованного итогового решения по делу.

Англо-саксонский тип уголовного судопроизводства строился на других принципиальных основаниях. Изначально сложившийся в древности исторический тип обвинительного процесса, в средние века не получил в островной Англии, своего развития и не трансформировался в инквизиционный. Сформировавшись, обвинительно-состязательная модель, предполагающая четкое разделение участников судопроизводства на стороны обвинения и защиты, сохраняла свое значение на всем протяжении английской истории. Судебная деятельность строилась вокруг непрофессионального суда (либо выборные магистраты, либо жюри присяжных), призванных односложно ответить на вопрос о виновности подсудимого и не обязанных мотивировать свое решение. Остальные, кроме суда, участники уголовного судопроизводства четко разделялись на стороны обвинения и защиты. Соответственно с этим, вся процессуализация деятельности строилась через призму интересов сторон, интерес которых являлся двигателем процесса. При сильных сторонах, суд предполагается пассивным. В его задачу входит лишь внимательное рассмотрение доводов сторон, их анализ и вынесение односложного, зачастую немотивированного (в суде присяжных) решения. Инструментарий, позволяющий суду самостоятельно, активно принимать участие в поиске и исследовании доказательств, своего развития не получил. Центральной при такой системе является теория уголовного иска, подаваемого в суд, и обосновываемого именно его инициатором. Идея

состояла в том, что свободное состязательная борьба сторон в суде, позволит верно установить фактические обстоятельства преступления.

Английская система затем была перенесена в колонии, в первую очередь на североамериканский континент, а также в Австралию, Новую Зеландию, а также другие страны, выбравшие по тем или иным причинам англо-американскую модель развития правовой системы. Уголовный процесс США и Англии технически отрицает наличие единого центра процессуальной власти, в руках которого была бы сконцентрирована вся полнота полномочий по совершению уголовно-процессуальных действий и принятию уголовно-процессуальных решений и который осуществлял бы доказывание с целью полного, всестороннего и объективного установления всех обстоятельств дела [4, с. 185]. Учитывая отнесение полиции и прокуратуры к стороне обвинения, требования объективности на них не распространяются. Их задача – преследователь посягнувшего на общественно-государственные устои человека, при этом предоставлено право свободно оценивать целесообразность и нужность такого преследования. Какие-либо жестко сформулированные правила доказывания, гарантирующие объективность собираемых на досудебной стадии доказательств зачастую отсутствуют. Само предварительное следствие, как самостоятельная стадия, в рамках которой независимый субъект, обладающий властными полномочиями, обязан осуществлять полное, объективное и всестороннее расследование, вообще как идея не характерна англосаксонской судопроизводственной системы. В связи с необходимостью уравновесить положение сторон, защите предоставляется право на самостоятельный сбор полноценных доказательств, что никогда не было характерно для континентальной модели. Уголовный процесс, как сфера человеческой жизнедеятельности, понимается больше как способ разрешения уголовно-правового конфликта, причем независимо от того, установлены ли действительные фактические ос-

нования совершенного преступления. Отсюда, широкое распространение диспозитивности и дискреционного усмотрения, а также внедрение идей восстановительной юстиции, позволяющих разрешить уголовный конфликт, путем взаимовыгодных договоренностей его участников. Вопросы материального уголовного права, или существа дела, исходя из которых, как мы уже говорили, и сформировалась концепция «материальной истины» здесь носят второстепенный характер. Одним словом, европейскую модель, часто называют «процессом с истиной», а американскую (процессом без истины) [5].

Как мы уже отмечали, российский, а затем советский процесс развивался в русле континентальных традиций. Однако, в конце 80-х годов на волне значительных изменений общества, либерализации, курса на западную модель произошли глобальные изменения, которые не могли не затронуть правовую сферу, в том числе ее уголовно-процессуальную составляющую.

24 октября 1991 года Верховным советом РСФСР была принята Концепция судебной реформы, содержавшая жесткую критику советской модели и провозглашавшая, что уголовный процесс планируется строить на началах состязательности. В разделе Концепции, посвященном назначению суда и его месту в системе правоохранительных органов, прямо указано, что суд в первую очередь является средством разрешения споров о праве и устранения юридических неопределенностей. Какое-либо упоминание об обязанности суда по своей инициативе, *ex officio* устанавливать истину отсутствовало. Примат принципа состязательности и равноправия сторон был закреплен в статье 123 Конституции Российской Федерации 1993 года. Соответственно, Конституционный Суд РФ, действуя в рамках указанной концептуальной парадигмы, принял в 90-х годах XX века целый ряд эпохальных решений, закреплявших практические механизмы реализации принципа состязательности и равноправия сторон в уголовно-процессуальной деятельности. Самое главное, высший судебный орган попытался стереть раз-

личия между полностью состязательным уголовным судопроизводством и действием принципа состязательности в смешанной модели процесса [6, с. 9-11]. Акцент был перенесен с публичных интересов на частные, что выразилось в расширении и внедрении институтов защиты прав человека и гражданина, в первую очередь обвиняемого.

Таким образом, осуществлялось активное внедрение в российский уголовный процесс конструкций и институтов, характерных для англо-саксонской модели, которое во многом обеспечивалось многочисленными иностранными экспертами, принимавшими участие в разработке отечественного уголовно-процессуального законодательства в 90-е годы XX века, в первую очередь в рамках Программы правовых инициатив для стран Центральной и Восточной Европы Американской ассоциации юристов (ABA CEELI).

В принятом в 2001 году новом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, категория истины, также как и обязанность полного, всестороннего и объективного расследования и разрешения дела уже не упоминалось. Следователь, дознаватель и прокурор были отнесены к стороне обвинения, что, безусловно, является нонсенсом, помня об их исторически сложившейся обязанности осуществлять поиск доказательств не только со стороны обвинения, но и со стороны защиты. Существенной корректировке подверглась и позиция суда, активность и полномочия которого по ведению судебного разбирательства были существенно урезаны. В том числе, суд лишился возможности по своей инициативе осуществлять ряд ключевых следственных действий (допрос свидетеля, осмотр, выемки и др.), что конечно не могло отрицательно не сказаться на его возможности устанавливать обстоятельства дела. Это не удивительно, так как в соответствии с принципом состязательности в задачу суда входит только оценка аргументов сторон в процессе и принятие решение на основании представленных доказательств. Ни о какой обязанности суда устанавливать истину по

делу не упоминается, более того, всякие попытки как то обосновать активность суда в этом направлении пресекаются «грозным окриком» о несоответствии таких действий состязательной модели процесса. В действующем законодательстве возобладала позиция, что истина является неотъемлемым рудиментом советского, инквизиционного по своей сути процесса, следовательно, ей не место при построении «свободного» демократического состязательного процесса. Попытка возврата указанной категории, предпринятая в 2014 году по инициативе Следственного комитета РФ, вызвала достаточно резкие, впрочем, обоснованные возражения, указывающие на ее несовместимость с принципом состязательности и равноправия сторон, в рамках которого и осуществляется развитие отечественного законодательства.

Немаловажную роль в разграничении играет также различный подход к роли государства вообще. Концептуальная направленность процесса на установление истины, свидетельствует об активной роли государства и принятии им на себя социальных функций, что требует полного, объективного и всестороннего расследования. Соответственно результат рассмотрения дела достаточно жестко соотносится с адекватным объективным установлением обстоятельств дела. Американский же уголовный процесс, представляет собой продолжение ортодоксального экономического либерализма, отрицающего регулирующие функции государства, которое не должно заниматься поиском социальной справедливости [8, с. 51-57]. Отсюда истина из универсальной ценности превращается во вполне прикладную категорию, ориентированную на решение прикладных задач уголовного судопроизводства. Здесь истина не более чем аргумент в состязательном споре сторон [9, с. 49-50].

Идея процесса, как способа разрешения уголовно-правового конфликта, вне зависимости от установления истины по делу, за прошедшее с момента издания нового Уголовно-процессуального кодекса время находит все большее выражение,

что выражается в увеличении количества уголовных дел, решения по которым принимаются в рамках особого порядка судебного разбирательства, при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, в рамках которого анализ доказательств судом не осуществляется и принятое решение обосновывается только усмотрением сторон. Институты, предусматривающие разрешение уголовного дела, без анализа доказательств и установления фактических обстоятельств совершенного преступления, имеют тенденцию к расширению: в 2003 г. Федеральным законом № 92-ФЗ особый порядок был распространен на уголовные дела о тяжких преступлениях (максимальное наказание за совершение которых не превышает десяти лет лишения свободы); 29 июня 2009 г. был введен особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; 7 декабря 2011 г. УПК РФ дополнен ст. 28.1, позволяющей в случае возмещения ущерба прекратить уголовное преследование по экономическим преступлениям; 04 марта 2013 г. было введено дознание в сокращенной форме; в 2013 году Правительством Российской Федерации в Государственную Думу внесен законопроект № 321865-6 предусматривающий, что обвиняемый может заявить ходатайство об особом порядке судебного разбирательства по делам о тяжких преступлениях, за которые предусмотрено наказание до 15 лет лишения свободы [7].

Таким образом, отказ при принятии УПК РФ 2001 года от категории истины, означал на уровне символов поворот от характерной для нас континентальной уголовно-процессуальной традиции в сторону американского вектора развития. Понятно, однако, что невозможно в одночасье сменить такой сложный механизм как система уголовного судопроизводства. Поэтому действующий Уголовно-процессуальный кодекс в настоящее время представляет из себя, зачастую, плохо сочетаемый набор институтов различных по своей природе уголовно-процессуальных моделей, что и обуславливает его перманентные изменения. К настоящему времени внесено более 1700 поправок.

Указанные тенденции, особенно в свете принципа «материальной истины» не могут не вызвать озабоченности, что вызывает обоснованную критику развития действующего уголовно-процессуального законодательства. Очевидно, что при всей своей внешней очевидности принцип объективной (материальной) истины давно уже выполняет роль краткого номинативного символа, обозначающего противопоставление, с одной стороны американской, а с другой – европейской моделей уголовного процесса. Поэтому понятно, что произошло с «истиной» в нашей стране, и почему любые попытки возврата к ней вызывают достаточно активное сопротивление. На самом деле, речь идет о выборе модели уголовного процесса в рамках более широкого выбора дальнейшего развития страны [8, с. 51-57]. Вопрос о том, по какому пути пойдет теория и практика нашего уголовного судопроизводства пока остается открытым.

Литература:

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин, 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрид. лит-ра, 1973. – С. 36.

2. Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. – Ярославль, 1978. – С. 3.

3. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. – М. –Л., 1947. – С. 14.

4. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головко. – М. : Статут, 2016. – С. 185.

5. Pizzi W.T. Trials without Truth. New-York, 1999.

6. Божьев В. «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 9-11.

7. См.подробнее: www.sozd.parlament.gov.ru/bill/321856-6

8. Головко Л. В. Российский уголовный процесс и объективная истина // Сборник: Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Межд. научно-практической конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н. С. Алексеева / под ред. Н. Г. Стойко. – СПб., 2015. – С. 51-57.

9. Подольный Н.А. Фантомы уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2004. – № 4. – С. 49-50.

УДК 343.132 (100)

Ю.В. Габриелова

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, СВЯЗАННОЙ С ОГРАНИЧЕНИЕМ СВОБОДЫ, В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена исследованию теории и практики применения мер пресечения, связанных с ограничением свободы, в отношении несовершеннолетних в соответствии с уголовно - процессуальным законодательством Луганской Народной Республики. Рассмотрены проблемы избрания и применения в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) меры пресечения в виде заключения под стражу. Вопрос по поводу избрания в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) меры пресечения в виде заключения под стражу на сегодняшний момент остается одним из основных дискуссионных и обсуждаемых.

При этом каждый раз у ученых и правоприменителей возникает дискуссия, всегда ли избираемая мера пресечения в отношении несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства является эффективной и обоснованной?

Проведен краткий анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, Луганской Народной Республики в сфере правового института мер пресечения.

В статье использован широкий спектр общенаучных методов познания (логический, системный, анализ, и др.), а также специальные методы – логико-юридический, сравнительно-правовой.

В результате проведенного исследования определено, что в последние годы резко увеличилось количество совершаемых несовершеннолетними лицами преступлений, отличающихся дерзостью и особой жестокостью, в связи с чем, мера пресечения заключение под стражу в настоящее время стала применяться более широко. Что же касается избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, присмотра за несовершеннолетним обвиняемым, то в этой части уголовно-процессуальный кодекс ЛНР требует усовершенствования.

Ключевые слова: *меры пресечения, несовершеннолетний, заключение под стражу.*

The article is devoted to the study of the theory and practice of applying restraint measures related to restraint of liberty in relation to minors in

accordance with the criminal procedural legislation of the Lugansk People's Republic. The problems of election and application of preventive measures in the form of detention are dealt with in relation to minors of suspects (accused). The issue concerning the election of suspects (accused) in relation to juveniles as a preventive measure in the form of detention is still one of the main debatable and discussed issues.

At the same time, every time a scientist and law enforcement officer raises a question, is the always chosen preventive measure against juvenile participants in criminal proceedings effective and justified?

A brief analysis of the criminal procedural legislation of the Russian Federation, the Luhansk People's Republic, regarding the legal institution of preventive measures has been carried out.

The article uses a wide range of general scientific methods of cognition (logical, system, analysis, etc.), as well as special methods – logical-legal, comparative-legal.

As a result of the conducted research it is determined that in recent years the number of crimes committed by minors has increased sharply, differing in impudence and special cruelty, and therefore, the measure of restraint - detention at present has become more widely used. Thus, detention is often a preventive measure that is applied, but as regards the choice of a preventive measure in the form of house arrest, the supervision of a juvenile defendant, in this part the LC code of procedure requires improvement.

Key words: *preventive measures, minor, detention, house arrest*

Назначение уголовного судопроизводства в Луганской Народной Республике – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Луганской Народной Республики, далее – УПК ЛНР). Тем самым, законодатель ставит себе в приоритет принцип соблюдения прав и свобод личности. Реализация этого принципа связана с решением множества задач, среди которых большое значение имеет применение мер уголовно-процессуального принуждения [1, с. 3].

Меры пресечения в уголовном процессе представляют собой разновидность мер процессуального принуждения. Уго-

ловно-процессуальное законодательство не содержит определения понятия «меры пресечения», однако в науке наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой, под мерами пресечения понимаются применяемые дознавателем, следователем, прокурором или судом к обвиняемому, а в исключительных случаях – и к подозреваемому, меры принудительного воздействия, связанные с лишением или ограничением свободы, личных или имущественных прав, с целью предупреждения или пресечения уклонения лица от органов дознания, следствия или суда, продолжения им своей преступной деятельности или воспрепятствования производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора [2, с. 4]. Вышеуказанное определение, считаем уместным закрепить в ч. 1. ст. 101 УПК ЛНР.

На сегодняшний день уголовно-процессуальным законодательством Луганской Народной Республики предусмотрены такие меры пресечения, как: подписка о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; залог; домашний арест; заключение под стражу (ст. 101 УПК ЛНР). Нами в статье будут исследованы вопросы применения к несовершеннолетним меры пресечения, связанной с ограничением свободы – заключение под стражу.

Применение данной меры, представляющее собой прямое вторжение в сферу прав граждан, предполагает ограничение права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного Временным Основным Законом (Конституцией) Луганской Народной Республики [3] и международными нормативно-правовыми актами. Поэтому данный правовой институт всегда привлекал особое внимание со стороны ученых-процессуалистов. В частности, вопросы применения заключения под стражу в своих работах исследовали такие ученые, как: Н.А. Акинча, А.Д. Буряков, Х.В. Бопхоев, С.И. Глизнуца, З.Д. Еникеев, И.А. Макаренко, В.Т. Очередин, Г.Е. Омельченко, С.В. Тетюев, Л.К. Трунова.

Минимальные стандартные правила отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, принятые Ассамблеей ООН 40/33 от 10.12.1985 г. («Пекинские правила») [4], ориентируют на применение принуждения к несовершеннолетним правонарушителям только в самых крайних случаях и в течение минимально необходимого времени. Более приоритетным является избрание мер пресечения, не связанных с заключением под стражу и альтернативных им (например, постоянный надзор, активная воспитательная работа, помещение в воспитательное заведение), а содержание под стражей до суда рассматривается в качестве крайней меры, которая может применяться только в течение кратчайшего периода времени (п. 13 Пекинских правил). Отсюда следует, что целью данного подхода является – ограничение несовершеннолетнего от криминальной среды, недопущение преждевременного попадания в сферу уголовного наказания, которые в дальнейшем могут пагубно отразиться на формировании личности несовершеннолетнего.

Не возможно не согласиться с мнением С.И. Глизнуцы, который считает, что существующий механизм применения уголовно-процессуальных мер пресечения к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым нуждается в совершенствовании с позиции как структурного содержания системы, так и самого порядка их применения [5].

Исходя из ст. 111 УПК ЛНР заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения [6].

Однако в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого избрание меры пресечения в виде заключения под стражу имеет свою специфику. Данная мера пресечения к указанным лицам может быть применена в случае, если несовершеннолетний подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. И только лишь в исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в

отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести (ст. 111 УПК ЛНР). Отсюда следует, что вышеуказанная особенность применения к несовершеннолетнему заключения под стражу обладает существенным отличием по сравнению с применением данной меры к взрослым. То есть, несовершеннолетние заключаются под стражу в таком же порядке и на такой же срок, как и взрослые лица.

Особый порядок производства по уголовным делам рассматриваемой категории регламентируется гл. 51 УПК ЛНР «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних». Требования указанной главы применяются по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет. В свою очередь они направлены на то, чтобы учитывать особенности психического развития несовершеннолетнего, особенности формирования его личности, возрастные особенности, внешние факторы, оказывающие влияние на формирование личности, условий жизни и его воспитания.

Как верно отметил С.И. Глизнуца, законодатель предусмотрел «определенный комплекс мер по усилению защиты прав и интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых», однако «оставил практически без внимания регулирование применения к этой категории лиц мер уголовно-процессуального принуждения». Обратил внимание на то, что рассредоточенные по отдельным нормам уголовно-процессуального законодательства правила применения мер принуждения «не являются частью единой системы, позволяющей соблюсти необходимый баланс между гарантиями защиты прав несовершеннолетних и интересами должностных лиц и органов, ведущих уголовный процесс. Недостаточная эффективность существующих мер процессуального принуждения проявляется в значительном числе несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, нарушивших предусмотренные для них мерами пресечения предписания, объявленных в розыск и т.д. [5].

Следует согласиться с Х.В. Бопхоевым в том, что в правовом государстве принуждение не является самоцелью или основным средством воздействия на обвиняемых, а применяется как крайняя мера, к которой власть прибегает с целью предотвращения еще большего вреда, который может быть причинен, если отказаться от применения принуждения к несовершеннолетнему правонарушителю, и выступает не карой, а средством социальной коррекции поведения несовершеннолетних [7, с. 11].

Не менее важно отметить, что согласно «Пекинских правил» – «судебное разбирательство должно учитывать возрастные особенности несовершеннолетних обвиняемых, отвечать их интересам; осуществляться в атмосфере понимания, что позволит несовершеннолетнему участвовать в нем и свободно излагать свою точку зрения» (п. 14.2); более того, «следует систематически развивать и координировать службы правосудия в отношении несовершеннолетних в целях повышения и поддержания на должном уровне квалификации персонала этих служб, включая их методы, подходы и отношения» (п. 16) [4].

Как ранее нами уже было отмечено, заключение под стражу применяется к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Поскольку в Луганской Народной Республике не создан Верховный Суд, вопрос о применении меры пресечения – заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего остается не урегулированным, так как нет разъяснений Пленума Верховного Суда ЛНР о практике применения судами законодательства. В связи с этим, считаем целесообразным обратиться к законодательству Российской Федерации и отметить, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 от 19 декабря 2013 г. о практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога обязывает судей при принятии решений об избрании меры пресечения заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего тщательно проверять обоснованность подозрения в причастности несовершеннолетнего

к совершенному преступлению, проверять содержат ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица. Кроме того, суд обязан в каждом случае обсуждать возможность применения в отношении несовершеннолетнего иной, более мягкой, меры пресечения – подписка о невыезде, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, домашний арест, и в каждом случае должна обсуждаться возможность передачи несовершеннолетнего под присмотр в порядке, установленном ст. 105 УПК РФ.

Существует мнение в уголовно-процессуальной науке и сложно с ним не согласиться, что заключение под стражу оказывает отрицательное влияние на профилактику преступности среди несовершеннолетних, так как не используются в достаточном объеме воспитательные и превентивные возможности иных, более эффективных мер пресечения.

Практика показывает, что не все подростки в дальнейшем будут приговорены к лишению свободы, а нахождение их в строгой изоляции, погружение в криминальную среду, оказывает отрицательное влияние на психику подростка, формирование его личности. В связи с чем, считаем, что органы, специализирующиеся на работе с несовершеннолетними, при условии использовании воспитательных и профилактических мер, окажут положительное влияние на формирование личности подростка. Что в свою очередь повысит эффективность профилактической, реабилитирующей работы органов предварительного расследования и суда, защитить права и законные интересы несовершеннолетних граждан.

В связи с вышесказанным, большой интерес представляет опыт Республики Казахстан, где ст. 540 УПК предусматривает «Помещение несовершеннолетнего в специальное детское учреждение», в которой говорится, что «в случаях, когда несовершеннолетний обвиняемый по условиям жизни и воспитания не может быть оставлен в прежнем месте жительства, он по постановлению следователя, санкционированному прокурором, или по

постановлению суда может быть помещен в специальное детское учреждение. В этих случаях несовершеннолетние обвиняемые содержатся отдельно от несовершеннолетних, находящихся в указанном детском учреждении по иным основаниям» [8].

Резюмируя вышесказанное и используя опыт Республики Казахстан, считаем необходимым внести изменение в УПК ЛНР и ввести альтернативную меру пресечения – заключению под стражу – «Помещение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в специальное детское учреждение». Таким образом, предлагаем внести изменение в ст. 101 УПК ЛНР и дополнить ее пунктом 6.1: «Помещение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в специальное детское учреждение», а также дополнить главу 13 УПК ЛНР статьей 110.1 следующего содержания:

«Статья 110.1 Помещение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в специальное детское учреждение»

1. Помещение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в специальное детское учреждение в качестве меры пресечения применяется в отношении несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 16 лет подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех лет, если несовершеннолетний обвиняемый по условиям жизни и воспитания не может быть оставлен в прежнем месте жительства.

2. Помещение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в специальное детское учреждение применяется в качестве меры пресечения в порядке, установленном статьей 111 настоящего Кодекса.

Кроме того, с целью единообразного понимания правоприменителем понятия «мера пресечения» считаем необходимым закрепить его определение в ч. 1. ст. 101 УПК ЛНР в следующей формулировке: «мера пресечения – это применяемые дознавателем, следователем, прокурором или судом к обвиняемому, а в исключительных случаях – и к подозреваемому, меры

принудительного воздействия, связанные с лишением или ограничением свободы, личных или имущественных прав, с целью предупреждения или пресечения уклонения лица от органов дознания, следствия или суда, продолжения им своей преступной деятельности или воспрепятствования производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора».

Литература:

1. Тарасов А. В. Принуждение и ответственность в уголовном судопроизводстве : автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004.

2. Булатов Б. Б., Николюк В. В., Цоколова О. И. Меры пресечения в уголовном процессе : учебно-практическое пособие. – М. : ВНИИ МВД России, 2005. – С. 4 (Б-ка следователя).

3. Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/ (01.04.2016)

4. «Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)» (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) из информационного банка «Международное право» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/. – Дата доступа: 30.03.2017.

5. Глизнуца С. И. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних : дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Глизнуца Сергей Иванович; [Место защиты: Тюмен. юрид. ин-т МВД России]. – Тюмень, 2011. – 224 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс ЛНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1873/– Дата доступа: 30.03.2017.

7. Бопхоев Х. В. Принудительные меры в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений: проблемы совершенствования законодательного урегулирования и практики правоприменения : автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2006.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.11.2015 г.) // Информационная система Параграф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id =31575852&mode=p&page=33. – Дата доступа: 30.03.2017.

Раздел V

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК: 796/799

В.В. Серебряк
С.В. Попов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛОС ПРЕПЯТСТВИЙ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ МВД ЛНР

Рассмотрены вопросы комплексного совершенствования специальной физической и огневой подготовки сотрудников правоохранительных органов на основе использования специальных полос препятствий. Обоснована целесообразность использования полос препятствий для развития сложно-координационных способностей, силы, скоростно-силовых качеств и силовой выносливости, а также точности оценки пространственно-временных и динамических характеристик движений. Разработан специальный оперативно-тактический комплекс, направленный на совершенствование тактических, огневых и специальных физических знаний умений и навыков в условиях повышенной психологической и физической нагрузки. Доказано, что оперативно-тактический комплекс способствует интеграции теоретических и практических знаний, умений и навыков действий в экстремальных ситуациях, развитию оперативного мышления в экстремально-сложившихся условиях.

Ключевые слова: *сотрудники полиции, специальная-физическая подготовка, огневая подготовка, полоса препятствий, оперативно-тактический комплекс, оперативное мышление.*

The questions of complex improvement of special physical training and fire training of police officers based on the using of special obstacle

course is considered. It is argued that using special obstacle courses is efficient means of exercising of complex-coordination abilities, strength, speed-strength qualities, strength endurance and accuracy of the estimation of space-time and dynamic options of movements. It is created a operative-tactical complex that is directed to developing tactical, fire and special physical knowledge, skills and abilities when rate of psychological and physical strains is high. It is proved that a operative-tactical complex contributes to the integration of theoretical and practical knowledge, skills and abilities, it is exercise operational thinking when conditions are extraordinary.

Key words: *police officer, special physical training, fire training, special obstacle course, operative-tactical complex, operational thinking.*

Служебная деятельность сотрудников органов внутренних дел связана с решением специфических задач в экстремальных условиях, требующих исключительно верной ориентации и профессиональных действий в различных ситуациях.

Одним из главных условий успешной борьбы с преступностью является повышение качества профессиональной подготовки сотрудников полиции в образовательных учреждениях МВД, и прежде всего практической ее составляющей. Формирование специальных двигательных умений и навыков обеспечивает одну из сторон профессиональной подготовки сотрудников полиции – освоение рациональных приемов, сложнокоординационных движений, формирование способности находить оперативное решение в условиях быстрого изменения обстановки, что позволяет эффективно действовать в ситуациях, связанных с силовым противодействием правонарушителей [1].

Одним из путей совершенствования готовности сотрудников полиции к действиям в экстремальных ситуациях является использование таких технических средств обучения как полосы препятствий общего и специального назначения. Полоса препятствий представляет собой участок местности, оборудованный различными инженерными сооружениями и преградами, предназначенный для тренировки сотрудников силовых подразделений в соответствии с условиями их профессиональной деятельности [2].

Наиболее распространенной полосой препятствий является общевойсковая полоса, предназначенная для повышения боевой и физической подготовки военнослужащих, формирования навыков преодоления различных препятствий встречающихся на поле боя [3]. Стандартная двухсотметровая полоса препятствий и учебные площадки в вооруженных силах России оборудуются согласно Наставлению по физической подготовке и Руководству по строительству и оборудованию спортивных сооружений в воинских частях, учреждениях и учебных заведениях.

Общевойсковая полоса препятствий состоит из таких элементов как линия начала полосы, участок для скоростного бега, ров шириной по верху 2, 2,5 и 3 м, лабиринт, забор высотой 2 м с наклонной доской, разрушенный мост, разрушенная лестница, стенка, колодец и ход сообщения, траншея глубиной 1,5 м, беговая дорожка шириной 2 м.

Общевойсковая полоса препятствий в том или ином виде применяется для обучения сотрудников практически во всех армиях и силовых структурах мира. Преодоление общевойсковой полосы препятствий способствует развитию скоростно-силовых качеств, быстроты реакции, ловкости и выносливости.

Для подготовки сотрудников спецподразделений используются специальные полосы препятствий, которые состоят из таких элементов как горизонтальное бревно, гладкий палисад, изгородь, частокол, окоп, чучело для уколов штык-ножом, окоп для метания гранат, ров с водой, проволочное заграждение, лабиринт, разрушенный мост, стенка с проломами, разрушенная лестница, подземный лаз, точка метания ножей, открытый стрелковый тир [4].

Стационарные либо переносные препятствия устанавливаются на тренировочных полигонах в местах постоянных дислокаций частей и могут иметь вид тренировочных площадок разной длинны. Препятствия могут быть расположены на одной линии, на всей площади участка в виде восьмерки, круга или

прямоугольника, в зависимости от местности и специфики работы конкретного подразделения. Так, в десантных войсках и морской пехоте полосы могут усложняться альпинистской и парашютной подготовкой, использованием очагов возгорания, дымов и взрывпакетов, водными преградами, элементами рукопашного боя, стрельбой по мишеням.

Как правило, обычные препятствия подвергаются модернизации: устанавливается вертикальный забор из бревен; канаты не натягиваются, а подвешиваются провисшими; колючая проволока натягивается над участком с раскисшей почвой [5].

Полосы препятствий специального назначения создают для тренировки пожарных, кинологов с собаками, подготовки в военных училищах, специальных школах и подразделениях МЧС, а также обучения сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных ситуациях.

В целях совершенствования профессиональной подготовки сотрудников полиции активно используются различные модификации специальных полос препятствий, направленные на комплексное развитие сложно-координационных способностей, силы, скоростно-силовых качеств и силовой выносливости, а также точности оценки пространственно-временных и динамических характеристик движений.

Тренировка на полосе препятствий это форма комплексной практической подготовки, которая представляет собой процесс решения определенных профессиональных задач:

– соединение в единый сюжет знаний, умений и навыков различных специальных дисциплин, преподаваемых профильными кафедрами;

– совершенствование специально-физической подготовленности сотрудников МВД;

– формирование и закрепление практических навыков исполнения служебных обязанностей в экстремальных ситуациях;

– становление нервно-психологической устойчивости к экстремальным ситуациям;

– формирование ощущений выполнения будущих профессиональных действий в ходе отработки комплексных сюжетов.

Для оптимизации процесса совершенствования сложно-координационных способностей необходимо изменить средства и методы обучения с учетом особенностей служебной деятельности сотрудников полиции. При выполнении служебных обязанностей в экстремальных ситуациях сотрудники полиции используют весь арсенал служебной подготовки: групповые тактические действия, преследование, стрельба, применение приемов самозащиты без оружия, рукопашный бой, одевание наручников, наружный осмотр, конвоирование. Все вышеперечисленные элементы используются комплексно, что требует и их комплексной отработки в процессе обучения [6].

Для усиления тренировочного эффекта предлагается использование таких приемов как:

– создание нестандартных сюжетов и ситуаций выполнения различных действий с применением специальных снарядов и тренажеров;

– использование ситуативных неожиданных элементов, связанных с необходимостью мгновенного реагирования на внезапно меняющуюся обстановку;

– использование специальных упражнений с огнестрельным оружием для развития оперативного мышления, скорости реакции в сочетании с распознаванием «свой-чужой», «заложник-преступник»;

– формирование психофизической устойчивости к действию сбивающих факторов при помощи использования имитационных светошумовых и звуковых средств на фоне усталости.

На основе вышеуказанных положений разработан специальный оперативно-тактический комплекс для совершенствования тактических, огневых и специальных физических знаний умений и навыков в условиях повышенной психологической и физической нагрузки. Комплекс включает семь учебных мест, на которых осуществляется отработка оперативных сюжетов профессиональной деятельности сотрудников полиции.

Существенным отличием данной специальной полосы препятствий является наличие шумовых эффектов, которые создают повышенное нервно-психическое напряжение, а также элементов неожиданного нападения преступников с различным оружием. Так, при преодолении рва используются либо чаши с огнем, либо ров заполняют водой, а при прохождении разрушенного моста используется шумовой эффект стрельбы из АК. При спрыгивании с забора сотрудник отражает атакующие действия ассистента, который наносит удар ножом, рукой либо палкой, согласно задания.

При разработке специальных технико-тактических задач учитываются особенности нападения правонарушителя. Сотрудник выбирает из своего арсенала приемов наиболее эффективные защитные, атакующие и контратакующие схемы самозащиты и задержания противника.

Соревновательные поединки по рукопашному бою характеризуются высокой плотностью, многообразием комбинаций ударов и защитных действий, уклонов, обманных движений, имеющих сложно-координационную структуру. Спарринги проходят в условиях, которые постоянно меняются, когда существует дефицит времени для восприятия и анализа ситуаций, принятия и реализации решений, при активном противодействии противников. Достижение победы в поединке зависит от восприятия сотрудником ситуации и скорости его реагирования на действия противника. Во многом победа зависит от уровня технико-тактической подготовки сотрудника, которая комплексно проявляется в оперативной умственной деятельности и обеспечивает анализ ситуации, выбор и реализацию оптимального решения из ряда альтернативных.

Развитие психомоторики в значительной мере предопределяет способность высших отделов коры головного мозга полноценно управлять действиями человека в сложных ситуациях статического, кинематического и динамического характера. Поединки по рукопашному бою способствуют совершенствова-

нию технико-тактического мастерства, которое является основой формирования готовности сотрудника к реальному противоборству с преступником непосредственно в служебной деятельности.

Применение представленного оперативно-тактического комплекса создает условия для осознания сотрудниками не только своего проникновения в «профессиональное будущее», но и того, что оно может быть реализовано посредством постоянного повторения и закрепления двигательного навыка в экстремальных режимах технической, психологической и функциональной готовности.

Указанный оперативно-тактический комплекс позволяет закрепить полученные сотрудниками полиции теоретические и практические умения и навыки действий в экстремальных ситуациях, взятых из практики служебной деятельности. Использование комплекса способствует развитию у сотрудников органов внутренних дел способности быстро и точно ориентироваться в напряженных ситуациях, контролировать свои действия и поведение в экстремально-сложившихся условиях, реально оценивать обстановку и принимать соответствующие решения.

Литература:

1. Бобровик А. П. Физическая подготовка сотрудников силовых ведомств к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях / А. П. Бобровик, А. А. Любаков, Р. И. Медведев // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 10. – Вып. 7. – С. 65–72.

2. Катаргин С. В. Развитие физических качеств полицейских в процессе обучения преодолению полосы препятствий / С. В. Катаргин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 3676-3680. – URL: http://e-koncept.ru/2014/55000.htm.

3. Троян Е. И. Использование полосы препятствий для совершенствования координационных способностей / Е. И. Троян // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 1(52). – С. 43-45.

4. Бакин А. В. Особенности подготовки к соревнованиям по преодолению полосы препятствий со стрельбой в образовательных организациях МВД России / А. В. Бакин, Д. В. Пивоваров, В. Р. Гиль // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 2. – С. 67-70.

5. Горбатов В. В. О совершенствовании обучения курсантов образовательных учреждений МВД России силовому задержанию преступников на занятиях по тактико-специальной подготовке / В. В. Горбатов, М. Ю. Никифоров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 1. – С. 139-141.

6. Каримов А. А. Некоторые аспекты интеграции тактико-специальной и огневой подготовки / А. А. Каримов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2012. – № 1 (60). – С. 54-59.

УДК 351.743:355.541.1

В.В. Серебряк
О.А. Енна
Я.С. Иванова

МОДЕЛИРОВАНИЕ СИТУАЦИЙ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ МВД

В статье рассматриваются особенности и роль тактико-специальной подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел в формировании их профессиональной направленности и готовности выполнять оперативно-служебные задачи в экстремальных условиях служебной деятельности.

Проблемы подготовки современного специалиста охраны общественного порядка лежат в сфере как профессионального, так и материально-технического характера обучения с использованием различных методик, которые включают в себя алгоритмы действий, ролевые игры, решение вводных задач по адаптации курсантов к экстремальным ситуациям в их будущей служебной деятельности.

В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что использование в учебном процессе метода моделирования типичных ситуаций служебной деятельности сотрудников ОВД по

охране общественного порядка обеспечивает освоение теоретических знаний, практических умений, тактических навыков и компетенций курсантов, необходимых для действий в экстремальных ситуациях. Такой подход направлен на развитие профессионального мастерства, группового взаимодействия сотрудников ОВД, а также на формирование эмоционально-волевой устойчивости.

Ключевые слова: *тактико-специальная подготовка, моделируемая ситуация, профессиональная направленность, экстремальные условия, формирование профессиональных качеств, оперативно-служебные задачи, профессиональная деятельность, метод, навыки, умения, познавательный интерес.*

The article examines the particularities and role of tactical and special training of future law enforcement official in the formation of their professional skills and readiness to perform operational tasks in the extreme conditions of official activity.

The problems of training a modern specialist in the protection of public order lie in the sphere of both the professional and the material and technical nature of instruction with using of various methods, such as action algorithms, role games, solving introductory tasks for adapting cadets to extreme situations in their future official activity.

As a result of the study, the authors came to the conclusion that the usage of the method of modeling typical official activity situations of law enforcement official of the protection of public order in the educational process ensures the development of theoretical knowledge, practical and tactical skills and competencies of cadets, essential for action in extreme situations. Such an approach is focused on the development of professional skills, group interaction of law enforcement officials and formation of their emotional-volitional stability.

Key words: *tactical and special training, simulated situation, professional orientation, extreme conditions, forming of professional skills, operative and service tasks, professional activity, method, skills, abilities, informative interest.*

Для сотрудников ОВД умение рационально использовать свои профессиональные знания и навыки является основой для успешного выполнения задач в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности.

В процессе повседневной службы сотрудники полиции, обеспечивающие охрану общественного порядка, регулярно

сталкиваются с экстремальными ситуациями (попытки завладения огнестрельным оружием, вооруженное сопротивление и нападение, массовые беспорядки и т.п.). В сложившейся обстановке сотрудникам необходимо оперативно оценить ситуацию и спланировать последовательность действий, в результате которых будет достигнут максимально положительный результат с минимальными негативными последствиями.

В подготовке специалистов МВД ЛНР возрастает роль Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, где одной из базовых специальных дисциплин учебного процесса в становлении профессионального мастерства будущего сотрудника органов внутренних дел является дисциплина «Тактико-специальная подготовка» (далее ТСП). Обучение сотрудников ОВД тактико-специальной подготовке является одной из важнейших составляющих профессиональной подготовки. Обучение в условиях, максимально приближенных к действительности, направлено, прежде всего, на формирование высокого профессионального мастерства, морально-психологической устойчивости, тактического мышления, которые будущие сотрудники ОВД смогут успешно применить при выполнении оперативно-служебных задач.

Необходимо отметить, что дисциплина ТСП своей главной целью определяет формирование готовности будущего специалиста к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, пресечению и предупреждению различного рода противоправных действий, а также профессиональных умений и навыков действовать в экстремальных ситуациях с разумной инициативой и оперативным тактическим подходом.

Основу тактико-специальной подготовки составляет непосредственно тактическая подготовка, которая интегрирует в единый комплекс знания, умения и навыки, приобретенные курсантами и слушателями на занятиях по огневой, специальной физической, специальной техники, топографии и другим дисциплинам.

Предметом дисциплины являются теория и практика подготовки и осуществления служебно-боевых действий силами органов внутренних дел в экстремальных ситуациях. Важным аспектом ТСП является разработка и изучение тактических способов и приемов действий сотрудников полиции в экстремальных ситуациях с применением оружия, боевой и специальной техники и специальных средств, слаженная работа боевых порядков, а также освоения руководителями и начальствующим составом методикой управления подчиненными силами.

Основными задачами тактико-специальной подготовки в ОВД являются:

– развитие у сотрудников теоретических знаний и практических навыков в организации и управлении действиями элементов боевого порядка в специальной операции;

– формирование у сотрудников высоких морально-боевых, психологических и физических качеств в совокупности с их профессионально-тактическими навыками и умениями;

– выработка у сотрудников системного подхода к принятию решений для выполнения поставленных задач в любых условиях обстановки;

– выработка слаженности подразделений (элементов боевого порядка) в целях ведения согласованных и решительных действий в различных условиях сложной, постоянно меняющейся оперативной обстановки;

– привитие сотрудникам навыков штабной культуры при оформлении графических документов, рабочей карты (плана) и других документов управления и работе с ними.

Одним из основных показателей профессиональной готовности будущих сотрудников ОВД в целом является уровень их боевой, специальной физической, огневой, а особенно тактико-специальной подготовки. Дисциплина ТСП наиболее полно обеспечивает комплексное обучение будущих сотрудников умелым и слаженным действиям в условиях, максимально приближенным к служебной реальности. Тактико-специальная

подготовка как процесс обучения приемам и способам проведения специальных оперативных мероприятий и их обеспечения является одной из важнейших дисциплин в высших учебных заведениях системы МВД.

В зависимости от характера и способов действий преступников, применения ими различного вооружения, их оснащенности специальными средствами и техникой изменяются и усложняются задачи, решаемые сотрудниками подразделений охраны общественного порядка в ходе тактико-специальной подготовки.

Сложность и ответственность задач, а также содержание и пути осуществления профессиональной подготовки определяют высокие требования к организации и методике ее проведения непосредственно к руководителям занятий. При этом профессионализация обучения выражается в необходимости предельно конкретизировать задачи и содержание этой подготовки в связи с особенностями деятельности будущих сотрудников ОВД в современных условиях. Необходимость решения задач, которые встречаются в повседневной служебной деятельности сотрудников ОВД по охране общественного порядка, обязывает преподавателей кафедры ТСП большее внимание уделять практическим формам и методам обучения.

Как отмечает Г.А. Тырыгина, практико-ориентированное обучение – это освоение образовательной программы не в аудитории, а в реальном деле, формирование у обучающихся профессиональных компетенций (как общепрофессиональных, так и специальных) за счет выполнения ими реальных практических задач в учебное время [8].

Современные условия обязывают преподавателей заботиться о том, чтобы курсанты понимали алгоритм своих действий. Использование в учебном процессе метода моделирования типичных ситуаций служебной деятельности сотрудников ОВД по охране общественного порядка обеспечивает освоение обучающимися знаний, формируемых умений, тактических

навыков и компетенций для действий в экстремальных ситуациях. Такой подход направлен на развитие профессионального мастерства, группового взаимодействия сотрудников ОВД, а также на формирование эмоционально-волевой устойчивости.

Проблемы подготовки современного специалиста охраны общественного порядка лежат в сфере как профессионального, так и материально-технического характера обучения, с использованием различных методик, которые включают в себя алгоритмы действий, ролевые игры, решение вводных задач по адаптации курсантов к экстремальным ситуациям в их будущей служебной деятельности. Решение служебных задач в экстремальных условиях является одной из качественных характеристик профессиональной деятельности работника полиции, отсюда вытекает необходимость подготовки личного состава к определению степени риска, его разумных пределов, а также готовности к нему.

Целью исследования является поиск эффективных инновационных методов обучения курсантов в ведомственных учебных заведениях, которые будут способствовать формированию навыков правомерного пресечения противоправных действий с применением физической силы, боевых приемов борьбы и (или) специальных средств.

Нами предлагаются некоторые пути решения этой проблемы в процессе подготовки курсантов, категория которых непосредственно относится к охране общественного порядка:

1. Подбор наиболее эффективных педагогических приемов и методов подготовки и проведения занятий с будущими сотрудниками полиции по освоению алгоритма действий в экстремальных условиях.

2. Изучение состояния организма курсантов, вызванного психофизиологическим напряжением и осознанностью опасности ситуации.

3. Разработка методов обучения, которые способствуют наибольшей мобилизации организма и создают высокую степень напряженности.

4. Разработка методов воспитания и обучения осознанному моральному контролю и регулированию психофизиологических процессов, которые возникают в условиях экстремальной обстановки.

5. Разработка моделей различных ситуаций, максимально приближенных к реальным условиям боевой обстановки, которые включают в себя алгоритмы действий, ролевые игры, решение вводных задач по адаптации курсантов к экстремальным ситуациям в их будущей служебной деятельности.

6. Изучение эмоционально-двигательной активности при интенсивных экстремальных воздействиях.

7. Разработка методов, повышающих психофизиологическую устойчивость организма в различных служебных условиях.

Суть предполагаемых как моральных сюжетов взаимоотношений «полицейский – гражданин», так и профессионально-устойчивых навыков противостояния «полицейский – преступник» заключается в создании таких учебных ситуаций, которые бы формировали способность выполнять требуемые учебные действия, преодолевая психофизиологическую напряженность, опасение, волнение, страх. Целесообразность проведения таких занятий, в которых перед курсантами ставятся различные задачи их будущей служебной деятельности, оправдана существованием психофизиологической закономерности: курсант, неоднократно попадавший в трудные условия и смело справляющийся с ними, имеет больше шансов выйти с честью из очередной экстремальной ситуации, чем тот, который редко попадал в них или не попадал никогда.

Создание экстремальных ситуаций, наиболее приближенных к реальным условиям боевой обстановки, и последовательность действий для решения поставленных задач может мотивировать интерес к учебному процессу будущих сотрудников ОВД.

Проанализировав эффективность педагогических методов и приемов проведения занятий, можно выделить основную

концепцию моделирования оперативно-служебных ситуаций. В основе концепции ситуационной подготовки лежит моделирование ситуации «поиска-преследования-задержания» преступников (как правило, вооруженных), в которой предполагается комплексный подход с использованием не только необходимых тактических умений и навыков, но и применением современных специальных средств.

Осуществление комплексного подхода происходит на основе междисциплинарной интеграции тактико-специальной, огневой и специальной физической подготовки, специальной техники и средств связи ОВД.

Комплексный подход к решению оперативно-служебных ситуаций включает в себя обучение профессиональным действиям будущих сотрудников полиции как в составе наряда патрульно-постовой службы, так и в качестве начальствующего состава при проведении силового задержания преступников и пресечения массовых беспорядков.

Моделируемые в учебном процессе ситуации должны соответствовать определенным критериям:

– соблюдение принципа реалистичности, при котором ситуация максимально приближена к боевой обстановке;

– необходимость осуществления педагогического контроля действий курсантов с последующим проведением анализа и соответствующими выводами;

– соблюдение принципа «от простого к сложному», который позволит избежать чрезмерное усложнение задач и оптимизирует проведение учебного процесса;

– сочетание последовательности теории и практики при проведении учебного занятия посредством разделения учебной группы на подгруппы (не более 15 человек на одного руководителя занятия);

– использование технических средств обучения при проведении практических занятий и учений (учебное оружие, макеты, тиры, площадки, полосы препятствий и т.д.);

– изучение и неукоснительное соблюдение правовых основ применения мер физического воздействия, специальных средств, огнестрельного оружия в моделирующих ситуациях.

Применение в учебном процессе моделирующих ситуаций позволит значительно повысить активность курсантов при освоении практического материала, в результате чего формируются личностные качества будущих сотрудников ОВД, такие как оперативное мышление, стойкость, уверенность, дисциплинированность, что, несомненно, будет способствовать успешному выполнению поставленных задач. Кроме этого, в моделируемых ситуациях происходит накопление курсантами практического опыта в действиях, имитирующих ситуации риска, опасности, неопределенности. Повышенные требования предъявляются к психологической готовности, проявлению бдительности и поддержанию готовности к неожиданностям [3].

Центральным звеном моделируемой ситуации является имитационная структура игры, которая отражает последовательность действий сотрудников при решении поставленных задач с дальнейшим проведением анализа допущенных ошибок (схема 1).

Моделирование типичной ситуации служебной деятельности сотрудников ОВД

Вводная задача: во время патрулирования на маршруте наряд полиции получил сообщение о срабатывании охранной сигнализации в магазине, который расположен на маршруте патрулирования. Прибыв на место происшествия, патрульные заметили, как из разбитой витрины магазина выбежал мужчина с сумкой и начал убегать. Поняв, что ему не уйти от преследования, он остановился, достал из сумки обрез охотничьего ружья и произвел выстрел в сторону наряда полиции.

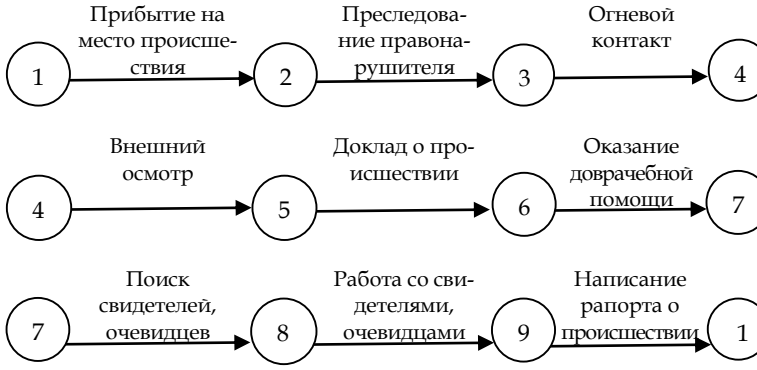

Схема 1. Последовательность действий сотрудников при решении вводной задачи.

Таким образом, применение интегративного метода на занятиях по тактико-специальной подготовке, который объединяет в единый комплекс знания, умения и навыки по огневой, специальной физической подготовке, специальной техники, топографии и другим дисциплинам, создает условия для развития профессионального мастерства будущего сотрудника органов внутренних дел.

В настоящее время, когда одной из важнейших задач становится укрепление общественного порядка, использование метода моделирования как типовых, так и нетиповых ситуаций экстремального характера оперативно-служебной деятельности сотрудников ОВД позволит оптимизировать процесс профессионального обучения курсантов в высших учебных заведениях МВД.

Литература:

1. Бородавко Л. Т. Профессиональное воспитание сотрудников правоохранительных органов в вузах МВД России: Теоретические основы и практика организации : монография / Л. Т. Бородавко. – СПб. : СПбУ МВД России, 2005. – 218 с.

2. Будило И. В. Профессиональная подготовка кадров: основные требования к управлению учебным процессом в образовательных учреждениях МВД России : учебное пособие / И. В. Будило, Л. В. Кузнецова. – Москва-Барнаул : Академия управления МВД России, Барнаульский юридический институт МВД России, 2003. – 104 с.

3. Гричанов А. С. Моделирование служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел в образовательных организациях МВД России / А. С. Гричанов // Материалы XVIII Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. – Иркутск, «Восточно-Сибирский институт МВД России». – 2016. – Т. 1. – С. 345-350.

4. Дикарев В. Г. Инновационные формы организации обучения в системе дополнительного образования в рамках повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов / В. Г. Дикарев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – Тюмень, ФГКОУ ДПО «ТИПК МВД России». – 2012. – № 2 (20). – С. 106-111.

5. Лапин Д.А. Моделирование служебно-боевых ситуаций на занятиях по физической подготовке в вузах МВД России / Д. А. Лапин, П. П. Литасов, Ю. А. Чушанков // Мат-лы конф. «Инновации в науке, образовании и бизнесе». – Калининград, 2013. – С. 290-292.

6. Маныщев В. В. Совершенствование методики тактико-специальной подготовки / В. В. Маныщев // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2006. – № 2. – С. 35-38.

7. Образцов П.И. Практико-ориентированный подход в подготовке специалистов / П. И. Образцов [Электронный ресурс] // URL: http://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2014/11/16/ praktiko_orientirovannyy-podkhod-v-pod-gotovke.

8. Тарыгина Г.А. О компетентностно-ориентированной практике студентов ИТ-специальностей / Г.А. Тарыгина [Электронный ресурс] // URL: http://2008.it-edu.ru/pages/Conference-works.

УДК 37.011.33.81

А.В. Дворцевая

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье рассматривается проблема профессионально-ориентированного обучения английскому языку, а также цели обучения и методологические вопросы преподавания английского языка студентам

юридического профиля. Актуальность темы определяется тем, что современное общество требует конкурентоспособных специалистов, способных общаться на профессиональном иностранном языке по своей специальности. Показана необходимость формирования и развития у студентов коммуникативных умений, важных для их эффективной профессиональной деятельности. Акцент сделан на методику преподавания иностранных языков, в частности на формирование коммуникативной компетенции. Обосновывается необходимость профессиональной подготовки преподавателей для обучения английскому языку в специальных целях. Говорится о применении наряду с профессионально-ориентированным методом обучения индивидуально-ориентированного подхода. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что сущность профессионально ориентированного обучения иностранному языку заключается в формировании у студентов-юристов коммуникативных умений, которые позволили бы им осуществлять профессиональные контакты на иностранном языке в различных ситуациях.

Ключевые слова: *иностранный язык, профессионально-ориентированное обучение, коммуникативные умения и навыки, личностно-ориентированный подход, профессиональный английский язык.*

The article touches upon the problem of professionally-oriented English language teaching, as well as objectives and methodological issues of teaching English to law students. The relevance of the article is determined by the fact that modern society requires competitive professionals who must be able to use professional foreign language in their field. The article shows the necessity of formation and development of students' communication skills, which are important for their effective professional activity. The emphasis is made on the methodology of teaching foreign languages, the formation of the communicative competence in particular. Moreover the author underlines that professional training for teachers of the English language for special purposes is also necessary. The article examines the question of the application of professionally-oriented teaching and the method of individually-oriented approach. The author of the article comes to conclusion that the essence of professionally oriented foreign language teaching is to form communicative skills of law students that would enable them to carry out professional contacts in a foreign language in various situations. To develop the personal qualities that promote readiness of students

to carry out their future professional activity, the relevant educational process should be organized to meets the requirements of efficient professional development.

Key words: *foreign language, professionally-oriented teaching, communicative skills, individually-oriented approach, professional foreign language.*

В связи с тем, что в последнее время возросла потребность в высококвалифицированных специалистах в юридической сфере, владеющих иностранным языком, преподаватели вузов должны ориентироваться не просто на обеспечение учебного процесса на занятиях, а быть готовыми к тому, чтобы занятия по иностранному языку были тесно связаны с лекциями по профильным предметам.

В эпоху глобализации и информатизации высшие учебные заведения обязаны не просто готовить бакалавров и магистров, знания, умения и навыки которых соответствуют требованиям времени и быстро развивающегося общества, а именно специалистов, готовых применить свои знания на практике, готовых бурно и оперативно реагировать на вызовы времени. Современному специалисту необходимо быть сейчас не просто профессионалом в своей деятельности, но и также готовым к осуществлению профессионально ориентированной межкультурной коммуникации со своими иностранными коллегами для успешного взаимодействия на международном уровне. Для этого необходимо уяснить принципиальную разницу между преподаванием общего курса иностранного языка в целом и преподаванием английского языка для профессиональных и специальных целей.

Необходимо учитывать тот факт, что преподавание иностранного языка для профессиональных целей необходимо осуществлять в контексте.

Это не означает, однако, полного и бесповоротного отказа от обучения грамматике и коррекции ошибок, возникающих в речи студентов в процессе обучения любому иностранному языку. Несмотря на это коммуникация в данном случае первична, лексико-грамматический аспект иноязычной речи также

требует особого внимания. Принципиальное отличие от традиционной методики обучения иностранному языку лишь в том, что коррекция и отработка навыков корректного использования лексики и грамматики изучаемого языка осуществляется по окончании коммуникативной части занятия. И это полностью оправданно, так как нельзя не признать, что грамматические ошибки в иноязычной речи не оказывают столь пагубного влияния на успешность коммуникации, как незнание грамматических правил языка и особенностей коммуникативного поведения его носителей. Таким образом, методика преподавания общего курса иностранного языка отличается от методики преподавания иностранного языка для профессиональных целей.

При профессионально-ориентированном обучении таким видам речевой деятельности, как говорение, чтение, письмо и аудирование, уделяется разное внимание: особый акцент делается на тех аспектах языка, которые в будущем будут востребованы выпускниками того или иного направления или специальности, например, студентов-юристов. Специалисты разных юридических специальностей должны уметь осуществлять перевод профессионально-ориентированных текстов по своей сфере (перевод договоров (контрактов), юридических заключений и меморандумов, нотариальных свидетельств, учредительных документов юридических лиц, доверенностей и т.п.). Очевидно, что не только сама методика преподавания иностранного языка, но и подбор современных и аутентичных учебных материалов для курса иностранного языка для специальных целей должен отвечать требованиям будущей профессии студента.

Приходится отметить, что овладению иностранным языком как средством профессионального общения нередко мешает недостаточное владение родным языком. Бывают случаи, когда преподаватель по иностранному языку вынужден «параллельно закладывать языковые навыки в области и общего языка и постепенно вводить язык для специальных и профессиональных целей», к сожалению, не редкость [1; 7].

Таким образом, можно выделить следующий круг проблем, связанных с обучением иностранному языку студентов юридической специальности:

1) разный уровень подготовки студентов и их владения иностранным языком при поступлении в высшее учебное заведение;

2) пониженный уровень мотивации студентов к изучению иностранного языка;

3) сложность разработки единого учебно-методического комплекса для студентов, в неодинаковой степени владеющих иноязычными коммуникативными компетенциями.

4) проблема работы со студентами, которые в вузе фактически вынуждены начинать изучение иностранного языка «с нуля».

Очевидно, что все эти четыре проблемы тесно взаимосвязаны. Для формирования высокого уровня коммуникативной компетенции студентов-юристов необходимо тем или иным способом решить их все. Сделать это очень сложно прежде всего в силу того, что в иностранный язык изучается лишь в течение первых двух лет обучения, а это чрезвычайно малый срок для овладения иностранным языком «с нуля» при заложенной в учебной программе нагрузке (две пары в неделю – на первом курсе, две пары в неделю – на втором).

Что же касается сложности разработки единого учебно-методического комплекса для разных уровней подготовленности обучения иностранному языку на юридической специальности вуза, то данная проблема, увы, не имеет простого способа решения. Поэтому лучший выход для преподавателя здесь – действовать в рамках личностно-ориентированного подхода и реализации принципа индивидуализации обучения. Это может выражаться в подборе индивидуальных учебных материалов для отстающих студентов, дополнительных заданий на дом, текстов для изучения в соответствии с уровнем подготовки студента и т.п.

Изучение иностранного языка должно быть не самоцелью, а средством достижения цели повышения уровня образованности, эрудиции в рамках своей узкой специальности. Учет специфики профилирующих специальностей должен проводиться по следующим направлениям: работа над специальными текстами, изучение специальных тем для развития устной речи, изучение словаря-минимума по соответствующей специальности, создание преподавателями пособий для активизации грамматического и лексического материала обучающихся. На занятиях по иностранному языку в неязыковых вузах предлагается использовать страноведческий комментарий. Страноведческий материал это одна из форм реализации межпредметных связей. Краткие комментарии страноведческого или лингвострановедческого характера четко обнаруживают связь практики обучения иностранному языку с содержанием программ других дисциплин и оказывают положительное воздействие на приобретение студентами неязыковых вузов более глубоких профессиональных знаний [5, 693].

Студент должен знать, какие виды работы с текстом существуют и приняты в стране изучаемого языка, потому что, во многих случаях, правила оформления, скажем, разных форм компрессии информации (например, аннотация, реферат) существенно отличаются в русском и английском языках. Если мы хотим помочь нашим студентам быть полноправными членами международного научного сообщества, мы обязаны наделить их всем лингвистическим инструментарием, который позволил бы нашим специалистам общаться с зарубежными коллегами на равных. Кроме того, обучая, мы создаем необходимую для успешного обучения мотивацию. Студент, должен быть убежден, что то, чему его учат, будет необходимо в профессиональной практической деятельности, а не просто составляет элемент учебного плана.

Относительно сниженной мотивации студентов к изучению иностранного языка, то практика показывает, что значи-

тельная часть студентов убеждена, что общенаучные и общественно-образовательные дисциплины, куда входит и иностранный язык, не приближают, а удаляют их от овладения профессионально важными знаниями и навыками. Неслучайно и наибольший отсев студентов происходит на первых курсах, при изучении этих дисциплин. Задача преподавателя здесь – повлиять на развитие положительной мотивации изучения иностранного языка.

Обучение иноязычной речи студентов неязыковых специальностей в вузах более эффективно и продуктивно, когда в процессе преподавания иностранного языка делается акцент на создание положительного эмоционального настроя студентов, когда возникает полное удовлетворение от своей деятельности, в том числе условно-речевой по овладению иноязычной коммуникативной компетенцией, а также осознанное включение волевых усилий в случае неизбежных сбоев в процессе овладения иноязычной речью. Мотивы нельзя формировать извне в процессе обучения иностранному языку, можно только способствовать этому процессу [2, 18]. Мотив – сложное психологическое образование, которое должен построить сам студент. Стимулирование студентов положительными эмоциями представляется самым действенным способом усиления мотива.

Многолетний опыт преподавания иностранного языка свидетельствует о том, что студенты, изучающие иностранный язык в неязыковом вузе, как правило, на занятиях пребывают в двух диаметрально противоположных психических состояниях: состоянии скуки или состоянии тревожности. Данный факт можно объяснить тем, что на занятиях по иностранному языку скучают студенты, которые не мотивированы к изучению иностранного языка и совершенно далеки от стремления овладеть иностранным языком на коммуникативно достаточном уровне, а тревожность испытывают обучаемые, которые еще не утратили желание овладеть иностранным языком, но неуверенность в себе, боязнь ошибиться, высказаться неудачно

становится непреодолимым психологическим барьером. При этом самые современные методики обучения иноязычной речи оказываются нерезультативными, если они применяются в процессе обучения иностранному языку в условиях отрицательных эмоций обучаемых.

Таким образом, обеспечение процесса овладения иноязычной речью студентов должно подкрепляться положительными эмоциями, которые повышают активность личности, стимулируют познавательную деятельность, увеличивают энергию и напряжение интеллектуальных сил студента. Это имеет целью сделать обучение иностранному языку на юридической специальности вуза более эффективным и продуктивным.

Можно сделать вывод о том, что успех в области изучения иностранного языка для профессиональных целей зависит не только от преподавателя и от выбранной им методики и подбора современных учебных материалов. Важным и решающим является то, насколько студенты внутренне мотивированы и психологически готовы, и заинтересованы в том, готовы ли они усердно работать и постоянно совершенствовать и поддерживать свой уровень владения иностранным языком.

Литература:

1. Дронова О. А. Преподавание профессионального иностранного языка в вузе: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы преподавания иностранного языка профессиональной коммуникации: Материалы круглого стола 7 октября 2011 г. – С. 5–11.

2. Нечаев Н. Н. Психолого-педагогические основы разработки современных образовательных технологий в обучении иностранным языкам // Современные средства реализации целей обучения иностранному языку по новой программе (неязыковые вузы) / под ред. К. Г. Павловой. – М.: МГЛУ, 2002. – Вып. 467. – С. 5-22.

3. Поляков О. Р. Английский язык для специальных целей: теория и практика. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 2003. – 188 с.

4. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж: Истоки, 1996. – 237 с.

5. Шаимова Г. А., Шавкиева Д. Ш. Профессионально-ориентированное обучение английскому языку в неязыковых вузах // Молодой ученый. – 2013. – № 11. – С. 692-694.

УДК 378.147

В.В. Павлюков
О.В. Давыскиба

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ЛУГАНСКОЙ АКАДЕМИИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИМЕНИ Э.А. ДИДОРЕНКО

В статье представлено теоретическое обоснование необходимости внедрения дистанционного обучения в учебный процесс Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. Для внедрения программного обеспечения используемого в целях реализации дистанционного обучения выбрана модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда Moodle. На основе анализа существующих законодательных требований, предъявляемых к организации обучения средствами технологий дистанционного обучения, авторы указывают на необходимость создания отдельной структурной единицы (отдела); предложены штатная численность, функциональные обязанности каждого сотрудника отдела. Основной целью предложенного отдела является разработка, тестирование и внедрение дистанционного обучения в учебный процесс Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. Также в статье предложены технические характеристики современной компьютерной техники, что позволило бы организовать дистанционное обучение в академии на достаточном уровне. Как перспективное направление развития дистанционного обучения в академии авторы статьи указывают на необходимость создания факультета дистанционного обучения.

Ключевые слова: *образование, закон, дистанционное обучение, компьютерные технологии, Moodle.*

In the article the theoretical substantiation of necessity of introduction of distance learning in the educational process of the Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko. To implement the software used for the implementation of distance learning, a modular object-oriented

dynamic learning environment Moodle was chosen. Based on the analysis of existing legislative requirements for the organization of training using distance learning technologies, the authors point to the need to create a separate structural unit (department); the staff number and functional duties of each employee of the department are proposed. The main purpose of the proposed department is the development, testing and implementation of distance learning in the educational process of the Lugansk Academy of the Interior named after EA. Didorenko. Also in the article technical characteristics of modern computer technology that would allow to organize distance learning in the academy at a sufficient level are offered. As a perspective direction of the development of distance learning in the academy, the authors of the article point out the need to create a faculty of distance learning.

Key words: *education, law, distance learning, computer technologies, Moodle.*

Развитие и внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы человеческой деятельности является одной из особенностей современного информационного общества. В свой черед перспективы развития современного общества напрямую зависит от системы образования. Внедрение новейших методик организации учебного процесса с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, способствует повышению уровня качества образовательного процесса.

Так в интернет-пространстве пользователи продемонстрировали повышенный интерес к дистанционному образованию, на что незамедлительно откликнулись ведущие учебные заведения. Так крупнейшие университеты мира готовы предоставлять образовательные услуги в виртуальном пространстве [3].

Дистанционное обучение является одной из форм получения непрерывного образования, реализуя права человека на образование и получение информации, а также эффективным решением для предоставления беспрепятственного доступа к образовательным услугам независимо от территориального расположения пользователя. В реальных условиях развития высшего образования Луганской Народной Республики данное

направление является актуальным при предоставлении беспрепятственного доступа к образовательным услугам гражданам с территории Донбасса, временно подконтрольной Украине.

Поэтому Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко с целью оказания помощи согражданам, а также во исполнения приказа Министерства Образования и науки Луганской Народной Республики «Об утверждении Порядка предоставления дистанционного обучения в образовательных учреждениях высшего образования для граждан, проживающих в районах Донбасса, временно находящихся под контролем Украины» от 06.07.2017 № 295 [1] (Далее Порядок), а также Приказа «О внесении изменений в Порядок предоставления дистанционного обучения в образовательных учреждениях высшего образования для граждан, проживающих в районах Донбасса, временно находящихся под контролем Украины» № 74-од от 30.01.2018 [2] в рамках гуманитарной программы по воссоединению народа Донбасса принимает меры для предоставления и внедрения дистанционного обучения в образовательный процесс академии для граждан, проживающих в районах Донбасса, временно находящихся под контролем Украины.

Стоит отметить, что внедрение образовательных программ с использованием электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, предусмотренных Законом Луганской Народной Республики от 30.09.2016 № 128-II «Об образовании» [5], где сказано о формах получения образования и формах обучения или при их сочетании, при проведении учебных занятий, практик, текущего контроля успеваемости, промежуточной, итоговой и (или) государственной итоговой аттестации обучающихся (пункт 2 Порядок), требует разработки последовательных действий и их практической реализации.

На первоначальном этапе можно было бы задаться целью проанализировать потенциал всех существующих систем организации дистанционного обучения, однако, как нам кажется, стоит пойти по иному пути и обратить внимание лишь на самую эффективную и на наиболее популярную во всем мире

свободную систему управления обучением, а именно – модульную объектно-ориентированную динамическую учебную среду «Moodle» [8, 4]. Данная система позволяет организовывать дистанционные курсы и ориентирована в первую очередь на организацию взаимодействия между преподавателем и студентами.

Используя среду Moodle, преподаватель имеет возможность создавать дистанционные курсы, наполняя их содержимым в виде текстов, вспомогательных файлов, презентаций, видео лекций, опросников и т.д. [7]. Для работы со средой Moodle нужно наличие любого Web-браузер, что делает ее использование доступной и удобной как для преподавателя, так и для обучаемых. Кроме того, среда Moodle позволяет осуществлять обратную связь между преподавателем и обучающимися в ходе образовательного процесса.

Очевидно, что система Moodle позволяет реализовать основные составляющие дистанционного обучения: открытое обучение, компьютерное обучение, активное взаимодействие преподавателя и обучающегося на основе использования информационно-телекоммуникационных сетей, о чем также указано в пункте 3 Порядка.

Таким образом, учебная среда Moodle является центром создания учебного материала и обеспечения интерактивного взаимодействия между участниками образовательного процесса. При помощи Moodle также возможна поддержка: очного, очно-заочного и заочного обучения.

Однако с целью реализации пункта 7, где указано, что «должны быть созданы условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств и обеспечивающей освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся» возникает

острая необходимость создания структурного подразделения информационных технологий и обслуживания дистанционного обучения, в состав которого должны входить специалисты, имеющие техническое образование; навыки Web-программирования, а также лица в обязанности которых будет входить нормотворческая и консультативная деятельность.

Соответствующую необходимость обуславливают нормативные предписания п. 8 Порядка, согласно которым при реализации образовательных программ или их частей с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий учреждения вправе:

1) оказывать учебно-методическую помощь обучающимся, в том числе в форме индивидуальных консультаций, проводимых дистанционно с использованием информационных и телекоммуникационных технологий;

2) самостоятельно определять объем аудиторной нагрузки и соотношение объема занятий, проводимых путем непосредственного взаимодействия педагогического работника с обучающимся, и учебных занятий с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий. Местом осуществления образовательной деятельности является место нахождения учреждения или его филиала независимо от места нахождения обучающихся;

3) обеспечивать соответствующий применяемым технологиям уровень подготовки педагогических, научных, учебно-вспомогательных, административно-хозяйственных работников учреждения по профессиональным программам.

Однако, на данный момент в штате ЛАВД им. Э.А. Дидоренко, есть несколько технических специалистов обязанности, которых постоянно расширяются. В связи с этим возникает необходимость создания дополнительных рабочих мест, где необходимо объединить уже имеющиеся кадры с «будущими специалистами» в отдельные структурные подразделения ЛАВД им. Э.А. Дидоренко. Штатная численность подразделе-

ния преимущественно должна состоять из технических специалистов, где помимо существующих обязанностей будут закреплены функции, связанные с разработкой, внедрением, наполнением и поддержкой в рабочем состоянии системы дистанционного обучения.

Для функционирования процесса дистанционного обучения в академии на удовлетворительном уровне необходима следующая минимальная штатная численность структурного подразделения (отдела):

1) *Начальник отдела:*

- знание специфики работы программы дистанционного обучения и своевременное устранение возникших проблем в процессе работы дистанционного обеспечения;

- организация ввода и эксплуатации системы дистанционного обучения;

- подготовка соответствующей сопроводительной нормативной базы;

- осуществление контроля за соблюдением предъявляемых требований к дистанционным курсам, которые будут реализовываться средствами дистанционного обучения.

- ведение учета различной статистики событий и процессов, происходящих в системе, организации приема экзаменов, проведения тестирования;

- проверка соответствия работы программы с учебными планами и приказами;

- контроль процесса создания и содержания учебного дистанционного курса (контента);

- подготовка средств ведения отчетности об успеваемости;

- поддержка личной переписки и информационного обмена между обучающимися и преподавателями системы.

2) *Зам. начальника отдела:*

- мониторинг и анализ состояния дистанционных курсов, а также эффективность их использования в учебном процессе академии;

- курирование технического персонала отдела, на основе личного опыта в данной области;

- при необходимости выполнение функциональных обязанностей начальника отдела.

3) *Старший инспектор (Web-программист):*

- установка, настройка, обновление и программирование системы дистанционного обучения;

- установка и настройка программы дистанционного обучения «Moodle»;

- установка и обновление средств управления контентом и модулей в программном обеспечении;

- консультационную помощь (при помощи социальных сетей, e-mail и других средств связи.);

- осуществление защиты программного обеспечения.

4) *Старший инспектор (системный администратор*):

- установка на серверы и рабочие станции операционной системы;

- настройка и обслуживание коммуникационного оборудования.

5) *Инспектор (технический специалист*):

- ремонт и обслуживание компьютерной техники и коммутационного оборудования;

- обслуживание и поддержка в рабочем состоянии сервера дистанционного программного обеспечения, периферийного оборудования, компьютеров, расположенных на кафедрах;

- настройка компьютерной техники, проекторов, web-камер, микрофонов.

6) *Инспектор (консультант):*

- консультационная работа с преподавателями кафедр;

- разработка инструкций и положений;

- оказание методической помощи по наполнению учебными материалами дистанционного курса дисциплины и т.д.;

- наполнение, изменение, дополнение, авторизация контента и доставка его обучаемому по запросу и/или событийному календарю курса обучения;

- модерирование информации, расположенной в системе дистанционного обучения;

- контроль за своевременностью наполнения учебным контентом и качеством дистанционного курса;

- участие в разработке методических рекомендаций и нормативную базу связанной с работой дистанционного обучения;

Консультант обязан доводить до участников образовательных отношений информацию о реализации образовательных программ или их частей с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, обеспечивающую возможность их правильного выбора, посредством размещения информации на официальном сайте учреждения, о чем говориться в п. 6 Порядка.

С целью внедрения дистанционного обучения в учебный процесс помимо создания отдела как отдельной структурной единицы академии, необходима соответствующая техническая база, которая включает: аппаратные (технические) средства; программные средства.

Аппаратные (технические) средства. Для внедрения среды Moodle необходимо использовать Web-сервер (отдельно стоящий сервер с серверной операционной системой который поддерживает PHP, например LAMP под Linux или IIS под Windows). Объем оперативной памяти на сервере берется из расчета 50 пользователей на 1 гигабайт оперативной памяти [6], соответственно для работы 1500 студентов необходим сервер с 32 гигабайтами оперативной памяти. Минимально надежный отказоустойчивый сервер должен быть оснащен 4 жесткими дисками, а именно: *2 SSD диска* (емкость каждого из дисков составляет 128 ГБ) для операционной системы; *2 жестких диска* (емкость каждого из дисков составляет 2 терабайта) для хранения большого объема информации (текстовой, графической, видео и аудио материалов).

С целью повышения надежности хранения данных необходима реализация RAID-массива, который должен поддержи-

ваться материнской платой сервера. Так за счет RAID 1 (зеркальный дисковый массив) в случае выхода из строя одного жесткого диска, заработает второй жесткий диск, где должна запускаться операционная система. Аналогичная схема должна быть реализована в случае выхода из строя жесткого диска емкостью 2 терабайта.

Для разработки дистанционных курсов (курс лекционных и семинарских занятий, составление тестов, запись аудио и видео материалов) и проведения занятий дистанционного обучения на достаточном уровне, каждую кафедру необходимо оборудовать современной компьютерной техникой. Следовательно, возникает потребность в приобретении соответствующей компьютерной техники:

- компьютер: монитор 24 дюйма, системный блок (2-х ядерный процессор, DDR-3 4Gb, 1 Tb жесткий диск, блок питания 400 Ватт), клавиатура, мышь;
- веб-камера (720 px);
- микрофон.

С целью проведения итогового контроля (онлайн экзаменов, тестирования) с помощью технологий дистанционного обучения, необходимо выделить и оборудовать специализированную аудиторию, которая соответствовала бы современным стандартам проведения дистанционных занятий. Комплектация специализированной мультимедийной аудитории должна включать: проектор с разрешением Full HD (1080 px); проекционный экран; Web-камера с аналогичным разрешением; ноутбук для работы с проектом; микрофоны для проведения онлайн занятий; камеры видеонаблюдения для записи учебного процесса; компьютерами для проведения занятии, тестирования.

Для реализации непрерывного доступа к серверу дистанционного обучения возникает необходимость дополнительного (резервного) канала связи, а также специального роутера (имеющий 2 и более WAN порта), который позволял бы автоматически переключаться на рабочий Интернет канал.

Программные средства. Для внедрения в учебный процесс ЛАВД им. Э.А. Дидоренко дистанционного обучения необходима установка и настройка следующего программного обеспечения: модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда Moodle; база данных MySQL; система управления базами данных и других компонентов, необходимых для корректной работы системы. Также система должна быть защищена фаверолям от взлома и различных атак.

Таким образом, для организации процесса дистанционного обучения в ЛАВД им. Э.А. Дидоренко на достаточном уровне необходимо: практическая реализация предложенных путей внедрения дистанционного обучения; разработка соответствующей нормативной базы требований к дистанционным курсам. Перспективами дальнейшего развития процесса дистанционного обучения в ЛАВД им. Э.А. Дидоренко является создание отдельного факультета дистанционного обучения, основываясь на опыт работы в данном направлении ведущих зарубежных вузов.

Литература:

1. Приказ Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 06.07.2017 № 295 «Об утверждении Порядка предоставления дистанционного обучения в образовательных учреждениях высшего образования для граждан, проживающих в районах Донбасса, временно находящихся под контролем Украины» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sovminlnr.ru/docs/12.06.2017/u295.pdf (дата обращения: 20.03.2018).

2. Приказ Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 30.01.2018 № 74-од «О внесении изменений в Порядок предоставления дистанционного обучения в образовательных учреждениях высшего образования для граждан, проживающих в районах Донбасса, временно находящихся под контролем Украины» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sovminlnr.ru/docs/2018/03/01/u74-od.pdf (дата обращения: 21.03.2018).

3. Как получить высшее образование дистанционно? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kp.ru/guide/vysshee-obrazovanie-distantsionno.html (дата обращения: 23.03.2018).

4. Moodle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moodle.org/ (дата обращения: 23.03.2018).

5. Закон Луганской Народной Республики от 30.09.2016 № 128-II «Об образовании» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minobr.su/docs/laws/27-zakon-ob-obrazovanii.html (дата обращения: 24.03.2018).

6. Установка Moodle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.moodle.org/archive/ru/Установка_Moodle (дата обращения: 25.03.2018).

7. Инструкция пользователя [Электронная образовательная среда Moodle] Владивостокский Государственный университет экономики и сервиса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nsmu.ru/workers/cit/sistema-elektronnogo-obucheniya/eos_pps.pdf (дата обращения: 27.03.2018).

8. ТОП 10 бесплатных систем дистанционного обучения для организации электронного обучения персонала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hr-elearning.ru/top-besplatnykh-sistem-distancionnogo-obucheniya-personala/ (дата обращения: 26.03.2018).

Раздел VI

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 343.131.

Ю.Б. Николаенко

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Принцип состязательности сторон, заключающийся в необходимости обеспечения сторонам равных прав и возможностей представления доказательств и формирования предмета доказывания, избрания способов защиты противоборствующих интересов, максимально оперативного и эффективного достижения истины, закреплен в ст. 17 УПК Луганской Народной Республики в качестве фундаментального, базового принципа уголовного судопроизводства. Проблемы реализации данного принципа на досудебных стадиях уголовного процесса занимают весомое место в научных дискуссиях ученых-процессуалистов и практиков. Широко распространена позиция исследователей, которые, признавая важность рассматриваемого принципа и необходимость его присутствия абсолютно на всех стадиях уголовного судопроизводства, признают его декларативность и слабую жизнеспособность на стадии предварительного расследования, обретающего свое значение и форму лишь в рамках судебных стадий рассмотрения дела. В статье автор предпринял попытку на основе анализа отдельных норм УПК ЛНР выразить свое видение возможности обеспечения реального, а не декларативного равенства процессуальных возможностей сторон в уголовном процессе ЛНР.

Ключевые слова: *состязательность сторон; равные права и возможности; достижение истины*.

Principle of adversarial proceedings, needs for ensuring parties equal rights and opportunities to present evidence and form the subject of evidence, election of ways to protect competing interests, to achieve the truth

as rapidly and as effectively as possible, embodied in article 17 of the Code of Criminal Procedure of Lugansk People's Republic as a fundamental, basic principle of criminal proceeding. Problems of implementation this principle into pre-trial stages of the criminal process take a weighty place in scientific discussions of process scientists and practicants. There is a widespread standpoint among researches who recognise the importance of the considered principle and its presence need in all stages of criminal legal proceedings, they recognise its declarativity and weak viability at the stage of preliminary investigation which acquires ins value and form only within judicial stages of the case. In article the author has made an attempt to express his vision on the basis of the analysis of separate norms of the CCP of LPR, to provide a real, but not declared, equality of procedural capabilities of the parties in the criminal process of LPR.

Key words: *adversarial proceeding; equal rights and opportunities; achievement of the truth.*

Одним из фундаментальных, базовых принципов уголовного судопроизводства является принцип состязательности сторон, заключающийся в необходимости обеспечения сторонам равных прав и возможностей представления доказательств и формирования предмета доказывания, избрания способов защиты противоборствующих интересов, максимально оперативного и эффективного достижения истины. Это обусловлено основополагающими международными документами (ст.ст. 10, 11 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 года, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 года, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 года). В условиях, когда защита прав и свобод человека является одной из основных, приоритетных задач государства, состязательный процесс представляется наиболее подходящим и соответствующим современным реалиям. Законодатель Луганской Народной Республики закрепил рассматриваемый принцип в ст. 17 УПК ЛНР, оставив, однако, без внимания необходимость его конституционного урегулирования.

Один из разработчиков УПК ЛНР депутат НС ЛНР Михаил Кукоев, комментируя принятие УПК, правильно отметил, что «…Законодательство, … должно обеспечивать не только неотвратимость наказания, но и соблюдение прав человека в уголовном процессе, отношение к нему как к личности, вина которой еще не доказана. Кроме того, стороны обвинения и защиты должны иметь равные процессуальные возможности, ведь состязательность уголовного процесса – один из главных его принципов… Его (УПК) основа – соревновательная модель уголовного судопроизводства, реальное, а не декларируемое равенство процессуальных возможностей сторон…» [2].

Сама по себе состязательность лишь определяет положение сторон в процессе, однако не решает тех процессуальных проблем, которые возникают при ее декларативном провозглашении. Поэтому не случайно рассматриваемая проблема занимает весомое место в спорах, как практиков, так и ученых-процессуалистов. Автор придерживается позиции тех исследователей, которые, признавая важность рассматриваемого принципа и необходимость его присутствия абсолютно на всех стадиях уголовного судопроизводства, признают его декларативность и слабую жизнеспособность на стадии предварительного расследования, и, обретающего свое значение и форму лишь в судебной стадии рассмотрения дела, и то, зачастую, только в суде первой инстанции.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства ЛНР позволяет сделать однозначный вывод, что сторона обвинения имеет значительно больше возможностей для реализации своих полномочий. При существующем распределении процессуальных прав участников процесса справедливость соревнования ставится под вопрос. Не случайно стороны провозглашены равноправными не по отношению друг к другу, а лишь перед судом (ч. 4 ст. 17 УПК ЛНР).

Неравенство сторон в уголовном процессе обусловлено ограниченными правомочиями стороны защиты в процессе доказывания и явным процессуальным превосходством стороны обвинения, наделенной широким спектром государственно-властных полномочий. Логично, что от органа расследования нецелесообразно требовать отыскания доказательств, подтверждающих невиновность лица, оказавшегося в поле зрения правоохранительных органов, либо смягчающих его вину. Аналогичным является утверждение, что защитник обязан нести бремя доказывания невиновности обвиняемого (исходя, прежде всего, из презумпции невиновности). Сторона защиты может противодействовать своим оппонентам, располагающим всем доказательственным массивом, лишь при условии реального и обеспеченного законодательно объема прав по собиранию, закреплению и оценке доказательств. Ведь все действия участников предварительного расследования должны быть направлены на установление объективных обстоятельств дела, т.е. на достижение истины, которая в процессе находит свое выражение через его состязательность.

На деле сторона защиты, не наделенная властными полномочиями относительно получения доказательств, априори находится в наименее выгодном положении. Закрепленные в УПК ЛНР полномочия защитника, в частности, при собирании доказательств, противоречивы и декларативны, в силу чего получают мощнейшее противостояние со стороны властных органов расследования. В целом деятельность защитника фактически направлена на опровержение предмета обвинения, выявление обстоятельств, которые опровергают подозрение, обвинение, смягчают или исключают уголовную ответственность подозреваемого, обвиняемого. Но никакие сведения о фактах, полученные защитой без их легализации путем проведения следователем следственного действия, не считаются доказательством.

Реально защитник может противостоять обвинительному уклону судопроизводства лишь в суде, а на стадии предварительного расследования он может лишь консультировать, ходатайствовать, обжаловать. Его роль вынужденно пассивна. Поэтому лишь уравнение процессуальных возможностей сторон в процессе доказывания – собирании, проверке и оценке доказательств, может обеспечить соблюдение принципа состязательности и выполнение целей уголовного процесса в целом.

Среди ученых-процессуалистов существует мнение о необходимости законодательного закрепления запрета от отказа со стороны следователя в удовлетворении ходатайства защиты о проведении следственных действий с целью установления обстоятельств, ранее не установленных и не выясненных в ходе проведения предыдущих следственных действий, но, имеющих значение для дела. Это позволит ограничить субъективный подход к разрешению ходатайств защиты о проведении следственных действий и усилить позицию защиты при выполнении своих функций, обеспечить всесторонность и полноту расследования [3]. В практической деятельности на этапе досудебного производства по делу большинство ходатайств стороны защиты о производстве процессуальных действий, принятии решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, которые могут быть использованы в пользу обвиняемого, следователями не удовлетворяются [4, 5]. Не случайно президент Гильдии российских адвокатов доктор юридических наук, профессор Г.Б. Мирзоев правильно подметил: «Адвокат – ходатай, поручитель, проситель, не имеющий реальных полномочий для того, чтобы изменить судьбу своего подзащитного…. В результате наше население уже не верит ни суду, ни прокуратуре, ни родной полиции» [6].

Прямая зависимость стороны защиты от решений стороны обвинения относительно целесообразности проведения следственных действий по ходатайству защиты,

приобщения материалов, длительности сроков обжалования действий (бездействия) стороны обвинения и т.д. свидетельствуют об отсутствии равенства и состязательности. В справедливости этого тезиса нетрудно убедиться, проанализировав процессуальный механизм собирания доказательств, предусмотренный действующим УПК ЛНР. Законодатель наделяет защитника правом собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны представить запрашиваемые документы или их копии (ст. 89 УПК ЛНР). Но в действительности в большинстве случаев реализация указанных прав не обеспечена принуждением. Более того, законом не регламентирована процессуальная форма реализации предоставленных защитнику прав. На первый взгляд, адвокат получает возможность проведения параллельного расследования, однако, вовлечь в процесс доказывания на стадии предварительного расследования полученные данные он может не иначе, как через следователя. В частности, обращает на себя внимание несогласованность положений ст. 77 со ст.ст. 56, 89 УПК ЛНР, наделяющих защитника правом собирания именно доказательств, а не просто предметов, сведений, документов, информации, и т.д. Фактически представленные стороной защиты документы, предметы, сведения, информация смогут приобрести статус доказательств только после приобщения их следователем к материалам дела. Но они могут быть не приняты следователем и не приобщены к материалам дела в случаях, если противоречат убеждению следователя в виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Причем законодатель не обязывает следователя обосновывать и мо-

тивировать принятое по ходатайству решение. В результате защита оказывается в прямой зависимости от порядочности и квалификации следователя.

Среди процессуалистов существует мнение, с которым сложно не согласиться, что участие защитника в проведении следственных действий усиливает элемент состязательности, создает лучшие условия для обеспечения всесторонности расследования и служит гарантией защиты от предвзятости и применения недозволенных методов следствия. Это позволяет защитнику непосредственно воспринимать полученные в результате таких действий доказательства, оценивать их относимость, допустимость и достоверность. Защита получает дополнительную информацию о доказательствах, которыми располагает следствие [7]. Рациональным в связи с этим видится необходимость вручения стороне защиты копий протоколов следственных действий, в которых подозреваемый (обвиняемый) и защитник принимали участие, либо которые проводились по их ходатайству. Не лишне наделить сторону защиты правом самостоятельного использования технических средств при проведении следственных действий, в которых они принимают непосредственное участие.

Предоставлению равных возможностей при собирании таких важных доказательств как показания свидетелей могло бы способствовать законодательное урегулирование, по аналогии с ч. 4 ст. 292 УПК ЛНР, запрета на отказ в удовлетворении заявленного ходатайства о допросе, и обязанности следователя производить допрос свидетеля защиты при неоспоримом праве защитника лично участвовать в следственном действии. Наряду с этим, на наш взгляд, нуждается в законодательном закреплении процессуальный механизм опроса лица с его согласия самим защитником с фиксацией показаний в протоколе опроса (или акте

опроса) с возможностью использования в качестве дополнительного средства фиксации видео-, аудиозаписи. Это будет способствовать не только актуализации равных возможностей сторон, но и позволит впоследствии закрепленные подобным образом сведения о фактах проверить как в процессе расследования, так и в рамках судебного слушания.

Полноценной реализации полномочий защитника по истребованию справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны представлять запрашиваемые документы или их копии, могло бы способствовать дополнение УПК ЛНР нормой, которая бы устанавливала срок (например, 10 дней), в течение которого указанный орган обязан представить запрашиваемую информацию (документы), а также предусматривала ответственность за незаконный отказ либо уклонение от представления или формальное представление запрашиваемых сведений.

Действующий УПК ЛНР наделяет правом принятия решения о назначении экспертизы на досудебной стадии лишь орган предварительного расследования. При этом в исключительную зависимость от следователя ставится предоставление стороне защиты права ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту. Присутствовать при производстве экспертизы, давать объяснения эксперту защитник может с разрешения следователя (п.п. 4, 5 ч. 1 ст. 205 УПК ЛНР). В данном случае законодатель снова уходит в сторону от заявленной состязательности, в идеальном проявлении которой ни одна из сторон не должна быть ущемлена в правах либо пользоваться преимущественным правом в представлении доказательств. На этой стадии процесса защитник фактически лишен возможности инициировать альтернативное проведение

экспертизы в связи, к примеру, с несогласием с выводами эксперта.

Наделение адвоката полномочиями по самостоятельному и непрерывному на протяжении всего производства по делу собиранию оправдательных, смягчающих вину доказательств, выяснению значимых для защиты обстоятельств, с законодательным закреплением соответствующего механизма, а также приобщению их к материалам дела без каких-либо ограничений, не только способствовало бы полноценной реализации принципа состязательности, но и отвечало международным стандартам правосудия. Представляется целесообразным, наряду с этим, на законодательном уровне закрепить равнозначность доказательств, собранных стороной защиты и оценивать их наравне с доказательствами, собранными стороной обвинения. Автор видит рациональность в передаче с сопроводительным письмом органу предварительного расследования собранных и проверенных защитником доказательств. Следователя в свою очередь следует обязать их принять и приобщить к материалам дела.

Наделение адвокатов дополнительными процессуальными полномочиями способствовало бы повышению их юридической и профессиональной ответственности, в том числе и за обеспечение достоверности представляемых доказательств.

В научной среде широко обсуждается вопрос о наделении защиты правом составления документа, аналогичного обвинительному заключению (акту), в котором бы содержалась систематизированная и логически выстроенная правовая позиция, ее обоснование фактическими данными. Данный документ передавался бы прокурору для ознакомления и в дальнейшем в суд для оглашения, наряду с обвинительным заключением. В этом плане интересен опыт Эстонии, где досудебное производство завершает не только обвинительный акт, но и акт защиты, в котором адвокат

дает оценку собранным по делу доказательствам, изложенным в обвинительном акте, а также указывает свои доводы, доказательства и убеждения защиты. Таким образом, в суд поступает два полярных, но равных по значимости процессуальных документа, что дает возможность исследовать доказательства как с позиции обвинения, так и с точки зрения защиты. Описанная идея, присуща законодательству большинства развитых стран [8, 9].

Следует обратить внимание и на то, что среди ученых остается открытым вопрос об отнесении органа предварительного расследования (следователя, дознавателя) к стороне обвинения. В идеале сторона обвинения – это прокурор, наделенный функцией поддержания государственного обвинения. Обязанность же следователя, согласно ст. 40 УПК ЛНР, состоит в осуществлении предварительного следствия по уголовному делу. Расследование может быть полным, всесторонним и объективным только при условии отделения исследовательской деятельности от обвинительной. Это, полагаем, может способствовать эффективному достижению поставленных целей. Безусловное отнесение государственных органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, к стороне обвинения противоречит ст. 38 Конституции ЛНР, согласно которой гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, по мнению автора, целесообразно исключить должностных лиц, производящих расследование, из категории лиц, относящихся к стороне обвинения, исходя, прежде всего, из содержания возложенных на них процессуальных функций.

В контексте рассмотрения вопроса о состязательности сторон не стоит оставлять вне поля зрения потерпевшего как одну из главных фигур уголовного судопроизводства. Его процессуальный статус очерчен в ст. 47 УПК ЛНР. Анализ следственной и судебной практики свидетельствует о том, что фактически

потерпевший лишен возможности полноправного участия в расследовании. На него не распространяется право на бесплатную юридическую помощь. Под вопросом его безусловное право на ознакомление со всеми материалами дела, получение копий важных процессуальных документов и т.д. На наш взгляд, вручение потерпевшему копии обвинительного заключения, к примеру, способствовало бы его тщательной подготовке к судебному заседанию, аргументации своей правовой позиции. Усовершенствование правового статуса потерпевшего в УПК ЛНР может стать весомой гарантией реализации принципа состязательности сторон и полноценной защиты лица, которому непосредственно преступлением причинен вред.

Законодатель, предусмотрев возможность стороне защиты (и любому другому участнику процесса) обжаловать действия либо бездействие органов предварительного расследования вышестоящему начальнику, прокурору либо в суд, в порядке судебного контроля (гл. 16 УПК ЛНР), не конкретизировал механизм обжалования. На практике ситуация складывается таким образом, что жалоба поступает к лицу, действия которого обжалуются. Исход рассмотрения таких жалоб весьма предсказуем.

Изложенное дает основания признать, что декларируемая состязательность сторон на досудебной стадии процесса отсутствует не только по причине отсутствия равнозначных процессуальных полномочий у состязающихся сторон, но и по причине отсутствия реального арбитра, наблюдающего за состязанием. Функция судебного контроля на рассматриваемой стадии производства фрагментарна и узка, что не позволяет полноценно обеспечить реализацию принципа состязательности сторон.

Полемизируя о предоставленной законодателем возможности обжалования, не стоит забывать и о том, что наделение стороны защиты правом обжалования действий

(бездействия) органа расследования создает условия для возможных злоупотреблений. Ведь сторона обвинения оказывается в положении незащищенной, лишенной возможности на ответные действия. Уравновешивание данного права на обжалование и предоставление всем участникам судопроизводства равного доступа к правосудию способствовало бы укреплению состязательных начал [10].

Обеспечение реального равенства процессуальных возможностей сторон в уголовном процессе Луганской Народной Республики, утверждение фактической, а не декларативной состязательности – одна из первоочередных задач республиканского законодателя, поскольку является одним из важнейших условий демократического судопроизводства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс ЛНР https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1873/

2. Интернет-ресурс http://lug-info.com/news/one/razrabotchiki-upk-lnr-uchli-nedostatki-ukrainskogo-zakonodatelstva-deputat-5981

3. Бирюкова А. М., Островская М. А. Модель состязательности по Уголовному процессуальному кодексу Украины (в сравнении с другими странами мира)//Адвокат. – 2012. – № 4 (139). – С. 15.

4. Федяшов А. М. О некоторых проблемных вопросах реализации принципа состязательности в уголовном процессе //Администратор суда. – 2013. – № 4. – С. 17-19.

5. Баев М. О., Баев О. Я. О правовом механизме нейтрализации обвинительного уклона в досудебном уголовном преследовании // Вестник Воронежского университета. Серия: Право. – 2016. – № 1. – С. 214-215.

6. Адвокатские вести России: Информационно-аналитический журнал. – 2012. – № 3. – С. 17.

7. Кореневский Ю. В., Падва Г. П. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству: практ. пособие. – М.: Юристъ, 2004. – С. 101-102.

8. Анненкова Т. С. Процессуальное положение обвиняемого и его защитника при расследовании преступлений // Следователь. – 2001. – № 4. – С. 30.

9. Трупов И. Л. Адвокатское защитительное заключение //Адвокатская практика. – 2002. – № 6. – С. 27.

10. Спирин А. В. Спор между прокурором и следователем в суде недопустим // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 4. – С. 63-69.

НАШИ АВТОРЫ

Андрейченко Л.С.	*преподаватель кафедры правоохранительной и судебной деятельности Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Башкатов Р.В.	*преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Бурбело Б.Ю.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Волкова Г.И.	*старший преподаватель кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Воскресенский Ф.А.	*аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва*
Габриелова Ю.В.	*преподаватель кафедры правоохранительной и судебной деятельности Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Гамова Е.А.	*следователь СО Стахановского ГУВД МВД ЛНР*
Глазков В.А.	*кандидат юридических наук, доцент, ректор Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Давыскиба О.В.	*кандидат педагогических наук, старший преподаватель-методист группы планирования учебного процесса учебно-методического отдела Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Дворцевая А.В.	*кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Енна О.А.	*старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Жидкова Е.С.	*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*

Иванова Я.С.	*преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Ковалева Е.В.	*кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой теории и истории государства и права Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Корж П.А.	*член Российской криминологической ассоциации, НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права» (г. Пермь)*
Коровин М.А.	*кандидат военных наук, профессор военной кафедры Луганского национального университета имени Владимира Даля*
Кравцов А.С.	*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Левченков А.И.	*кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Медведчук А.А.	*преподаватель кафедры судебной и правоохранительной деятельности Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Николаенко Ю.Б.	*слушатель 2 курса магистратуры факультета заочного обучения по направлению подготовки «юриспруденция» Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Олейник Н.А.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры правоохранительной и судебной деятельности Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Павлюков В.В.	*старший инспектор группы планирования учебного процесса Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Попов С.В.	*кандидат педагогических наук, начальник кафедры специальной физической и огневой подготовки Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*

Саенко С.И.	*кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Серебряк В.В.	*кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры тактико-специальной подготовки Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Солодовников А.Г.	*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоохранительной и судебной деятельности Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Терских Л.А.	*кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Топольскова И.А.	*кандидат юридических наук, доцент кафедры правоохранительной и судебной деятельности Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Фомин П.П.	*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Черечукина Л.В.	*кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Украины член Центральной Избирательной Комиссии Луганской Народной Республики*
Черков В.А.	*кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры правоохранительной и судебной деятельности Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Черкова М.Ю.	*кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры правоохранительной и судебной деятельности Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Чугунов Н.А.	*старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*
Шустова Ю.Е.	*слушатель магистратуры 2 курса 202-й группы Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко*

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

ОФОРМЛЕНИЕ И ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В «ВЕСТНИК ЛУГАНСКОЙ АКАДЕМИИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИМЕНИ Э.А. ДИДОРЕНКО»

Основной целью журнала «Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко» является содействие повышению качества подготовки специалистов для правоохранительных органов.

Статьи принимаются объемом от 8 до 14 страниц (формат А 4; шрифт – Times New Roman; размер основного текста 14, сноски 12; межстрочный интервал – 1,5). Статьи предоставляются в электронном и печатном видах.

Автор должен указать в статье универсальный код (УДК) по разделам номенклатуры научных специальностей.

Заголовок статьи должен состоять из названия статьи (на русском и английском языках) и персональных данных автора (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, контактный телефон).

Статья должна быть снабжена аннотацией (рефератом) и ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5-7). При составлении аннотации (реферата) рекомендуется следовать положениям ГОСТ 7.9-95 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация».

Иностранный текст и отдельные иностранные слова должны быть сверены с оригиналом.

Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1.-2003 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Для лиц, не имеющих научной степени, требуется рецензия лица, имеющего научную степень и/или ученое звание по специальности, соответствующей предмету исследования или выписка из протокола заседания соответствующей кафедры (лаборатории) с рекомендацией статьи к печати в открытом доступе, заверенная печатью учебного (научно-исследовательского) заведения.

При использовании литературных источников нужно указывать:

а) для журналов – фамилия, имя, отчество автора статьи, ее название, наименование журнала, год издания, номер, страницы;

б) для книг - фамилия, имя, отчество автора, название книги, город, где книга издана, название издательства, год издания, страницы.

1. Все библиографические элементы из иностранных источников нужно подавать только на языке оригинала.

2. При ссылке на законодательный акт необходимо в сноске дать полное официальное название и указать источник, где он опубликован.

Наш принцип:

1. Ответственность за научное содержание статей, достоверность фактов и точность ссылок ложится на авторов.

2. Редакционная коллегия имеет право сокращать текст статьи и вносить редакционные изменения.

3. Оценку актуальности представленных статей и содержания «Вестника Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко» проводит редакционная коллегия. Каждая полученная статья проходит обязательное внутреннее, а в случае необходимости – и внешнее рецензирование.

4. Рукописи редакцией не возвращаются.

5. При не выполнении перечисленных правил подготовки и предоставления рукописей редакция оставляет за собой право не рассматривать их.

Электронный адрес: vestnik_LAVD@mail.ru

Приглашаем к сотрудничеству всех желающих.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Левченков А.И., Ковалева Е.В. Системообразующие принципы деятельности органов правопорядка в нестабильных социумах.....3

Терских Л.А. Концептуальная основа теории «выживаемости» Новороссии как части Русского мира.....14

Саенко С.И. Непрофессионализм в нормотворчестве: социальные последствия и способы преодоления 27

Раздел II. ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ, АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА, АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Черечукина Л.В. Порядок формирования и деятельности квалификационной коллегии судей Луганской Народной Республики нуждается в оптимизации.....35

Кравцов А.С. Международное регулирование публично-правовых отношений в информационной сфере 43

Бурбело Б.Ю. Административно-правовой механизм реализации прав человека: некоторые проблемы инструментального подхода.....61

Раздел III. ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ТРУДОВОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРАВА

Жидкова Е.С., Волкова Г.И. Непоименованные и смешанные договоры в гражданском праве России и Украины.....73

Раздел IV. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Глазков В.А., Андрейченко Л.С. Классификация основных видов коррупции 84
Черков В.А. Особенности формирования доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности 97
Черкова М.Ю. Получение и использование показаний свидетелей в качестве доказательств по уголовному делу 110
Коровин М.А. Пути совершенствования мер борьбы с «компьютерной преступностью» в сфере современных информационных технологий 119
Солодовников А.Г. Защита от недобросовестной конкуренции: история вопроса и перспективы развития 131
Гамова Е.А., Топольскова И.А. Криминологический анализ преступности несовершеннолетних на территории обслуживания Стахановского ГУВД МВД ЛНР 138
Фомин П.П. Предмет и признаки объективной стороны состава преступления: проблемы взаимосвязи и разграничения 146
Солодовников А.Г., Шустова Ю.Е. Современное состояние графологии и перспективы развития в криминалистике 156
Башкатов Р.В, Чугунов Н.А. Отождествление национальных признаков внешности в ходе проведения криминалистических экспертиз 161
Олейник Н.А. Обеспечение законности в деятельности следователя при привлечении лица в качестве обвиняемого 165
Медведчук А.А. Информация в оперативно-розыскной деятельности: определение понятия 177
Корж П.А. Принципы оперативно-розыскной деятельности и технико-юридические особенности их изложения 185
Воскресенский Ф.А. Проблема объективной истины в науке и практике уголовного процесса 194
Габриелова Ю.В. К вопросу о применении меры пресечения, связанной с ограничением свободы, в отношении несовершеннолетних 206

Раздел V. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Серебряк В.В., Попов С.В. Использование полос препятствий для подготовки будущих сотрудников полиции МВД ЛНР 215

Серебряк В.В., Енна О.А., Иванова Я.С. Моделирование ситуаций служебной деятельности сотрудников ОВД в процессе обучения курсантов высших учебных заведений МВД 222

Дворцевая А.В. Профессиональный английский язык для студентов юридических специальностей 232

Павлюков В.В., Давыскиба О.В. Перспективы реализации дистанционного обучения в учебном процессе Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко 240

Раздел VI. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Николаенко Ю.Б. Реализация принципа состязательности сторон в уголовно-процессуальном законодательстве Луганской Народной Республики 251

НАШИ АВТОРЫ 264

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ 267

Научное издание

ВЕСТНИК
Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко

Научно-практический журнал

Выпуск № 1 (4)

Под редакцией авторов
Ответственный за выпуск *Т.С. Коваленко*
Компьютерная верстка *О.В. Васильева*

Подписано в печать 08.06.2018
Формат 60x84/16 Усл. печ. лист. 15,81.
Тираж 100 экз. Зак. №

Отпечатано с готового оригинала-макета
в ООО «Пресс-экспресс» 91034, г. Луганск,
ул. Ватутина, 89а. Тел.: (0642) 50-08-43.